Мои стрелецкие Университеты

Александр Петрович Исаев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Светлой памяти моих родителей
Ольге Михайловне и Петру Андреевичу посвящается

- Мои стрелецкие Университеты
  -
  - Исаев Александр Петрович родился 23 ноября 1933 года в селе Маслово Орловского района.
  - 1. Предисловие
  - 2. О родственных корнях и моих предках
  - 3. Родители
  - 4. Сестры
  - 5. Братья
  - 6. Как я появился на свет
  - 7. Война
  - 8. Глазной недуг
  - 9. Школа
  - 10. День Победы
  - 11. Агрошкола
  - 11. Служба в армии
  - 12. Институт
  - 13. Целина
  - 14. Комсомолия
  - 15. Жена
  - 16. Сыновья
  - 17. Начало научной работы
  - 18. Аспирантура
  - 19. После аспирантуры
  - 20. Заграничные командировки
  - 21. Докторская
  - 22. Работа в Орловском аграрном университете
  - 23. Инсульт
  - 24. Времена лихих перемен
  - Заключение

Мои стрелецкие Университеты

Исаев Александр Петрович родился 23 ноября 1933 года в селе Маслово Орловского района.

А.П. Исаев из многодетной крестьянской семьи. После службы в Армии закончил 3 – х годичную агрошколу и в числе 5% выпуска принят в Плодоовощной институт им. И.В. Мичурина на агрономический факультет. После института в 1962 году поступил работать во ВНИИ зернобобовых и крупяных культур. Прошел пусть от младшего научного сотрудника до заведующего отделом Земледелия.

Его основные исследования связаны с разработкой приёмов биологической интенсификации земледелия, повышения плодородия почвы, сборов белка и снижения энергозатрат за счет научно-обоснованных приемов возделывания зернобобовых культур. Им опубликовано более 160 научных работ.

В Орловском агроуниверситете читал курс «Зональные системы земледелия» и «Ландшафтоведение».

Доктор с.х. наук, профессор Заслуженный агроном РФ, награжден медалями, грамотой РАСХН, Дипломами лауреата ВВЦ и премией В.М. Хитрова, внесен в энциклопедию «Лучшие люди России».

1. Предисловие

К моему стыду и большому сожалению, о родовых корнях я очень мало знаю. Время, в которое жили родители, было тяжелое (Гражданская, Финская, Отечественная войны) не представляла возможность копаться в родственных связях. Задача была выжить и сохранить семью. Я, по своему недомыслию, заинтересовался ими тогда, когда ушли из жизни мои родители, братья, сестры. Остались в памяти только воспоминания о встречах, письма и фотографии.

Сожаление о том, что не могу восполнить безвозвратно утерянное время и невозможность что-либо исправить, заставило заняться моим жизнеописанием. Сказать несколько благодарных слов моим родителям. Только сейчас, когда стала белой голова, я стал понимать, какой человеческий, гражданский подвиг они совершили. В условиях архи трудного времени (голод 1921 и 1933 гг., оккупация 1941-1943 гг., послевоенная разруха), несмотря на ужасные лишения, они сумели вырастить и воспитать порядочных и честных сыновей и дочерей. В нашем роду нет и не было предателей, уголовников, развратников, тунеядцев и прочих сволочей.

Буду удовлетворен, если кто-то из наших потомков, прочтет мои воспоминания и они помогут ему понять и осмыслить какие его корни, кто его родственники. Руководствовался одной целью - донести до Вас хотя бы частицу той эпохи, мысли и дела, которыми жили Ваши предки.

2. О родственных корнях и моих предках

О моих предках я знаю только по рассказам мамы. О прадеде Григории Петровиче Исаеве знаю только, что он мечтал купить коня и собирал на его покупку весь год деньги. Когда оставалось собрать последние несколько рублей, он срывался и уходил в запой. Все накопленные деньги в течение двух недель пропивал. В эти дни ездил на извозчике, раздавал детишкам конфеты. Заканчивались деньги, наступало тяжелое похмелье. Жена несколько дней отпаивала его отваром. Придя в нормальное состояние он начинал опять копить деньги на покупку коня, но под конец срывался и все повторялось заново. Так мой прадед за всю жизнь не купил коня.

Мама рассказывала, что в семье хлеб пекли раз в две недели. Григорий Петрович (прадед мой) свежевыпеченный хлеб забирал и складывал в сундук, закрывал его на ключ, а черствый двухнедельной давности выставлял на стол. Этим черствым хлебом семья питалась. Мама сетовала: «Мы никогда не ели свежевыпеченного хлеба».

Дед Андрей Григорьевич по прозвищу «бесплатный» такое прозвище он получил за то, что в трактире в городе Орле поел, а за обед не заплатил и поехал домой. Его половые догнали за городом и заставили расплатиться. Мама с некоторым осуждением говорила, что свекор (Григорий Петрович) любил соленое. Будучи в городе в трактире он заказывал себе жаренную соленую селедку. Страдал эпилепсией. Вот такие скудные мои о них сведения.

О своей бабке Татьяне Исаевой (в девичестве Тихонова) отчества ее не знаю. Со слов мамы, в голодные двадцатые годы она отправилась с подругой к родственнице на «Донбасс», оставив невестку (маму) с малолетними детьми. Их у нее было пятеро. Добираться приходилось по железной дороге в товарных вагонах. Случилось так, что на одной станции один вагон был совсем пустой. Народ в этот вагон не садился. Они спросили «почему он свободен» им сказали «там плохие люди». Подруга бабушки говорит: «Мы их не боимся» и сели в этот вагон. Там находились двое мужчин. Один молодой, а другой постарше. Женщин стали насиловать. Моя бабушка кричала «Деточки (внуки) это мне за грехи». Приехав в Донбасс, испытав такой стресс, она заболела и вскорости умерла. Это рассказала ее подруга, вернувшись с Донбасса.

Дед по матери Михаил Федотович Казаков (по кличке «Левак») был левшой, отличался хорошим здоровьем, пережил трех жен. Оставил большое потомство в основном дочерей и одного сына. Опять со слов мамы. Он служил при Масловской волости рассыльным, развозил волостные бумаги по селам. Волость занимала обширную территорию Орловского и Урицкого современных районов. У Михаила Федотовича для этих целей было две лошади. Зачастую, волостное начальство с бумагами посылало в село, где в этот день отмечался престольный праздник. Естественно, его там приглашали в гости. Но наступал престольный праздник в с. Маслово «Покров». К нему дед готовился: варилась лапша, каша и пр. Многие прихожане с других сел приходили на «Покров» на молебен в Масловскую церковь. После службы знакомые деда, у кого он гостевал, заходили в его дом. Дед наливал им по стопке водки (не больше) угощал лапшой и пр. Поев гости выходили из-за стола, а новая партия гостей занимала стол, и таких партий было не менее трех.

В восьмидесятые годы прошлого столетия, когда я стал интересоваться своими родственными корнями, при встрече с дядей Исаевым Александром Андреевичем спросил: «Что он может рассказать о наших предках» Он мне ответил «Я уже ничего не помню». Но могу рассказать о Михаиле Федотовиче. Он был большой мастер готовить гусей. При волости существовал суд, который разбирал гражданские дела. После завершения судебных дел, выигравший дело, накрывал стол. Вот для этого стола дед «левак» готовил гуся.

Вероятно, в селе он был уважаемым человеком. Такой эпизод. М. И. Калинин, председатель ВЦИК, совершая поездку по стране, будучи в г. Орле, зимой 1919 г. приезжал для встречи с крестьянами в село Маслово. Его торжественно встретили. Хлеб, соль Калинину преподнес мой дед Михаил Федотович Казаков.

3. Родители

Мама Исаева Ольга Михайловна (в девичестве Казакова) родилась в 1892 году, дату точно не помню, что-то 22-24 июля, в многодетной крестьянской семье Казакова Михаила Федоровича. От первого брака у него родилось пять дочерей: Анна, Акулина, Ольга, Наталья и Мария. Последняя умерла в возрасте 17-19 лет

Маму в возрасте 9-10 лет отдали в служанки (нянькой) в дом волостного писаря. У него была многодетная семья и его жене нужна была помощница. По рассказам мамы, жена писаря была опытной и мудрой женщиной. Мама о пребывании в их доме отзывалась по доброму. От хозяйки мама научилась готовить первые и вторые блюда, ставить опару, месить и выпекать хлеб, готовить квас. Научилась управляться со швейной машинкой. Об этом я убедился когда мы жили в поселке «Первомасловском», в народе прозванном «Исаевский».

По прошествии многих лет, я не перестаю восхищаться ее опытом и мудростью. Женщина, которая ходила в ЦПШ (церковно-приходская школа) только две зимы, умевшая читать по складам и писать свою фамилию заглавными буквами, родившая десять детей, обладала большим авторитетом в семье и среди односельчан. Она принимала роды, была костоправом, избавляла нас от чирьев и всяких «нарывов». Мальчишками мы целое лето бегали босиком, травмы и порезы ног было обычным делом. Она к воспаленному месту прикладывала на ночь черный хлеб (предварительно его пожевав) завяжет тряпицей, а утром через день, когда созревал нарыв, она его вскрывала бритвой и иголкой, предварительно обезвредив инструменты огнем.

В начале 30 годов прошлого столетия был брошен клич «крестьян ближе к земле». В больших селах для работы в поле им приходилось добираться за 3-5 км, переселение их на поселок избавляло от этого неудобства.

Всю ее жизнь, и особенно в оккупацию (1941-1943 гг.), у нас никогда не было лишних продуктов. Была голодная и полуголодная жизнь. Да и послевоенный период люди жили трудно. Питание было очень скудным. В городах были продуктовые карточки, а в деревне, что получишь в колхозе. Выдавали во многих колхозах, на трудодень по 200 граммов зерна (иногда отходы) и по 20 копеек денег. Буханка хлеба на рынке стоила 200 рублей.

В эти голодные и холодные годы мама всеми силами стремилась спасти нас от голодной смерти. Случилось так, что перед войной в 1941 г., наш приусадебный участок 0,25 га был

отобран в колхоз, так как семья не выработала минимум трудодней. В колхозе из нашей семьи никто не работал. Отец работал учителем в школе, братья Алексей служил срочную службу в Красной Армии, Николай учился в сельскохозяйственном техникуме (г.Жиздра), Михаил и Петр были школьниками. Мама по состоянию здоровья и многодетности не могла выработать минимум трудодней.

В зиму 1941-1942 года картошки нам хватило до нового года, а дальше мама варила кормовую свеклу. В чашке плавают аккуратно нарезанные ломтики свеклы. Передать их вкус я уже затрудняюсь, но их есть заставлял только голод.

Спасением для семьи была корова «Маруся». В начале весны в хате появлялся белый с желтыми пятнами теленочек. Начиналась сытная жизнь. Первые дни молоко было молозивным, т.е. оно не сбивалась, не скисалось, при нагревании сворачивалось из-за наличия в нем ферментов и многих веществ для теленка. Примерно через две недели молоко становилось нормальным.

На всю жизнь запомнилась тушеная молодая картошка на молоке в русской печке. Мама готовила ее обычно к ужину. Кстати, кусты картофеля она не выкапывала, а подкапывала вручную, выбирала по 1-2 клубня, оставляя весь куст вегетирующим. Такой прием позволял без ущерба осенью получить нормальный урожай при сплошной уборке. Помню, как она в наше бедное меню умудрялась вносить разнообразие. Иногда вместо картошки утром пекла блины или готовила «саломать» - это заваренная в кипятке ржаная мука. Ее остужали и резали на ломтики. Летом ранним утром, только ей известных местах, находила несколько «печериц» - шампиньонов и готовила нам суп с грибами. Высевала грядку фасоли и летом варила суп с зелеными бобами фасоли. При забое животных она использовала практически все, за исключением рогов и копыт. В пищу использовалось коровье вымя, из говяжьей опаленной шкуры варился холодец и не только. Умудрялась из нее готовить вторые блюда.

Удивляет и вызывает глубокое уважение к нашим родителям умение выживать в тяжелых условиях голода и холода, при этом оставаться порядочными людьми.

Помниться, учась в агрошколе, я зимой на лыжах пришел на поселок к маме. Зима была снежная, сугробы до самой «застрехи» (под соломенную крышу). В хатенке из соломы и глины холодно, не смотря на то, что с осени ее обставляли снопами из соломы и по окна засыпали землей. В морозные дни по углам выступал иней. Последний год на поселке с мамой жил внук Володя Серегин (сын старшей дочери Антонины). Они мне рассказывали

такую картинку. Входит Володя, она лежит на печке спрашивает: «Володя покойники еще не ушли?» Он смотрит на меня и думает. Ну бабка с ума сошла. А, я имела ввиду иней по углам, который выступал в морозные дни». Спасалась она на русской печи. По утрам печь топили соломой, а дровами только тогда, когда пекли хлеб.

Такая зарисовка. Перед войной в поселке Свердловка, что располагался напротив через ручей, функционировала маслобойка и крупорушка. Давили конопляное семя и обрушивали гречиху и просо. Работали они на конной тяге. При обрушивании гречихи, получалась «шелуха»-оболочка от семян. Эту шелуху крестьяне использовали для обогрева своих хат. В домах устанавливались грубки, они могли отапливаться разными материалами: соломой, дровами, торфом. Приспосабливали их и под гречишную шелуху. В топку вставлялась железная крышка с наклонным дырчатым желобом, по которому сыпалась шелуха. Она сгорала налету не успев упасть на колосники. В морозные вечера, когда топили грубку, шелуха горела с гулом. Мне доверяли совочком сыпать эту шелуху в топку грубки, нравилось, как огонь с гулом пожирает эту шелуху.

Судьба мамы, по моему мнению, сложилась тяжкой. Муж не отличался богатырским здоровьем, а весной 1941 г. заболел крупозным воспалением легких и после этого не восстановился. Оккупация окончательно подкосила его и он умер от туберкулеза легких в июне 1948 года.

Мама родила десятерых детей, семь из которых достигли совершеннолетия – это материнский подвиг. Сколько она пролила слез и провела бессонных ночей можно только догадываться. Она похоронила трех малолетних детишек. Проводила на войну трех сыновей (Алексея, Николая, Михаила). На двух получила «похоронки», а Николай вернулся с войны, но она проклятая сделала свое дело. В возрасте 42-х лет он скоропостижно скончался. Через три года она похоронила дочь Наталью в возрасте 53-х лет. Старшего сына Алексея она ждала до конца своей жизни. Считала, что он в плену и должен вернуться. Последние годы своей жизни она прожила в моей семье. Я только окончил институт и работал младшим научным сотрудником, только женился. Зарплата была всего 76 рублей, а начинающей семье потребности на обустройство квартиры и хозяйство не соизмеримы с доходами. Жили материально трудно, на этой основе между мамой и женой Ириной возникали размолвки. Я пытался гасить эти разногласия, между мне дорогими людьми, но это не всегда удавалось. Пытался защитить мать – это вызывало недовольство жены. Перед мамой как-то заступиться за жену,

вызывала обиду у мамы.

К этому времени здоровье мамы стало ухудшаться. У нее часто болела голова, и она ее постоянно кутала, было высокое давление и болело сердце. Умерла она от рака желудка. 10 августа 1971 года, прожив 79 лет. Мучилась она сравнительно недолго и умерла в полном сознании. Это была суббота, я несколько залежался в постели. Когда зашел к ней в комнату, она сказала: «Как ты долго спишь» Я ей ответил: «Только 8 часов и сегодня выходной». На это она ответила: «А мне показалось, что уже много времени». Вскоре, у нее открылась кровяная рвота. Я вызвал неотложку. Ей сделали укол. Она успокоилась и уснула. Вероятно, впала в кому. Я периодически весь день заходил к ней в комнату. Она не просыпалась. Ближе к вечеру, в очередной к ней приход, она открыла глаза, ее взгляд был каким-то строгим. Она уже не могла говорить. Вероятно, глазами она сделала последний наказ и попрощалась со мной. Она последний раз глубоко вздохнула, грудь ее опустилась, и она перестала дышать. Похоронили мы ее на нашем сельском кладбище «Треугольник». Установили металлическую пирамиду с крестиком на верху и латунной пластиной с надписью

Исаева Ольга Михайловна
1892-1971

После смерти брата Петра по его завещанию, похоронить его урну с прахом в могиле матери. Теперь на их могиле стоит гранитный обелиск с их изображениями и высечена надпись

Исаевы
Ольга Михайловна
24.07.1892 – 19.09.1971
Петр Петрович
7.03.1928 – 11.08.2003

По прошествии лет, я острее почувствовал свою вину перед мамой. Я помнил, что не всегда был внимателен и терпим к ее советам и просьбам, но исправить уже не возможно.

По прошествии более тридцати лет после ее смерти, проникаешься уважением к ее материнскому подвигу, перенесенным физическим и душевным страданиям. На ее долю пришлись Японская, Германская, Гражданская, Финская и Отечественная войны. Много ломок доставила Октябрьская революция. Но по своей сути мама и революция не были враждебны.

Она частенько заявляла: «А, что вы хотите, господа-то остались. Думаете, они вам все простят». Ее пророческие слова, как ни горько осознавать, сбылись. Вернулись к нам господа и барины, захватили народом наработанное достояние, загнали нас

в нищету, из которой нашему поколению вряд ли удастся выбраться.

Отец. Он умер 14 июня 1948 г. Мне тогда шел пятнадцатый год. Во время его похорон и потом, я как-то не полностью осознавал потерю отца. Осознание пришло позже, года через три, когда я стал взрослеть и мужать. По возникающим жизненным вопросам, мне не с кем было посоветоваться. Тогда я остро почувствовал и полностью осознал его потерю. Он был нужен для советов, для решения, пусть не очень больших, но для меня важных проблем.

Мой отец **Исаев Петр Андреевич** родился в 1892 году в семье крестьянина села Маслово. По его рассказам, после окончания двухклассной Церковно-приходской школы (ЦПШ), его, как способного ученика, рекомендовали в гимназию, но у родителей не было средств, чтобы оплатить его учебу. Его устроили помощником волостного писаря. С его слов, он имел проблемы с русским языком и подчерком. За счет упорных занятий сумел выработать четкий подчерк и преодолеть проблемы грамматические.

У писаря в няньках была Оля Казакова. Их с отцом сосватали когда им было по 18 лет. Семья получилась многодетная. Я родился десятым ребенком. Вся жизнь отца сосредоточена на том, как прокормить и сохранить многочисленную ораву. По рассказам отца, когда он работал казначеем в Лошаковской потребкооперации, он весь свой заработок отдавал в семью. Сам перебивался тем, что раз в день имел возможность бесплатно обедать в общественной столовой. Рассказывал, что наедался похлебки так, что от столовой передвигался с большим трудом.

Отец с пониманием и согласно принял Революцию в октябре 1917 г. Активно участвовал в местных массовках и агитках, на которых сжигали чучела буржуев. Во время гражданской войны, когда Деникин вплотную подошел к г. Орлу, активисты села Маслово, в т.ч. отец, вынуждены были эвакуироваться в г. Болхов. После того, как Деникин был разгромлен под Орлом и отступил, отец вернулся домой.

По прошествии многих лет, а большое видится на расстоянии, я все больше понимаю и осознаю отцовский жизненный подвиг. Это был исключительно честный, порядочный и справедливый человек. Способный ради своих принципов идти на конфликт. К нему шли за советом и помощью жители окрестных сел и деревень. Он был совестью народа.

Такой эпизод. Будучи завучем Малосотниковской неполно средней школы, накануне экзаменов весной 1941 г., заболел крупозным воспалением легких. В армию его по состоянию

здоровья не призвали. Ему с нами (мама, Михаил, Петр, я и внучка Галя) пришлось пережить двухлетнюю фашистскую оккупацию. Не оправившись полностью от заболевания легких, он до конца жизни страдал от этого недуга и умер от туберкулеза легких через два года после войны.

Летом 1942 года, оккупационные власти взялись организовывать и укреплять свои порядки. Стали издавать газету «Орловские ведомости», назначали волостных старшин, старост и полицейских. К отцу приехал старшина Масловской волости Полехин Михаил Михайлович, старый его друг и дальний родственник, с предложением пойти учителем в школу. Отец категорически отказался от такого предложения. Мотивировал свой отказ тем, что он не может детям, которым рассказывал о Ленине, Сталине, октябрьской Революции, теперь говорить, что эти люди враги и предатели. Его слова: «Как я посмотрю в глаза этим детям. Нет я не могу войти в класс и вести урок. Это против всех моих убеждений».

Второй случай. После освобождения осенью 1943 года молодежь стала поступать в техникумы и другие учебные заведения. У большинства молодежи документов не сохранилось или их не было. Для поступления на учебу было достаточно представить справку от учителя, где он учился. К отцу за справками потянулись его бывшие ученики. Он в это время уже учителем не работал. Некоторые пяти – шестиклассники хотели получить справку об окончании семилетки. Отец таким категорически отказывал. Мотивировал это тем: «Как я ему дам справку, если он не освоил программу семилетки. Там должна стоять моя подпись». На уговоры, просьбы, приходивших женщин и нашей матери он отвечал: «Нет».

Еще одна черточка его натуры. Колхоз, в котором с 1932 г. жила наша семья, после оккупации стал возрождаться. Собрали оставшихся несколько лошадей, инвентарь. Работали в колхозе женщины и подростки. Иногда впрягали коров. На нашей корове мне приходилось бороновать поле.

Освобожденным от фашистов районам помогала вся страна. Поступали семена, скот, лес. Со станции семена женщины носили на своем горбу за 25 км.

Через пару лет после освобождения стали выдавать зерно по трудодням. Такой существовал в колхозе учет труда. Выдавать натуроплату разрешалось только после того, как колхоз выполнит обязательные госпоставки. Отец в то время работал колхозным счетоводом. К нему пришли три женщины (председатель, бригадир и завхоз) с предложением: «Петр Андреевич, давайте со склада тайком возьмем по мешочку зерна. Ведь дома совсем нет

хлеба». Отец категорически отказался от участия в этой афере и им не разрешил. Я при этом разговоре не присутствовал, но слышал диалог между матерью и отцом. Она со слезами уговаривала его согласиться с предложением председателя колхоза. На что он ответил: «Я никогда не был вором и им не буду».

В семье культ честности прививался с ранних лет. Считалось зазорным сесть за обеденный стол или принимать в чужом доме еду. А, если в доме появлялась какая-то новая вещь или игрушка, то устраивался допрос «Откуда?». Если это было добыто нечестным путем, то следовала команда - «Верни туда, где взял».

Отец обладал не плохими организаторскими способностями. В начале тридцатых годов прошлого столетия Советская власть кинула клич: - «Крестьян ближе к земле». Из больших сел крестьяне, на добровольной основе, группами получали свои наделы пашни и сельхозугодий, разбирали свои хатенки и переезжали на новое место.

Так по инициативе отца два десятка семей из села Маслово переехали на новое место, образовав поселок «Первомасловский (в народе Исаевский), позже колхоз «Красное знамя». По одну сторону от нас поселился Андрей Исаев (двоюродный брат отца), а по другую Казаков Андрей Павлович (двоюродный брат матери).

Таких поселков было организованно много. От села Маслово отпочковались п.п. Свердловка, Калиновка, Масловский, Максим Горький. От деревни Болотово – поселок Красный, Красномезенский и др. Это движение шло по большинству областей России, сыгравшее положительную роль в колхозном строительстве.

В небольших коллективах было проще организовать совместный труд. Все у всех были на глазах. Контроль над трудом был прозрачным. Просуществовали эти маленькие колхозы до пятидесятых годов двадцатого столетия. Потом пошла политика создания крупных многоотраслевых хозяйств. Пошел обратный процесс. Стали объединять мелкие хозяйства. Из двух десятков колхозов Масловского сельсовета образовали один совхоз им. Калинина.

Отец принял Советскую власть и всю свою жизнь служил ей верой и правдой. Зимой 1946 года в стране были проведены первые послевоенные выборы Верховного Совета СССР. К нам в колхоз приехал инструктор РК ВКП(б) для проведения собрания по поддержанию кандидата в депутаты Верховного Совета секретаря ОКВКП(б) Игнатова Николая Григорьевича. Депутатом №1 был назван И. В. Сталин. Тысячи производственных коллективов обращались с письменными просьбами к Сталину

дать согласие баллотироваться по их избирательному округу. Такое письмо вместе с инструктором сочинил отец. Они над письмом трудились полдня. Отец этим занимался с удовольствием. Он верил Сталину

4. Сестры

Они разные. Старшая Антонина (1912 г.) смуглая, высокая, стройная, несколько скрытная и стеснительная. Наталья (1914 г.) меньше ростом, полноватая, светловолосая, общительная. Некоторая свобода в общении со сверстниками создавали ей преимущество перед старшей сестрой, особенно в обращении с парнями. Мама вспоминала, что у них была напряженная ситуация, когда хохотунья и плясунья Наталья отбивала у старшей сестры ухажеров. Эта отчужденность между сестрами сохранялась, вероятно, долго.

Антонина вышла замуж за Серегина Илью. Родила четырех сыновей и дочку. Прожили они большую часть жизни в колхозе «Пятилетка» Урицкого района. И только под конец своей жизни перебрались в г. Орел. Купили на окраине города (Костомаровка) маленький кирпичный домик. Потом рядом построили большой деревянный.

Сестра Антонина была великой труженицей подстать мужу. Он был от природы смекалистым, по-крестьянски мудрым, но был почти неграмотным.

Сестра закончила только 4 класса начальной школы. В 18 лет вышла замуж. Родила сына Володю, на три месяца раньше, чем мать меня. Мы с племянником по очереди сосали груди матери, сестры и бабушки. Росли практически вместе.

Жизнь Антонины сложилась непросто. Муж на войне. Работа в колхозе, домашнее хозяйство, ребятишки.

Помню, как-то, пришла она к нам на поселок и маме жалуется: «Выбирали посконь (мужские растения конопли) до крови сорвала кожу с ладоней». Особенно было тяжело в период оккупации и в послевоенный период. На трудодни выдавали очень мало зерна и копейки денег. Кормились, в основном, за счет огорода возле дома и коровы. По той жизни корова была основной кормилицей. Все, что удавалось продать на рынке (молоко, творог, картошка) уходило на покупку керосина, соль, мыло и что-то купить детям из одежды и обуви. А в основном ходили в холщевых штанах и лаптях.

Муж Антонины отслужил действительную в кавалерии на Дальнем Востоке, прошел Отечественную войну, от колхоза работал на лесозаготовках. В семье был редко. В пятидесятых годах устроился возчиком райпотребсоюза в г. Орле. Перевез семью. Построил дом. После войны Антонина родила еще двух сыновей Николая (1947) и Александра (1954). Жили они последние годы материально хорошо. У них была высокоудойная

корова, дававшая хороший доход. Илья Васильевич умер в январе 1978 года, а Антонина пережила мужа на 1,5 года, и умерла, как мама, от рака желудка в мае 1979 года. Похоронили ее на Наугорском кладбище, рядом с мужем.

Наталья, по семейным наблюдениям, любимая дочь отца. По окончании профучилища в Липецке получила специальность печатника. Начала работать в Орловской типографии. Там познакомилась и вышла замуж за Сидорова Дмитрия Ивановича, старше ее на 5 лет. Человек весьма скромный. В отличие от мужа старшей сестры не пил, не курил. Отличался большой порядочностью и честностью. У них родилась дочь Галина (1936) с четырех лет жила летом у нас на поселке, пока мама (бабушка Гали) не уехала на житье к сыну Николаю.

В октябре 1941 г. Дмитрий Иванович не успел эвакуироваться вместе с типографией. Их должна была забрать последняя машина, вывозившая оборудования на вокзал; но она не пришла. На окраине города уже были немецкие танки. Жена и дочка были у нас на поселке, и ему ничего не оставалось, как прийти к нам. Прожил он у нас около двух месяцев. Немцы под страхом смерти требовали работников вернуться на прежнее место работы. Выбора не было. Он пришел в свою типографию на работу печатником. Работать плохо не умел, немцы заметили и наградили медалью. Потом эта медаль сыграла роковую роль. После освобождения Орла в 1943 году, ушел в Красную Армию. Воевал в саперных частях. Благополучно вернулся в 1945 г. Пошел работать опять в типографию. Через некоторое время его уволили. Работал пожарником. В марте 1949 г. по доносу соседей его арестовали. Закрытый трибунал осудил его на 25 лет за измену Родине, и сослали на Чукотку. Отсидел 7 лет и в 1956 году по амнистии был освобожден. В 1991 г. с него судимость была снята. Прожил он 84 года.

Для Наташи арест мужа был большой трагедией. За счет большого трудолюбия, общительного характера и практичного склада ума она нашла свое место в обществе. Работала зав. складами госстатиздат, зав. отделом Орловского центрального универмага. Была большой рукодельницей, хорошо шила, владела переплетным делом.

Вернулся благополучно муж, с гвардейским значком и медалями «За боевые заслуги» и «Победу над Германией». Естественно случилась беременность. Иметь еще ребенка в голодные послевоенные годы Наташа испугалась. Аборты были запрещены. Она сделала его подпольно. Получила какие-то осложнения. С этим недугом промучилась оставшуюся жизнь. В 1963 году у нее обнаружили рак матки. Ей сделали операцию, но

метастазы уже перешли на кости таза. Боли у нее были ужасные. Промучилась она 1,5 года после операции и в феврале 1965 г. скончалась на руках у мужа. Ей было 53 года. Похоронили ее на Троицком кладбище. На могиле стоит скромный металлический обелиск с надписью.

Сидорова
Наталья Петровна
21.10.1913 – 14.02.1965

Мы с сыном Алексеем периодически навещаем ее могилу.

Мама родила еще девочку Марию и двойнят Машу и Гришу. Они умерли в возрасте 2,5-3,0 года от воспаления легких. Почему она назвала обеих девочек Мариями? Они объяснила так. У нее была любимая младшая сестра Мария, которая умерла восемнадцатилетней девушкой. Мама очень переживала смерть любимой сестры. Даже заболела. Очень хотела, чтобы одна из ее дочерей звалась Марией. Видимо это имя оказалось роковым.

Писал я эти строки в областной больнице им. Мопра. Уже три недели прохожу различные обследования. Врачи не могут определить, почему я пожелтел, теряю вес, сильно ослабел, мучает одышка. По лестнице я хожу с большим трудом.

P.S. Оказалось у меня понижен гемоглобин, по простому «малокровие». Меня перевели из «гастрологии» в «гемологическое отделение». Через двадцать дней за счет уколов витаминов B_{12} содержание гемоглобина в крови восстановили и я принял нормальный вид и физическую форму.

5. Братья

Алексей родился в 1916 году. В моей памяти он остался рослым, крупных габаритов парнем. Работал он в то время в райисполкоме. Домой приезжал на выходные. Привозил мне игрушки. Помню, привез пищалку. Я поиграл, примерно час, и она лопнула. Плакал.

Мама рассказывала такой случай. В ночь на «Петров день», когда молодежь караулила солнце, на поселке из погребов исчезли кубаны и крынки с молоком и сметаной. Возмущенные хозяйки пришли в правление колхоза с жалобой на похитителей. Алексей в это время работал колхозным счетоводом. Ничего не спрашивая у потерпевших, написал протокол. Зачитал женщинам. Спрашивает: «Все указал?». «Отвечают: «Все. А откуда ты все знаешь?». Ответ: «Так я сам там был». Сумел инцидент перевести в шутку. Женщины со смехом разошлись.

И еще рассказывал отец. На праздник «Покров» на гулянке задрались наши молодые мужики с Красниковскими, из соседнего поселка. Погнали наших с кольями. И вот навстречу этой орущей толпе выходит Алексей. На него замахивается мужик колом и вдруг его опускает со словами «А, это ты Алёша». Этим отец подчеркивал, какой у Алексея был авторитет. Обладая недюжинной силой и миролюбивым характером, он легко сходился с людьми, умел с ними ладить.

Призвали его в армию 4 марта 1940 года. Был гранатометчиком. Участвовал в освобождении Бессарабии. Ранен. Окончил ускоренные курсы комсостава. Получил звание младший лейтенант. Его назначили командиром роты. В письме дяде Саше в Читу (мы были оккупированы) писал: «Иду освобождать родные места». Пропал без вести. Случилось это осенью 1942 года. Я не знаю, где его могила*.

Мама ждала его до самой смерти. Говорила: «Он в плену у американцев». Был такой случай. По Москве прогнали огромные колонны пленных. Сталин сказал: «Покажите им Москву. Они же хотели устраивать свой парад на Красной площади». За шедшими пленными с тротуара наблюдал наш земляк, дальний родственник. Вдруг видит в колонне человека очень похожего на Алексея. Кричит: «Алёша, Алёша», но тот ни как не отреагировал – обознался. Рассказали этот случай у нас в доме. На маму произвело это неизгладимое впечатление. Она еще больше уверилась, что сын жив. И ждала до конца жизни.

*Накануне 67-й годовщины Победы над фашистской Германией, Алексей привез меня к Гаврилюкам. Аля – моя

племянница сказала, что сын Илья разыскал сведения о моих братьях в Интернете. Там была следующая запись: Исаев Алексей Петрович, лейтенант, зам. командира роты погиб 27 ноября 1942 года. Похоронен в Калининской обл. (ныне Тверская), Зубцовский р-н, северо-западнее деревни Щеколдино. Теперь мне известно место гибели нашего Алёши.

Николай родился летом 1920 года. По рассказам мамы рос трудно управляемым ребенком. Хорошо говорить стал поздно. Изъяснялся на своем языке: «Бабы хвати не мри мри, а то слюслю», мама переводила: «Бабка сопливая не ругайся, а то кнутом». В Маслове, где они тогда жили, на речке Неполодь стояла плотина и мельница. Водоем был глубокий, и мама боялась, как бы Коля в нем не утонул. Рассказывала: «Гляжу в окно на берегу, лежит красная рубашонка Коли». Они согласились на переезд на поселок только из-за того что там не было речки. Сейчас эту речку в Маслово можно перейти, засучив штаны до колен. Все плотины порушены. В прошлом народ активно использовал для своих нужд энергию рек. Так на р. Неполодь стояли плотины почти в каждом селе: Щучье, Маслово, Бакланово, Жидкое, Спасское и т.д. За счет плотин регулировался водоток, и река была более полноводной.

Николай учился без особого рвения. В 4-ый класс ходил три года. С наступлением холодов, мама оставляла его дома. То ли из-за болезни, то ли из-за отсутствия теплой одежды и обуви. Я не знаю.

Из дома ушел рано. Поступил в сельскохозяйственный техникум, который перевели в г. Жиздра Калужской области. Приезжая на каникулы, привозил семена овощных культур. Помню его увлеченный рассказ про редис, урожай которого созревает за три недели. Техникум ему не удалось закончить. В конце производственной практики в июле 1941 г. его призвали в армию. Окончил школу стрелков радистов. Летал на тяжелых бомбардировщиках. Их самолет сбили. После переформировки служил фотограметристом. Задачи его - фотографировать передний край противника, ползая по-пластунски. Частенько за этими фотографами охотились немецкие снайперы. Николай рассказывал: «Били точно между глаз в лоб». Из-за способности хорошо рисовать взяли чертежником в штаб. Закончил войну в Прибалтике. Получил орден «Красной звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и за «Победу над Германией». Документы на орден «Красного Знамени» затерялись. Всем солдатам, призванным во время войны, эти годы в срок срочной службы не засчитывали. Им пришлось их дослуживать. В мирное время летом 1945 г. Николай пришел в отпуск. Он тогда служил в

Крыму. Посмотрел на наше убогое жилище и нищенское существование. После отъезда к месту службы, ежемесячно стал высылать нам по двести рублей. Деньги по тем временам небольшие, но приятно. В то время на рынке буханка хлеба стоила двести рублей.

Демобилизовался он летом 1946 г. Из Орла домой добирался с сестрой Наташей и ее дочкой Галей на велосипедах. Племянницу он вёз на раме велосипеда. День был жаркий. По дороге Николай, вспотевший, попил холодной воды из колодца и схватил воспаление легких. Прошел всю войну не болел, а тут от стакана холодной воды…

Вероятно, это последствия военных стрессов. Организм расслабился и вот такой результат. Мама его все лето отпаивала молоком и лечила домашними средствами.

Осенью пошел устраиваться на работу. Его назначили агрономом Наугорского плодопитомника, через полгода он стал директором этого питомника.

В тресте, куда входил Наугорский плодопитомник, работала бухгалтером Шавырина Мария Яковлевна. Николай и Мария 7-го ноября 1946 г. сыграли свадьбу. Летом 1947 года родился мальчик мертвым. В августе 1948 года родилась дочка Нина, в январе 1950 г. дочь Алина. В ноябре 1950 года Обком КПСС, помимо воли, направил Николая председателем колхоза в Становой колодец. Жена с двумя девочками перебралась в г. Орел к своим родителям. Мария была беременна. Из-за неустроенности в быту и новой не желанной работы мужа, она решается сделать подпольно аборт. В результате в июне 1951 г. она умирает от заражения крови. Остались две девочки 1,5 и 2,5 года. После смерти жены Николай забрал дочерей от тестя и перевез их к нашей маме в поселок. В связи со смертью жены попросил освободить его от должности председателя колхоза. Отпустил бороду и какое-то время жил с мамой и дочерями на поселке. К концу лета он получил должность директора подсобного хозяйства СПТУ №19. Там в основном воспитывались дети сироты. Хозяйство располагалось рядом с обкомовскими дачами на берегу реки Цон рядом с городом Орел.

Когда Николай работал директором питомника, то его семья и квартира агронома Анны Павловны и бригадира-питомниковода Зинаиды Васильевны Бартеньевой находились напротив. Жили дружно. По слухам, Николай заглядывал к последней, когда Мария была на «сносях».

После смерти жены они оформили свой брак. Зина забрала девочек к себе, стала для них настоящей матерью. Как директор СПТУ Николай поселился в отдельный домик. Осенью забрал к

себе маму. На поселке никого не осталось. Нашу мазанку глинобитную разобрал на дрова муж старшей дочери Серегин И.В. и забрал к себе нашего верного сторожа собаку «Орел». По версии Петра наша сучка ощенила его от волка.

Я учился в агрошколе и на выходные приезжал к брату и маме. Запомнился такой случай. Я был на каникулах. Вечером всей семьей сумерничали. Что-то понадобилось девочкам. Николай быстренько пошел на кухню. Оттуда раздался возглас «Ой». Зина говорит: - «Коля упал в погреб». На кухне был оборудован погреб, и было открыто творило. Вот он туда и угодил. Сильно ушиб бок. Решили смазать ушибленное место марганцовкой. Мне говорят: - «Возьми в шкафу четверку с раствором марганцовки и помажь ему бок». Я это поручение охотно выполнил. Сделал помазок, аккуратно и щедро промазал бок. На второй день, когда Николай обратился в СПТУ к врачу, выяснилось, что я мазал бок не марганцовкой, а чернилами. В шкафу рядом стояли четверки марганцовки и чернила . и я их перепутал. Было грешно и смешно. 31 марта в 1952 году у них родился долгожданный сын Виктор. Проработал Николай директором СПТУ-19 около трех лет и был назначен директором Новосильского плодопитомника, с ним переехала вся семья, в т.ч. и мама.

Весной 1956 года его переводят директором Мценского плодопитомника. Это совпало с моей демобилизацией из армии. Хорошо помню, как он на тракторных санях перевозил домашний скарб из г. Новосиль.

К моменту моей демобилизации из армии мама жила у сына Петра в г. Лебедин Сумской области. Я из армии приехал в Лебедин, но с твердым намерением вернуться на Родину в г. Орел. Мама не захотела меня оставлять одного и решила уехать вместе со мной в г. Орел. Жить у Наташи в Орле было негде. Одна комнатушка и крохотная кухонька. Их было самих трое: она, дочка и муж – Дмитрий Иванович, вернувшийся из заключения. Мама, по настоянию дочери, переехала к сыну во Мценск. С ней фактически перебрался и я, хотя жил в общежитии совпартшколы, доучиваясь в агрошколе, практически все выходные проводил во Мценске.

По приезду во Мценск семейная жизнь Николая с Зиной расстроилась. Она с сыном была вынуждена уехать к своим родителям в совхоз «2-ая пятилетка» Липецкой области.

Через несколько месяцев Николай сошелся со своим бухгалтером Еленой Георгиевной Бологовой. У них родился сын Алексей. Но брак их был не долгий. Они разошлись.

После «холостяцкой жизни» в 1960 году Николай забрал к

себе Зину и Виктора. Зина была прекрасной хозяйкой и заботливой матерью для Нины и Али. У них сложилась хорошая дружная семья. Но счастье их длилось недолго. 1 июля 1962 года Николай Петрович скоропостижно умер в расцвете сил. Через два с половиной месяца, после смерти мужа Зина родила 17 сентября девочку Таню. Что пришлось пережить вдове с четырьмя детьми, пересказать трудно.

Михаил родился в декабре 1926 года. Был он плотный, физически развитый и сильный парнишка. Учился средне.

Петр родился 7 марта 1928 года, рос хиловатым, не отличался хорошими мозгами, был волевым мальчишкой. Я помню, как братья играли в шашки. Петр частенько обыгрывал старшего брата. Тот пытался мухлевать. Это вызывало спор, переходящий в ссору, а затем в потасовку. Маме их приходилось разнимать со слезами.

По характеру Михаил был вспыльчивым, иногда плохо управляемым парнем. Это доставляло массу досадных моментов родителям. 1 сентября 1941 года он пошел в 7-ой класс. С приходом немцев его учеба оборвалась. Как самый старший из оставшихся в доме детей, он представлял интерес семьи на сходках и собраниях, когда делили колхозное имущество.

Отец, так и не оправившись полностью после крупозного воспаления легких, частенько недомогал. За него приходилось роль хозяина выполнять Михаилу.

Зимой 1941-42 гг. при разделе колхоза нам полагалась по жребию лошадь. На колхозном дворе был меринок – трехлетка по кличке «Буланчик» от кобылы, которую отец отдал в колхоз при его организации. Нашей семье очень хотелось заполучить этого буланого меринка. И какая была радость, когда по жребию нам достался этот меринок. Михаил был так рад, что завел его к нам прямо в хату. Благо лошадка была на редкость спокойная и миролюбивая.

Отец с братьями Михаилом и Петром смастерили нехитрый крестьянский инвентарь - коса, грабли, деревянную борону, телегу на деревянном ходу.

Летом 1942 года братья работали в поле: пахали, сеяли, косили, убирали хлеб. В крестьянском хозяйстве работы хватало.

В зиму 1942-1943 гг. юношей, девушек в возрасте 16 – 28 лет угоняли на работу в Германию. На молодежь немцы устраивали облавы. В одну из таких облав попал Михаил. Вызволить его удалось через мамину племянницу. Ее муж, окруженец, служил переводчиком у коменданта п. Стрелецкий. Он помог освободить Михаила и пристроить его в обоз вывозить зерно, собранное в качестве налога. Первоначально крестьяне свозили зерно в

церковь (Маслово, Бакланово), а зимой обозами с этих складов отвозили на железнодорожную станцию в г. Орел. Всю зиму Михаил работал возчиком в этом обозе. Приехав как-то на ночь, домой, рассказывал, как немцы били прикладами возчика, который попытался сбежать из обоза. С весны 1943 года Михаил постоянно прятался, как только появлялись немцы. Отправка молодежи в Германию продолжалась.

Накануне нашей эвакуации ночью 5 августа 1943 года, Михаил вместе с Сашей Бочковым и Колей Казаковым решили пробираться через линию фронта, но их попытка перейти к нашим не удалась.

После прихода Красной Армии он появился в семье всего на один день и ушел добровольцем. В письме писал, что получил звание мл. сержанта и назначен командиром отделения.

В бою за село Большая Коноплица, Рогочевского района, Гомельской области он погиб. После войны его однополчанин рассказал моей сестре Антонине о последнем бое, в котором погиб Михаил. Этот однополчанин спросил сестру: «Жив ли ее брат?» Она ответила, что он погиб. Он сказал: «Твой Мишка чуть меня не пристрелил. Стоит ему». Уточнил, что в том бою он был пулеметчиком. По его словам с пулеметом что-то случилось. Михаил, понимая как важна наступающим поддержка пулеметным огнем, обратился к нему с командой: «Вперед! Давай огонь». Он ответил, что не может, Михаил ему: - «Вперед, а то пристрелю». Со слов этого однополчанина: «Михаил во весь рост с автоматом наперевес пошел дальше». Случилось это 1 марта 1944 года. Было ему только 18 лет.

Спустя 70 лет через Интернет удалось отыскать сведения о Михаиле. Там сказано, что тело его не захоронено, так как осталось на территории противника. Это известие опечалило меня до глубины души. В момент гибели Михаила маме только что сделали сложную операцию, и она находилась у дочери Натальи в г. Орле. Учитывая ее состояние, от нее скрыли гибель сына. Из-за болезни глаз я в это время был вместе с мамой. На улице случайно встретил своего друга, дальнего родственника Колю Исаева, привел его к нам на квартиру. В разговоре мама посетовала, что от Михаила давно нет письма. В ответ Коля сказал: «А на него пришла «похоронка». Описать, что было с мамой не берусь и не смогу. По прошествии многих лет я написал письмо в Рогочевский райвоенкомат с просьбой сообщить о могиле брата. Райвоенком ответил, что Михаил Петрович Исаев числится среди погибших на территории их района. Останки погибших воинов перезахоронены в братскую могилу в местечке «Старое село». Над ними установлена скульптура.

Будучи в командировке Петр был у этого мемориала. В письме нарисовал схему, как найти это место. Я так и не смог посетить могилу брата. Сколько безымянных могил наших солдат по всей Европе. С нашего поселка (15 дворов) ушло на войну 13 мужиков и вернулось только 5. Остались лежать на поле брани мои односельчане: Саша Бочков, Коля Казаков, Ваня Лисютин (отец двух сыновей), Иван Ануфриев (осталась дочка), Василий Рыжков (осталось пятеро), Роман Жичкин (два сына), наши Алексей и Михаил. Вечная им память. На их долю выпали тяжелейшие испытания и лишения. Печально сознавать, что Победа добытая таким титаническим трудом, бездарно профукана нашим поколением не без помощи «заокеанских друзей».

Петр родился 7 марта 1928 года. Детство его пришлось на голодные годы. В 1933 году лето было очень дождливое и холодное, выросший в поле урожай убрать не удалось. Он весь в поле погнил. Мама рассказывала, как Петр просил у нее «Мама дай хлебушка вот столечко». Показывал на пальце размер хлебной крошки. Рос он худеньким, но не болезненным, выносливым мальчиком. Учился хорошо. Помню как они три друга, Петр, Витя Бочков и Саша Костиков, у нас в хате дружно готовили уроки. Учительницей у них была дочка священника, убежденная христианка. У нас с ребятами возник спор: «Есть бог или нет?» Ребята по этому поводу обратились в «Пионерскую правду». Газета им ответила.

Время отрочества Петра и его сверстников пришлось на годы войны, оккупации и послевоенный восстановительный период. Старшие – отцы и братья были на войне, и на плечи 10-15 летних подростков легла вся мужская работа. Они пахали, сеяли, косили и убирали хлеб, заготавливали сено, восстанавливали порушенные дома, скотные дворы и другие постройки колхозного хозяйства. Эти подростки быстро мужали.

По настоянию родителей, будучи 16-ти летним, Петр пошел учиться в 6-ой класс Болотовской неполно средней школы. В 1946 году он получил аттестат об окончании 7 классов. Это позволило ему, будучи в армии, продолжить свое образование в вечерней школе, а затем экстерном сдать за аэродромно-техническое училище и получить диплом техника-механика.

Семейная жизнь его сложилась непросто. Женился он сравнительно рано. Свадьбу сыграли на «Пасху» 2 мая 1948 года. Ему было двадцать лет. Жена его Головлева Зинаида Игнатьевна 1929 года рождения приходилась ему дальней родственницей в четвертом колене, была из соседнего поселка «Свердловка». Отец ее работал бригадиром тракторной бригады Подзаваловской МТС.

По тем временам имел не плохой заработок. Работники МТС получали натуроплату хлебом. И его семья не бедствовала. После свадьбы молодожены жили у нас на поселке. У них 12 сентября 1948 г. родилась дочка Галина. Летом 1949 года Петра призвали в армию, хотя он имел отсрочку, из-за наличия маленькой дочки. С уходом Петра в армию, через несколько месяцев, Зина с дочкой перебралась жить к своим родителям. Накануне призыва в армию, Володарский РВКП(б) принял Петра кандидатом в члены партии. Начал службу курсантом Канатонской авиашколы Дальней авиации. Показал отличные успехи в боевой и политической подготовке. Был отличным спортсменом. Комсомольцы учебного авиаполка избрали его своим секретарем бюро. Ему присвоили звание младший лейтенант. С дальней авиацией связана его вся дальнейшая воинская служба. Занимал должности командира взвода, зам. полит роты, командир роты аэродромного обслуживания. Службу проходил в частях, дислоцированных на Украине. В 1969 году его из Западной Украины (г. Старый) в звании капитана переводят в Подмосковье комендантом и командиром роты Остафьевского гарнизона. Это аэродром Главного управления Дальней авиации. Где Петр закончил 27-ми летнюю службу в звании майора.

По получению первого офицерского звания мл. лейтенант Петр остался профессиональным военным. Забрал жену и дочку к себе в гарнизон г. Лебедин. В июле 1956 года у них родилась дочка Ирина. По началу дочери росли подвижными, боевыми девчонками, но по мере взросления, становясь девицами, как-то замыкались. Старшая Галина закончила факультет иностранных языков Орловского пединститута. Ирина - худграф Московского пединститута, вышла замуж за Сущевского Сергея, служившего срочную службу в их гарнизоне. У них родилась дочка Анастасия. Но брак Сергея и Ирины был не долгим. Они разошлись и Сергей уехал к себе на родину.

С переводом Петра в Остафьево к нему переехали жена и дочки. Сначала жили в одной комнате коммуналки, а через несколько лет получили двухкомнатную квартиру. По уходу в отставку Петр устроился зав. установкой в вагоне лаборатории института Железнодорожного транспорта. Жена работала монтажницей в радиомастерской. Галина в абонементском отделе библиотеке иностранной литературы, а Ирина после окончания института - учителем рисования и вела студию прикладных искусств и ремесел при гарнизонном доме офицеров.

Со временем между Петром и женой супружеские отношения становились прохладными. Когда я приезжал к ним в гости. Зина начинала жаловаться: «Петя плохой, часто выпивает. С дочками

ведёт себя формально по солдафонски». Был случай. В выходной Петр пошел с дочерями загорать на озеро. Там ему встретились сослуживцы. Они выпивали и выражались нецензурно. Дочери в это время находились поодаль и все это видели и слышали. Галя потом рассказывала, что отец этим их очень обидел. Отношение после этого еще стали прохладнее. Дочери заняли сторону матери. Кончилось тем, что они перестали быть мужем и женой. Через несколько лет (в 1982 году) он ушел к другой женщине. В это время он работал инженером вагона-лаборатории, где проводником-кондуктором работала Кислякова Вера Павловна. Между Петром и Верой возникли чувства и они сошлись. В момент разрыва Петра с женой, мне пришлось быть в Москве. Петр мне рассказывал, как он уходил из семьи, очень переживал. Решился уйти только после того, как дочери получили специальности и стали самостоятельно работать.

Первая половина жизни со второй женой проходила дружно, без конфликтно. Со временем отношения между ними стали меняться. Вера заявляла: «Петр пропадает целыми днями на вагоне. Дома ничего не делает. Квартиру не ремонтирует и т.д.» Причиной ее недовольства стало и то, что он стал помогать дочкам и внучке деньгами. Делал им подарки ко дню рождения. Стала ревновать его к проводнице, работающей в их вагоне – лаборатории. Было смешно слышать последнее. Петру было уже 70 лет.

В 75 лет Петр продолжил работать начальником вагона-лаборатории. Он обеспечивал материально-техническое снабжение научных исследований этого вагона – лаборатории, следил за исправностью приборов и за всем вагонным хозяйством. Стал незаменимым во время экспериментальных поездок вагона по дорогам МПС.

У него золотые руки и светлая голова. Он очень много сделал для удобства сотрудников, вовремя поездок и испытаний. Поставил даже унитаз с автономным бачком на 15 пользований. Во время посещения вагона директором института, Петр сумел продемонстрировать все преимущества и достоинства подведомственной ему лаборатории. На директора показ произвел впечатление, и он приказом назначил существенную прибавку к его зарплате. Он был умельцем, будучи еще подростком. На поселке солдаткам латал чугуны, делал к замкам ключи. Из 15 – 20 копеечных монет вытачивал женщинам кольца и перстни. Маме из серебряного полтинника сделал кольцо, которое она носила всю жизнь и ушла с ним в могилу. Вероятно его способности к мастерству передались от отца. В годы оккупации он мастерил ручные мельницы, крупорушки. Пытался

соорудить ветряную электростанцию из генератора снятого со сгоревшей немецкой танкетки, но оказалось, что это был стартер.

Тяга и способности к техническому творчеству полечило дальнейшее развитие в работе начальника вагона. Среди научных сотрудников пользовался уважением и непререкаемым авторитетом. Мог отчитать кандидата наук за допущенную оплошность при работе с прибором. На него сотрудники не обижались.

В последний приезд в Орел на технический осмотр его вагона, Алёша съездил за ним на вокзал. Он был тяжело болен. Отказался пойти с нами в баню. Врачи нашли у него кучу болезней сердца, почек и пр. Но продолжал работать. Перед очередной поездкой вагона на какие-то испытания он отказывался, из-за плохого самочувствия. Сотрудники лаборатории его уговорили: «Без тебя мы не знаем, где что лежит. Ты будешь лежать и только будешь нам говорить где, чего брать».

Возвратившись из этой поездки, он позвонил мне по телефону, сказал: - «Я, очень болен. Сегодня был в поликлинике. Завтра ложусь в госпиталь». Я периодически звонил его жене. Сначала его здоровье особой тревоги не вызывало. Через три недели, его пребывания в госпитале, в разговоре по телефону Вера сказала, что он в реанимации и врачи сказали: «Готовьтесь к худшему». На четвертый день, не приходя в сознание, он скончался. Я лишился последнего родного брата. Это случилось 11 августа 2003 года. Похороны состоялись 14 августа в 13-30, нас пригласили в церемониально-ритуальный зал Центрального военного госпиталя им. Бурденко.

На постаменте стоял гроб с братом. Лицо его было спокойно, выглядел он умиротворенным. Следов мук на лице не было. У меня из души вырвалось: «Лежишь», имея в виду, что оставил нас со всеми нашими и его проблемами. В течение 30 минут проходила панихида. Потом катафалк и мы вместе с гробом отправились до Николо-Архангельского кладбища. Там находится крематорий. По воле брата его кремировали. Он просил его урну с прахом отвезти в наш п. Стрелецкий и захоронить в могиле матери. Его воля была исполнена. Через две недели жена Вера и дочери Галина и Ирина привезли урну с его прахом. Я собрал наших племянников и других родственников. Мы со всеми почестями захоронили урну в могилу мамы. Помянули. Сейчас над их могилой стоит гранитный обелиск с их фотографиями и надпись.

Исаевы
Ольга Михайловна

1892

24

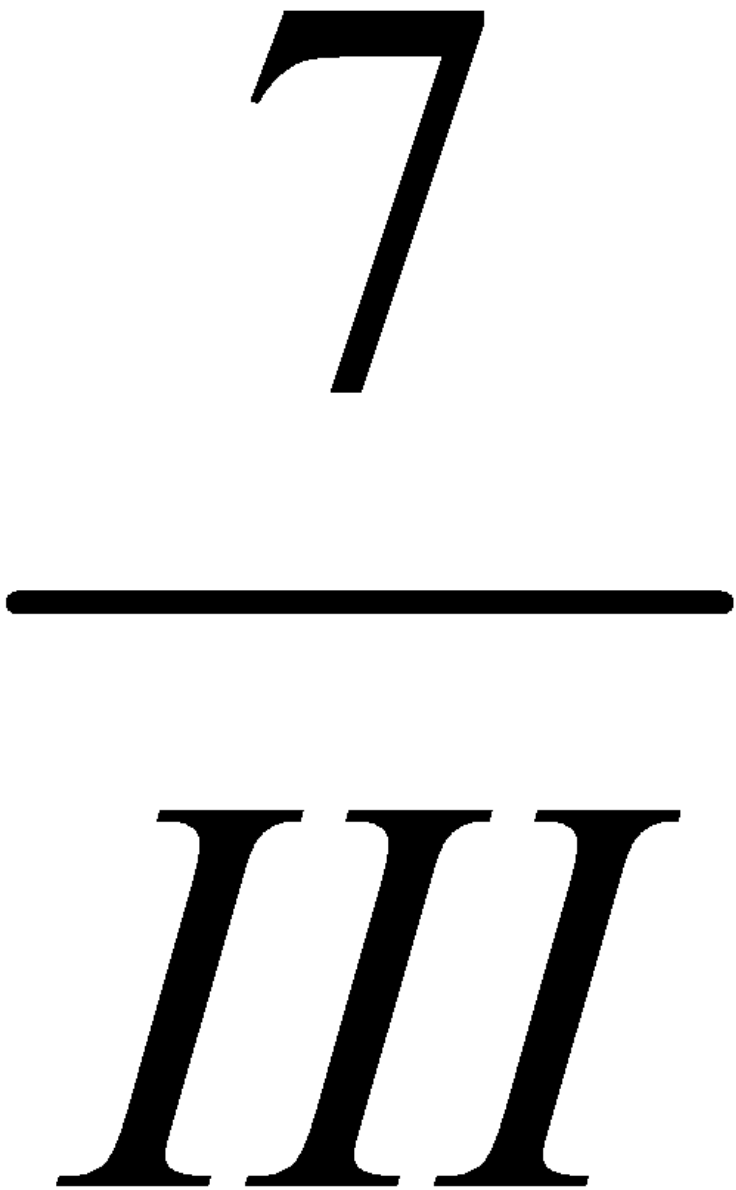
VII

1971

21

VIII

Петр Петрович
1928



2003

$$\frac{11}{VIII}$$

6. Как я появился на свет

Мама родила десять детей четыре девочки и шесть мальчиков. Я родился последним. После замужества мама каждые два года разрешалась родами. После того, как в 1928 году в марте родила брата Петра, у нее деторождающие способности закончились и успокоилась. Но через четыре года она снова забеременела. В это время в стране были модны аборты. Посоветовавшись с мужем, мама решила сделать аборт. С этой проблемой пошла к другу нашей семьи фельдшеру Глебу Гавриловичу (фамилию не помню). Мои братья его звали «Глебушка». Он ее спрашивает: «Ты когда-нибудь делала аборт?» мама ответила: «Нет». Тогда он говорит: «Пойдем-ка, с тобой попьем чайку». Попили, он ей говорит «Иди-ка, ты милая домой». Дома отец спрашивает: «Сделала?» Она в ответ «Сделала». Эту историю мне рассказала сама мама, когда я был уже женат и она жила с нами.

Вот так, благодаря мудрому человеку сельскому фельдшеру 23 ноября 1933 г. я появился на свет. По рассказам старших, год был сырой. Урожай сгнил в поле. Был сильный голод. На Украине он был еще страшнее. Сейчас президент Украины В. Ющенко объявил его «голодомором» и винит в нем Россию. А голод был почти по всей стране.

Первые впечатления детства. В возрасте 2,5 года я заболел скарлатиной и дифтеритом одновременно. Меня отвезли в г. Орел в областную больницу. Мои личные воспоминания. У меня на шее в районе левой железы большущая шишка. В больнице было холодно. Мне в качестве передачи передавали булку, разрезанную вдоль и помазанную сливочным маслом. Как самый младший, я был любимчиком всей семьи, особенно старших братьев Алексея и Николая. Мама рассказывала, что когда меня отвезли в больницу, больше всех сокрушался и плакал Николай. Положение мое было тяжелое. При выписке, лечащий врач Христочевский сказал: «Я не думал, что он выживет».

Из больницы меня забирали родители. Была зима, холодно. Меня укутали в одеяло и еще чем-то. Всю дорогу от Орла до дома я был укутан с головой и ни чего не видел. Когда подъехали к дому и сняли утепление. Первое, что я увидел на противоположной стороне ручья поселок. Я радостно воскликнул «А, вон, Свердловка».

О тех днях в памяти осталось, как кто-то из братьев сажал меня на плечи верхом и таскал по хате. Рос я хилым, болезненным. В возрасте 4 – 5 лет одолевали чирьи, а затем

завелись глисты. Они выматывали ужасно. Что ни сьем, через 5 – 10 минут меня рвало. Мама не знала, что мне дать поесть. Глисты выходили через задний проход, а иногда через рот, во время рвоты.

Попытки избавиться от них по рецепту «Глебушки» – царское семя, и потом касторовое масло помогали слабо. От последних экземпляров я, по-моему, избавился уже служа в армии.

Такое состояние наложило отпечаток на мой характер и дальнейшее существование. Породило какую-то неуверенность и боязливость. Среди сверстников я не выделялся силой и ловкостью, но по умственному развитию был не хуже их.

С каким нетерпением ждали мы весну, особенно когда разрешали бегать босиком. Обычно это наступало, после первого весеннего грома. Зимой из-за плохой обуви и одежды много на улице не побудешь. Холодно.

Летние детские игры: лапта, выбивание из круга, прядки и пр. За лето по два, а то до трех раз поранишь ногу. Ноги грязные. От грязи верх ступни покрывается трещинами «ципками». В раны попадает грязь. Образуется гнойник. Лечили просто. Мама пожует мякиш черного хлеба, приложит к нарыву, и ты всю ночь скулишь от ноющей боли. Когда у нарыва появилось белое пятнышко, его вскрывали. Иголка, бритва, предварительно обеззараженные на огне – хирургические инструменты. На вскрытый нарыв прикладывали лист сирени, заматывали тряпицей. На этом операция заканчивалась, до очередного нарыва.

7. Война

О том, что началась война и фамилию Гитлер, я услышал из разговоров отца с приходившими навестить его друзьями и знакомыми. Он еще не восстановился после крупозного воспаления легких. У нас на всю округу был единственный детекторный приемник. Это был основной источник новостей. Первые детские воспоминания войны были где-то далекого и совсем не понятного. Призывали на военную службу соседних мужиков. Плакали, провожая на войну мужей жены. Моего школьного друга так напугал утром плач матери, провожавшей мужа, что у него перекосило рот. Началась первая бомбардировка немецкой авиации города Орла. Рассказывали, что сбитые немецкие летчики отказывались принимать пищу, пока ее не попробует санитарка или другой медперсонал, боялись отравленной пищи. Просили показать где у них хвост. Гебельсовская пропаганда напичкала немецких солдат небылицами о нашем народе, что они считали нас дикарями, живущими на деревьях.

Не закончив производственную практику в Жиздренском сельскохозяйственном техникуме в августе, был призван в армию брат Николай.

Немцы в Орле появились внезапно. Танки Гудариона за двое суток докатились от г. Сумы до г. Орла. Город Орел была захвачен немцами 3 октября 1941 года. Оккупация продолжалась почти два года. Перед приходом немцев, к нам на поселок пришла сестра Наташа. Ее дочки Галина оставались у нас с лета. Сестра рассказала, что ее муж Дмитрий Иванович должен эвакуироваться вместе с типографией «Труд». Она с ним прощалась и собрала в дорогу дорожный мешок.

Поздним вечером Дмитрий Иванович заявился к нам. Выяснилось, что они отгружали типографское оборудование и последним рейсом их должны отвезти на вокзал. Ждали машину, но она не пришла. Со стороны Кромского шоссе начали раздаваться выстрелы немецких танков. Ему ничего не оставалось, как взять свой дорожный мешок и двигаться к своей семье, т.е. к нам в деревню.

Первое появление немцев в нашем поселке произошло в начале ноября. Они прибыли на двух машинах и мотоцикле. Машина застряла в нашем ручье, и их пришлось вытаскивать колхозными лошадками.

Не церемонясь, зарезали двух колхозных телок, устроили соревнования по стрельбе по пасшимся на лугу гусям. Погрузили

трофеи и довольные убрались восвояси. Было в диковинку слышать немецкую речь, она показалась какой-то резкой, отрывистой похоже на гавканье. Зима 1941– 1942 гг. выдалась на редкость суровой. Морозы всю зиму держались 30 – 40 градусов. Немцы были одеты в летнюю форму: пилотки, легкие шинели и кованые сапоги. Мерзли они страшно. Началось мародерство. Забирали и напяливали на себя теплые вещи. Выглядели они карикатурно. Ходили по домам, требовали: «Матка, млеко, яйки». У нас под печкой осталась одна курочка. И надо тому случиться, когда в хату зашел немец, она вылезла из-под печки. Он обрадованный схватил ее и унес. К весне мародерство прекратилось. Крестьян обложили налогами. Колхозы разогнали. Остатки колхозного имущества поделили среди бывших колхозников. У нас на поселке шли собрания по поводу дележа. Каждый хотел заполучить что-то ему необходимое и желаемое. Для нашей семьи было мечтой заполучить меринка от кобылки, которую при организации колхоза сдал отец. Молодой мерин был буланой масти (светло-коричневый окрас, хвост и грива черные). Семья была обрадована, когда по жребию нам достался именно этот «Буланчик». Летом 1943 г. нашего «Буланчика» забрали немцы в свой обоз. Взамен дали маленькую кобылку. Как выяснилось позже, она ни когда не ходила в упряжи.

С весны 1942 года началось единоличное хозяйствование. Колхозная земля была поделена на наделы. Вернулась чересполосица. Отец с сыновьями Михаилом и Петром соорудили телегу на деревянном ходу, соху, борону и прочий инвентарь. Началась извечная крестьянская жизнь.

В августе 1942 года собрали первый урожай. Из нового зерна мама испекла хлеб. Зерно размалывали на мельнице-терке. Эти два конических железных цилиндра одетые один на другой. В них набиты отверстия с зазубренными краями. Зерно просыпалось в зазор между цилиндрами и при их вращении измельчалось. Приходилось пропускать зерно через эту мельницу по два – три раза, что бы достигнуть качественного измельчения. Но достигнуть хорошего помола не получалось. Изобиловало дробленое зерно: половинки, четвертушки и пр. Несмотря на этот дефект, хлеб после гнилой сои, лебеды и картофельных очисток, был такой вкусный. По сей день помню, какое было блаженство, есть этот из грубого помола вкуснейший ржаной хлеб.

Вызывает удивление, как быстро народ приспособился к новым условиям жизни. Население оккупированных районов, особенно сельское, было брошено на произвол. Выживай, как сможешь. Зимой 1941 – 1942 гг. для курящих мужиков была проблема с куревом. Наташа из Орла приносила окурки, которые

оставляли немцы, стоявшие у нее на квартире. По этому случаю к нам в хату приходили мужики соорудить самокрутку из этих окурков. Весной 1942 г. в палисадниках возле крестьянских хат появились рассадники. В них, наряду с капустной рассадой, уже выращивали рассаду махорки. А в 1943 г. некоторые курящие стали выращивать турецкий табак. Из немецких дырявых автомобильных камер стали клеить галоши для валенок. Где-то добывали каучук и делали сами резиновый клей. На «Свердловке» возобновили работу маслобойка и крупорушка. Сеяли коноплю. Зимними вечерами жужжали прялки и стучали ткацкие станки. Ткали холсты. Холстина шла на изготовление одежды и постельных принадлежностей. Выручали овцы. Овчина шла на шубы, а шерсть на носки, валенки и прочие шерстяные изделия.

Острой проблемой стали спички, соль, мыло и керосин. Вместо спичек курильщики носили трут из ваты, помещенный в трубочку, кремний и кусок плоского напильника или другой стальной предмет. Ими высекали искру из кремния и зажигали трут. Мыло заменил щелок из древесной золы. Вместо керосина в катушках использовали немецкий бензин разбавленный солью.

По прошествии многих лет понимаешь, почему народ так быстро приспособился выживать в таких условиях. Дело в том, что еще было поколение, жившее в царских условиях. В те времена, о крестьянине никто не заботился, он выживал сам. Навыки, приобретенные в те времена, пригодились. Случись такое с нынешним поколением, трудно представить, как оно себя поведет, как будет выживать. За годы Советской власти народ стал привыкать к благам цивилизации: электричество, водопровод, газ и пр. Навыки выживания прежних времен новым поколением практически утеряны. Случись катастрофа, будет много бед и несчастья.

Возвращаясь в военное и послевоенное лихолетье, вспоминаешь, как выживали люди. Для них добывать еду, обогревать и освещать свой дом, было сугубо личным делом. Заботу о людях проявлять не кому было. Испытывая голод и холод, они стойко переносили лишения, работали от зари до зари, получая мизерные вознаграждения за свой труд. Восстанавливали разрушенное войной хозяйство. Сейчас созданные их трудом богатства присвоила в частные руки кучка, так называемых олигархов. Народ обречен на нищенское существование.

Зимой 1941 – 1942 гг. с самолетов наши разбрасывали листовки. Печатали их на желтой оберточной бумаге. В них содержались слова о скором освобождении от немецких оккупантов и рекомендации по борьбе с ними.

Листовки читались и перечитывались в каждом доме. Слова о скором приходе Красной Армии вселяли надежду на избавление от фашистского ига. Накануне прихода немцев на Орловщину, мама как-то сказала: «Нам хоть черт из болота, лишь бы жизнь была нормальной». Оккупанты устроили такую, «нормальную» жизнь, что люди будут долго ее помнить.

Летом 1943 года в нашем поселке постоянно квартировали немцы. Фронт был рядом (30 – 40 км). Здесь они отдыхали, занимались переформированием, ремонтировали военную технику. Я впервые увидел работу электросварки, автогена. «Тигры» и «Фердинанды» стояли в капонирах рядом с домами. Это было преддверие Курской битвы. Над нами часто в небе завязывались воздушные бои.

В прифронтовой полосе, где мы находились, происходило много разных житейских ситуаций. Следует подчеркнуть, что в частях, которые приходили с передовой на отдых немецкие солдаты относились к нам миролюбивее, чем жандармы. Но было всякое. В один из дней у солдат, квартировавших в нашей хате, пропала плитка шоколада. Хозяин шоколада, в первую очередь, подумал на русских. В это время дома были мама и я. Немец начал допрашивать маму. Она естественно о пропаже шоколада не знала. Тогда немец переключается на меня. Заявляет: «Я его застрелю». В ответ мама взмолилась: «Забирай у меня что хочешь, корову, но отпусти сына». К этому моменту появился Михаил. Он рассказал, что шоколад взял его сослуживец. В качестве гостинца кусочек дал брату. Конфликт был исчерпан. А я даже не почувствовал трагизм этой ситуации.

В районе Наугорского шоссе (п. Стрелецкий) базировался немецкий аэродром. С него эскадры по 30 – 40 самолетов направлялись бомбить нашу линию фронта в районе города Болхов. В это время появились советские истребители, которые нападали на строй немецких бомбардировщиков. Их цель была разрушить строй и вынудить немецких летчиков сбрасывать бомбы, где попало. Появились немецкие мессершмидты. Между истребителями завязался воздушный бой. Наблюдая за воздушным сражением, над нашими головами, огорчались, когда загорался наш «ястребок» и радовались, когда падал немецкий.

В начале июля отец заметил, что ночью слышалась сильная артиллерийская стрельба. Позже, стало известно, что началась Курская битва. 4 августа жандармы прошли по поселку и предупредили, что завтра утром нас погонят на запад. С вечера на телегу погрузили еду, одежду и нехитрый домашний скарб. В 5 часов утра жандармы командой «Век» стали выгонять нас из домов в сторону Наугорского большака. В это время по большаку

двигался нескончаемый людской поток в сторону п. Нарышкино. В поселке Масловский мы влились в это людское море. Слышались крики, плач, команды и окрики конвоиров.

К нашему огорчению, как только мы двинулись, выяснилось, наша лошадка, которую нам дали немцы, вместо нашего «Буланчика», никогда не ходила в упряжек. Она брыкалась и стояла на месте. Ее стегали, но она не двигалась. Соседи-мужчины вначале пытались нам помочь, но видя бесполезность усилий, разошлись по своим семьям. Было принято решение вместо кобылы впрячь корову «Марусю». Она медленно, но спокойно тянула наш возок. Обоз нас обгонял. Конвоиры вначале пытались нас погонять, но потом им надоело, и они оставили нас в покое. Над обозом на бреющем полете пронеслись два краснозвездных истребителя. Немцы быстро попрятались среди эвакуированных. По обозу прошел слух: «Красная Армия освободила Орел». Нас гнали на Запад. Когда обоз ушел, мы остались на большаке одни. Кто-то сказал, что за Масловскими дворами большой лог и в нем прячутся беженцы. Мы кое-как добрались до этого лога. Действительно там пряталось много народу. Наша семья: отец, мама, сестра Наташа с дочкой Галей, брат Петр и я остановились в этом логу. Михаил еще накануне ночью вместе с двумя односельчанами ушел навстречу наступающим частям Красной Армии. Развели костерчик, мама сварила походный обед из продуктов, которые захватили из дома. День был солнечный тихий. Наступила ночь тихая и теплая. Тишину нарушали по южной стороне неба, с шипением пролетающие огненные шлейфы. Это были залпы «Катюш» (гвардейских минометов) грозное оружие той войны. Немцам она доставляла много хлопот и неприятностей.

Поздно вечером в этом логу появилась семья старшей сестры Антонины. У ее мужа была телега и лошадь. Было принято решение, что он нас на рассвете перевезет обратно в поселок. На рассвете мы оказались в нашей хате. Поселок был разграблен немцами. Нашу пасеку из пяти ульев немцы разорили. Залили ульи водой и унесли рамки. К нам в дом немцы приходили два раза. Предупредили, что они сожгут поселок и нам надо уходить. На закате мы перебрались в ямы, в которых в зиму на хранение засыпали картофель. В это время немцы начали жечь наши дома. Весь день брат Петр прятался в болоте, а когда началась артиллерийская перестрелка, пришел к нам в эти ямы. Сообщил «поселок горит». Меня мама на руках подняла из ямы и показала, как горит наш дом, со стороны п. Калиновка стояли черные столбы дыма. Весь день и ночь через наш поселок шли отступающие немецкие части. Они забрали нашу кобылку и

корову. Наташа пыталась упросить немцев не забирать нашу кормилицу. Отец отговаривал ее это не делать со словами: «Пусть все забирают, только уходят».

После такого тяжелого дня, я уснул и не слышал, как разорвалась в 50 метрах от нас тяжелая (500 кг) бомба, как всю ночь рвались снаряды. Мама говорила, что она всю ночь снимала с моего лица козявок (жужелиц). Их в нашей яме было много.

На рассвете поток отступающих немцев прекратился. Отец выбрался из нашего убежища. Он увидел, как вдоль ручья двигается группа наших солдат. Это были разведчики. Расспросив отца, куда ушли немцы, они двинулись дальше. Через несколько часов появились наши наступающие части. Мне бросилось в глаза, что на солдатах было поношенное, выгоревшее на солнце обмундирование. Отец достал из погреба сохранившийся бидон меда, самовар. Вскипятил его. Встречал наших солдат предложением: «выпейте чаю». Многие благодарили, проходили не останавливаясь. Одна группа солдат, численностью 8-10 человек, задержались возле нашего самовара. Я был свидетелем, как старший, вероятно командир отделения, посылал куда-то одного из солдат. Тот вступил с ним в пререкание. В выражениях они не стеснялись.

Стало известно, что проезжая часть поселка заминирована. В середине дня саперы провели разминирование. Это были противотанковые мины, упакованные в деревянные ящики. Внутри ящиков находилась взрывчатка-толуол, похожая на желтый кирпич. Мы позже ящики использовали на хозяйственные нужды, а толуолом жгли костры. От него шел коптящий черный дым. Повсюду валялись пакетики артиллерийского пороха. Он был виде кружков разной формы. Эти кружочки мы поджигали и подбрасывали вверх. Получалось вроде фейерверка, особенно в вечернее время.

Освобождение к нам пришло 7 августа. В этот день я вдруг почувствовал, что ни чего не надо бояться. Страх, который ежечасно присутствовал, ушел вместе с оккупантами. Это была свобода.

Какой радостью светилась мама при встрече с уцелевшим земляком Николаем Столяровым. За 22 месяца оккупации люди испытания неисчислимые лишения и потери. Наша семья потеряла все. Мы остались на пепелище без ничего. Взрослые говорили: «Главное, остались живы. Живая кость мясом обрастет». Надо было начинать строить новую жизнь. Перед эвакуацией родители кое-что спрятали в погребе: зимнюю одежду, одеяло и пр. Это стало важным подспорьем. Нашим первым жилищем стал шалаш, сооруженный над погребом. До октябрьских морозов мы

жили в этом шалаше. Самое трудное было забираться на ночь в холодную постель. Укрывались с головой, а потом, когда за счет дыхания становилось теплее, высовывали нос. Еще тяжелее было выбираться из согретой постели. С наступлением холодов отец с братом Петром выкопали котлован 2 х 3 метра и около метра глубиной поставили стропила, накрыли соломой и присыпали землей. Внутри соорудили нары, отец для обогрева смазал маленькую печку. В этом шалаше нам пришлось зимовать. В середине зимы мы с мамой из-за болезни вынуждены были уехать в г. Орел на квартиру к сестре Наташе. Отец с Петром остались зимовать в примитивной землянке.

Отец, вместе с переехавшими из села Маслово крестьянами в 1930-1933 годы, выбрали хорошее место для своего поселка. Южный пологий склон, рядом небольшая дубрава, ниже заболоченный луг, из которого вытекает ручей, впадающий в р. Мезенка.

Жители поселка добывали торф в заболоченном лугу, но из-за высокой зольности и незначительных запасов добычу прекратили. После торфяных работ оставались копани, наполненные водой. Осенью в них мочили стебли конопли (матерка). Пучки матерки связывали в большие тюки, опускали в воду, а чтобы они не всплывали сверху, накладывали глыбы дерна. Через две-три недели, когда начинал луб (волокно) отслаиваться, тюки вынимали, просушивали и пускали в дальнейшую обработку. Просушенные стебли конопли (тресту) мяли, трепали (освобождали от костры), расчесывали в кудели. Из них пряли нити, из которых на ткацких станках получали холстину. У крестьян холстина была основной материей для изготовления рубашек, штанов, постилок, рушников и пр.

8. Глазной недуг

В летную жару мы, пацаны, в этих копонях купались. Берег и дно были илистыми. После нескольких барахтаний, вода превращалась в сплошное мутиво. Чтобы забраться опять в этот водоем, нужно было ждать, когда ил осядет. Ждать приходилось долго. Сидеть и ждать, когда вода станет светлой, было недосуг, поэтому барахтались в этой грязи. От частого нахождения в грязной воде у меня разболелись глаза. Роговица глаз становилась красной. Было лето 1943 года, рядом фронт, потом эвакуация. Заниматься лечением моих глаз было недосуг. После освобождения от немецкой оккупации, родители занялись моим лечением. Было принято решение отправить меня вместе с мамой в г. Орел к сестре Натальи. Областная детская поликлиника располагалась рядом с квартирой сестры. Мама водила меня к окулисту. Лечение шло медленно. Когда маму положили в больницу на операцию, в поликлинику меня водила моя тетя Анна Михайловна, потом я ходил один. Мне капали какие-то лекарства, от которого расширялись зрачки. Я не мог читать, т.к. буквы и строчки расплывались. Улучшение практически не было. К сестре приходила знакомая полячка. Она изъявила желание помочь мне – заговорить мой недуг. Заговор заключался в следующем. Мою голову она накрывала красной материей, над головой сжигалась конопляная пакля, делались какие-то движения портновскими ножницами, все это сопровождалось заклинаниями. После таких процедур зрачки пришли в норму, но мой недуг остался. После более трех месяцев лечения в поликлинике, сестра отвела меня на дом к профессору В. Н. Преображенскому. Он, наряду с работой в Областной больнице, вёл платный прием на квартире. Он осмотрел мои глаза. Поставил диагноз – золотуха. Сестра удивилась: «От чего золотуха? Ведь он не ест сладкое. Его просто у нас нет». Профессор ответил: «Он же ест картошку, свеклу. Вот вам и углеводы». Направил меня в стационар. Там я пробыл около трех недель.

В то время в глазном отделении лежало много ребят получивших ранение глаз при «работе» с боеприпасами, оставленных на полях сражений. Их было очень много немецких и наших. Ребята подбирали, разбирали, взрывались. Много мальчишек погибло, а другие получали увечья. Доходило до трагедий. Одна наша дальняя родственница, по дороге из Орла в деревню, подобрала аккуратный синий кругляшек. Решив сделать подарок сыну. Положила его в ведро. И он всю дорогу, пока она

шла домой, катался и погромыхивал в ведёрке. Сынишка, играя с этой кругляшкой, взорвался и погиб на месте. Оказалось это игрушка обычной гранатой – «лимонкой». Так мать сама принесла смерть своему сыну. В больницу поступил парнишка с оторванной кистью правой руки, и поврежденным глазом. Он глушил рыбу. Граната разорвалась у него в руке. Помню, как Василий Николаевич уговаривал мать десятилетнего мальчишки дать согласие на удаление поврежденного глаза. Демонстрировал такого же мальчика, который почти ослеп. Доказывал: «Если не удалить погибший глаз, то второй целый, через некоторое время погибнет». Женщина плакала, не хотела соглашаться на операцию.

При очередном посещении больницы, профессор Преображенский сказал сестре Наташе: «Надо добыть рыбьего жира». Продукт был дефицитный, как большинство других, во время войны. Наташа достала сначала четвертинку, а когда я ее выпил, достала еще одну. Недуг, от которого я страдал почти год, испарился. Краснота роговицы исчезла, глаза перестали гноиться. Я стал лучше видеть. Меня выписали. Череда росла рядом с нашим домом на сыром лугу. Мама мне ее оттапливала целыми четвертями. Этот отвар я пил как воду. Последствие болезни сказалось больше всего на левом глазу. На нем образовалось маленькое бельмо и ослабило зрение. Сейчас левый глаз сохранил только 30% зрения. Спасает пока правый, но покраснение роговицы иногда проявляется, особенно по утрам.

Во время болезни глаз я не мог читать, да и книг-то почти не было. Про детские книги, которых сейчас в избытке, я не имел представления. Выручало радио, круглый черный диск, висевший на стене. Утром сестра уходила на работу, племянница в детский сад. Я оставался в квартире один и слушал радио. С большим интересом слушал литературные передачи, театр у микрофона, научно-популярные программы. Музыкальные передачи меня не занимали. По сей день благодарен дикторам и работникам Московского радиокомитета. Через их передачи я узнал много интересных и полезных вещей.

Иные передачи звучат по радио и показывают по телевидению в настоящее время. Как большое достижение и успешность преподносят новости – сколько жен или мужей успела поменять та или другая знаменитость. Семья, целомудрие втаптывается в грязь. Культ силы, денег выдвигается на первый план. Взахлёб сообщается об очередном убийстве, изнасиловании, грабежах, авариях и прочих безобразиях. Нас постепенно приучают к тому, чтобы мы воспринимали эти трагедии, как обычную повседневность. Когда случиться несчастье (убьют или

ограбят) с нами или нашими близкими, принимали как неизбежность (божий промысел). Вели себя безропотной скотиной. В этом цель наших средств СМИ и правительства.

9. Школа

Первый учитель. В нашей семье был в почете культ знаний. Отец закончил ЦПШ (церковно-приходскую школу). Мама ходила в эту школу только две зимы, умела читать по слогам и расписываться печатными буквами. Несмотря на всю малограмотность, хотела и стремилась к тому, чтобы дети учились. Хорошо знала тяготы безграмотной жизни и понимала, что путь к хорошей жизни через учебу. В стране в то время велась большая работа по ликвидации безграмотности «Ликбез». За школьные парты по вечерам садилось практически все взрослое население. Перед войной, Петр учился еще в начальной школе, мама дала ему задание: «Научи Сашку читать, за это получишь конфет». Сколько я уже не помню. Учеба началась с освоения букваря. Память у меня была хорошая. Все запоминал с первого раза. Букварь я выучил наизусть, а технику чтения по складам не освоил. Когда пошел в школу, то читал я, вроде, бойко. На самом деле это был запас заученных наизусть слов.

В первый класс я пошел в сентябре 1941 г. Мне сшили холщевую сумку с лямкой через плечо, положили в нее букварь, ломоть хлеба и отправили в школу. Она располагалась рядом, между двух поселков, на краю дубовой рощи в деревянном домике. В нем была одна классная комната и комната, где жила учительница с мужем.

С приходом немцев учеба в школе прекратилась. Всю зиму 1941 – 42 гг. я практически просидел дома на печке. Школа возобновила работу при оккупантах с сентября 1942 года. Учительницей была та же. Была она дочкой священника, замужем за бывшим церковным сторожем. С первого класса основным предметом стал закон божий. Помню, как она задала учить 12 заповедей «Верую». У меня это не получалось. Я начинал плакать. Отец расстраивался, и возмущался. Как учитель, он хорошо знал методику обучения первоклассников, говорил: «Как можно ребенка заставлять учить молитвы, когда он не освоил букварь».

Летом 1943 года у меня заболели глаза. Глазное яблоко стало красным. Глаза гноились, было больно смотреть на яркий свет. Я должен был идти во второй класс, но вместо школы меня отвезли в Орел к сестре Натальи. Там показали окулисту. Назначили лечение. Я весь учебный год пробыл в Орле и не учился.

Очередной учебный год я начал в третьем классе, т.к. учеников во втором классе не оказалось. Учительница не захотела со мной одним заниматься по программе второго класса. Пропущенный второй класс, пробелы в знание программы,

особенно русского языка, сказались на моей дальнейшей учебе.

В начале учебы в третьем классе с нашей учительницей Антониной Васильевной случилась беда. Ее сильно помяла соседская корова, когда учительница пыталась прогнать нарушительницу со своего огорода, та поедала ее капусту. Корове не понравилось, что ее прогоняют с такого вкусного места, и она покатила нашу учительницу. Учительница попала в больницу. Пролежала в больнице около двух месяцев. Мы в это время не учились.

В четвертом классе мы сдавали экзамены, по арифметике, русскому, истории и географии. Экзамены ходили сдавать в Болотовскую неполно-среднюю школу (семилетку). Экзамены я сдал хорошо. Это был первый послевоенный 1946 год. В пятый класс мне надлежало ходить в д. Болотово. Это за 5 км от нашего поселка. Родители решили отправить меня учиться в Орел к сестре Натальи. Школа, в которой мне пришлось учиться, размещалась на ул. Пионерской в одноэтажном здании. Занятия проходили в три смены. Я ходил в III-ю смену, к 15 час. 30 мин. Перед началом занятий вся смена во дворе делала зарядку. Выполняли комплекс из девяти упражнений. Занятия заканчивались поздним вечером. А, если проводилось школьное мероприятие, то приходил на квартиру в 22 часа. В пятом классе уроки проводили учителя предметники. Учителя русского языка и математики устроили нам контрольные. Диктант я написал на двойку, по математике то же двойка. В условиях задачи надо было определить стоимость одного килограмма яблок. Я стал общую сумму делить на количество килограммов, но у меня при делении получался остаток. Я просидел весь урок, так и не решив задачу. Вечером, придя на квартиру, я рассказал, что задачку не решил. В это время в Орел приехал отец. Рассказал ему содержание задачи. Он говорит: «Надо было рубли перевести в копейки, и сумма разделилась бы без остатка». Я до такой простой вещи не додумался. Сосед мне не подсказал, и я сам не спросил.

Утром отец пошел в школу справиться о моей учебе. Классный руководитель ему говорит: «Мы вашего сына вынуждены отправить опять в четвертый класс». Отец попросил этого не делать, мотивируя это тем, что мальчишка из села и ему трудно привыкать к новой обстановке. Попросил повременить и присмотреться, как он будет осваивать программу обучения.

Я сознавал, что для того чтобы удержаться в пятом классе мне нужно хорошо постараться, проявить максимум прилежания к учебе. Мои старания позволили прилично закончить учебный год, но по русскому языку дальше тройки не продвинулся. Такой

пример, у доски бойко излагаю правило склонения. Учитель просит написать на доске слово подтверждающее, это правило, делаю ошибку, т.е. зазубрил без понятия.

За время учебы в г. Орле школа, в которой я учился, сменила несколько мест. Вначале она размещалась на улице Пионерская, потом на ул. 7-го ноября. Это здание сохранилось, по сей день, входит в комплекс Областной детской больницы. С 7-го класса мы посещали новую типовую школу №19 на ул. М. Горького. После войны в Советском районе было две средних школы: Мужская №19 и Женская №17. Мальчики и девочки учились раздельно. Сейчас в Советском районе не менее семи школ. В них ведётся совместное обучение.

По окончании седьмого класса, где мы сдавали 11 экзаменов, все предметы, которые мы изучали. Со своими друзьями Юрой Андриановым и Сашей Никитаевым подали документы в Машиностроительный техникум. Изложение я написал на двойку, а математику на тройку. Мои друзья вступительные экзамены тоже не сдали. Мы с Юрой вернулись в 8-ой класс, а Саша Никитаев пошел на завод учеником токаря. Учеба в 8-ом классе проходила не ровно, без особого прилежания, уже пробовал курить, иногда прогуливал уроки, вечерами стал ходить в городской сад. По русскому языку экзамен за 8-ой класс я не сдал. Меня оставили на осень. Все лето я должен был заниматься русским языком, а осенью сдать экзамен. К этому времени в п. Стрелецкий открывалась трехгодичная агрономическая школа. По совету брата Николая, я подал документы в эту школу. Сдал вступительные экзамены и был зачислен на 1-ый курс.

10. День Победы

Хорошо помню то тихое солнечное весеннее утро 9 мая 1945 года. Мы тогда жили за 20 км от г. Орла в поселке Первомайском, в народе его звали «Исаевский». Радио и телефона, естественно, не было, новости мы узнавали от пришедших из города и нарочного сельсовета.

В то памятное утро мы с другом Сашей Рыжковым направлялись в третий класс начальной Красниковской школы. По дороге в школу узнали, что кончилась война. Эту новость принесла женщина соседского поселка, пришедшая из г. Орла.

Когда мы пришли в школу, учительница Антонина Васильевна Сафронова уже знала радостную новость, сказала: «Дети, занятий сегодня не будет. Война кончилась». Мы вернулись домой. На поселке царило радостное возбуждение. Чтобы излить свои чувства, женщины заставили нас из красной наволочки и палки соорудить флаг. Мы трое мальчишек и несколько женщин ходили с красным флагом по поселку и пели «По долинам и по взгорьям». Женщины непрестанно повторяли: «Господи, наконец-то кончилась эта война».

На завтра был общеколхозный праздничный обед. Председатель разрешил зарезать барашка, со склада выдали муки еще какие-то продукты. Поселок был небольшой всего 14 дворов. Все взрослое население разместилось за одним столом. Пели песни, многие плакали. Ведь из 13 мужчин, ушедших на фронт, на восьмерых пришла «похоронка».

Возвращение к мирной жизни проходило трудно. Немцы, отступая, сожгли весь поселок. Люди жили в землянках, но верили: «Остались живы. Живая кость мясом обрастет».

11. Агрошкола

По решению правительства в 1950 году в стране, для ускоренной подготовки специалистов сельского хозяйства, учредило трехгодичные агрономические школы. Они имели статус техникума. По их окончании выдавался диплом о среднем специальном образовании. Такая школа была открыта под Орлом по Наугорскому шоссе в поселке Стрелецкий (в народе Лесково), бывшие имение лесовода Лясковского.

Поселок расположен в живописном уголке природы. Особую красоту придает посаженный еще Лясковским парк. Сохранившиеся до нашего времени вековые дубы, липы, ясени, лиственницы, заросли душистой сирени радуют и привлекают жителей и гостей поселка. Растут в парке несколько деревьев Канадской сосны и маленькая роща Сибирского кедра.

До агрошколы здесь функционировали два подсобных хозяйства МВД и КГБ. Работали на фермах и полях в основном заключенные. Жили они в двух бараках, в которых и поселились первые агрошкольцы. В первом наборе нас было две группы по 25 человек. Это были юноши и девушки в основном из сельской местности. Среди нас первокурсников выделялись несколько фронтовиков и демобилизованных. Староста второй группы был Алексей Щербаков, демобилизованный старшина, командир орудия, награжденный грамотой Верховного Совета СССР за отличную стрельбу на учениях. Было еще несколько взрослых слушателей, успевших поработать на производстве. Они задавали тон в учебе и жизни нашего небольшого коллектива. Надо иметь в виду, что всего пять лет назад кончилась Великая Отечественная война. Страна залечивала раны, вставала из руин. Все жили очень скромно, большинство бедно, особенно в деревнях. Среди агрошкольцев я выделялся своим коричневым костюмом. Его мне мама купила за 700 рублей. Деньги на костюм она набрала за счет продажи самогонки. Она ее гнала из корней сахарной свеклы и продавала нашим деревенским мужикам. Этот костюм у меня одалживал Сентяев Алексей, когда ездил домой или ходил в гости. Жили все трудно.

Возглавлял школу и преподавал агрохимию Горбунов Дмитрий Михайлович участник войны, инвалид, у него был один стеклянный глаз. Его жена заведовала нашей библиотекой. Русский язык и литературу вёл Шиликов Василий Гаврилович, ветеран войны, инвалид. Первое занятие он посвятил работе И. В. Сталина «Марксизм в языкознании». На следующем уроке он вызвал отвечать Нину Булгакову. Во время ее ответа задал вопрос:

«Как между собой общались наши первобытные предки». Жестом она ему ответила: «С помощью железа». Он умышленно подхватил ее промашку и спрашивает: «Так с помощью жесточек и общались?» Она отвечает: «Да». В классе раздается смех. Девушка в полном смятении. Позже, много лет спустя, мы с Ниной вспоминали этот эпизод. Она сказала: «Он меня спровоцировал на такой ответ». Запомнился преподаватель математики Беленький Владимир Владимирович, фронтовик со многими боевыми орденами, рослый блондин, любимец женщин. Когда от нас через месяц ушли три девушки, из-за неуспеваемости он сказал: «Ребята, если бы легко было учиться, то все бы имели высшее образование. Учеба – это тяжелый труд». На первом курсе мы прошли программу средней школы. В некотором сокращении мы одолели основные предметы: математику, русский язык, литературу, физику, химию. Программа нашего обучения была напряженной. Занимались мы по 8 часов шесть дней в неделю. Каникулы только один месяц в сентябре.

Однажды, зимним утром, агрошколу облетела пикантная новость. Наш директор выгнал из дома нашего преподавателя математики и свою жену. Дело в том, что связь с городом Орлом была пешей, и в лучшем случае, на лошадке. Автобус не ходил. Наш преподаватель В. В. Беленький жил в Орле, его ежедневно привозили и увозили домой на лошади. Обычно ездил за ним наш слушатель Селеверстов Николай. Зимой, когда бушевала метель и дорогу в г. Орел заносило сугробами, Владимир Владимирович оставался в агрошколе. На правах хозяина директор Д. М. Горбунов приглашал его на ночлег в свой домик. Еще с фронта Владимир Владимирович пристрастился к спиртному. Подвыпивши, заглядывал в наш клуб на танцы. Демонстративно оказывал знаки внимания нашей симпатичной и бойкой студентке Ире Шестопаловой, заявляя: «Это маскировка №1». Что означала эта фраза, стало понятно позднее.

Ночевки в директорском доме, закончились тем, что между Владимиром Владимировичем и женой директора возникли чувства. Однажды директор застал их за любовными утехами. Произошел скандал. Любовникам пришлось покинуть гостеприимный дом. Маскировка №1 не сработала. Ночью Владимир Владимирович разбудил своего возника студента Николая Селиверстова и попросил отвезти в г. Орел. Утром это событие стало известно всему поселку. Наш учитель математики к нам больше не появлялся. Прошел слух, что он с новой женой куда-то уехали. С Дмитрием Михайловичем остались два сына подростка. Позже наш директор сошелся с директором Сотниковской школы и прожил с ней до конца жизни.

Учеба на 1-ом курсе давалась мне легко. Сказались занятия в 8 классе. Большинству учащихся программа была новой, а для меня пройденной. Вечерами на самостоятельных занятиях я помогал сокурсникам разобраться в доказательствах теорем и прочих математических сложностях. Помогая другим, я сам глубже понимал изучаемый предмет. Как в анекдоте. Учитель сетует: «Ученики попались бестолковые. Им раз объяснил – не понимают, два не понимают. На третий раз сам понял, они опять не понимают».

За первый курс мы прошли программу 8-10 классов по основными предметам в сокращении. Со второго курса начали изучать специальные предметы, растениеводство, зоотехнию, механизацию, мелиорацию и еще кучу.

Среди преподавателей были прошедшие войну и молодые выпускницы сельхоз ВУЗов. Запомнились преподаватели: по растениеводству Валентина Михайловна и по зоотехнии Ольга Ивановна – выпускницы Тимирязевской с-х академии. Кроме программного материала, рассказывали о самой академии ее музеях (почвоведения, коневодство), о Москве. Они интересовались нашей жизнью, были нашими наставниками.

На втором курсе мы с другом Колей Селиховым накануне экзаменационной сессии задумали заполучить доступ к экзаменационным билетам. Вечером проникли в учительскую, нашли билеты предстоящего экзамена. Стали думать, как заметить нужные нам билеты, по ним хорошо подготовиться. Билеты были напечатаны на тетрадочных листах в клеточку. Обратили внимание, что на некоторых билетах рисунок клеточек был отличным и легко выделялся от остальных. Мы номера этих билетов запомнили. Оставалось только основательно подготовиться по вопросам 5 – 6 замеченных билетов, вместо того, чтобы все 25. Встал вопрос: «Как получить нужный нам билет, чтобы он не достался другим сокурсникам?»

Решили – надо попасть в первую тройку экзаменующихся. Обычно преподаватель спрашивал: «Кто желает отвечать без подготовки?». Вызывался отвечать я. Брал замеченный билет. Отвечал обстоятельно. Получал отлично. На сокурсников это производило впечатление. Они восхищались моими «способностями». Это длилось до тех пор, пока преподаватель животноводства Ольга Ивановна, после того, как мы с Колей ответили по «своим билетам» обронила: «А билеты уже у кого-то побывали в руках?», мы сильно струхнули. Однако никакого расследования не последовало. И, мы с Колей прекратили заниматься такими махинациями с билетами.

Между тем, имиджу способного ученика надо было

соответствовать. Было стыдно потерять его в глазах сокурсников. Благо мозгов для этого хватало, и память была хорошей. Помниться, перед Первомаем, готовили концерт самодеятельности. Мне в журнале «Художественная самодеятельность» встретилось стихотворение Исаковского «Царь, поп и мельник». Оно было достаточно большим, несколько страниц. Я решил его выучить к праздничному концерту. Наш староста Иван Ильин выразил сомнение: «Не успеешь». До 1-го мая оставалось два дня. Мы с ним поспорил на 200 граммов водки.

На первомайском концерте я продекламировал это стихотворение, со своей припиской.

Я поспорил с дядей Ваней,
Что я выучу этот сказ.
Рассказ на Первомае,
Вот, как видите сейчас.
А, теперь, я торжествую
И хожу по всем доскам,
Потому что, дядя Ваня
Мне проспорил 200 грамм.

Наш быт был организован без удобств. Отопление печное, воду брали из родника, все остальное на улице. Для нас была организована столовая. Размещалась она отдельно в «красном доме» - бывшая барская оранжерея. Вечерами, особенно осенью поход в столовую проходил в кромешной темноте. Идти нужно было через парк, где от войны остались, капониры, окопы, воронки, в которые частенько оступались. Возвращались из таких походов облепленные репьями. Лопухов по парку росло предостаточно. Меню в столовой состояло из супа, каши и стакана молока. В агрошколе была своя молочная ферма и молоком нас обеспечивали.

Одна из комнат барака была отведена под клуб. В ней проходили наши репетиции, концерты художественной самодеятельности, танцы. Нашим художественным руководителем была жена директора, пока не сбежала, ставили пьесы, дирижировала хором, аккомпанировал на гармошке сам директор. В этой комнате – клубе проходили по вечерам танцы. На гармошке играл фокстроты, вальсы наш сокурсник Леня Беляев. Каждый танец он играл подолгу. Директор, когда заходил в наш клуб, говорил гармонисту: «Леня, зачем ты долго играешь один танец? Сыграл пять минут и играй другой танец». На танцах девчата научили меня танцевать вальс и краковяк. До этого я не

умел танцевать.

Занятия длились по восемь часов. Через четыре часа занятий был получасовой перерыв. Мы его обычно использовали для танцев. На занятия и танцы я ходил в валенках, которые мне сваляли на заказ. Недели через две в этих новых валенках, я заявлялся домой. Мама посмотрела на растрепанные валенки, говорит: «Плохие валенки свалял, обманщик». Я ей не признался, что разбил их на танцах.

Время было тяжелое, голодное, но мы были молоды, верили в лучшее будущее. Активно участвовали в различных общественно-полезных делах. Душой нашего коллектива был директор агрошколы. Дмитрий Михайлович, живя с нами в поселке, был в курсе наших дел и проблем, генератором общественно-полезных дел. Мы с ним сажали деревья, строили на речке плотину, тянули ЛЭП. О последнем несколько подробнее. В поселке электричества не было. Близлежащая трансформаторная подстанция располагалась за 3 километра в п. Биофабрика. Осень. В первый год обучения после занятий мы копали ямы под электрические опоры. С помощью багров и верёвок ставили столбы. Ямы под опоры обмерзали и столбы, скользя по обмерзшим стенкам падали обратно. Процедура повторялась. Командовал работами наш староста Иван Ильин, бывший военный связист. Весной электрики смонтировали электролинию и 1-го мая 1951 года у нас засветились электролампочки.

Жестокая засуха 1946 г. заставила правительство страны принять постановление по борьбе с ней, получившее название «Сталинский план преобразования природы». По этому плану проводились лесопосадки на обширных территориях. На пути юго-восточных суховеев в Заволжье сажали огромные лесные массивы, на Волге и других реках строился каскад плотин и ГЭС.

По этому плану в средней полосе были посажены тысячи гектар полезащитных полос, построены, пруды и водоемы. Они преобразили наш ландшафт, сделали его разнообразней и комфортным для жизни. Комсомольцы агрошколы участвовали в закладке полезащитных лесополос. 2 мая 1951 г. РК ВЛКСМ объявил ударник по посадке лесополос. Мы всем курсом приняли в нем участие. На заранее размаркированной полосе, вручную по пять желудей клали в гнездо и засыпали землей. Через 50 лет эта дубовая красавица радует нас, является надежным пристанищем для пташек и зверюшек. Таких полос по области тысячи. Жаль, что последнее время в них без жалости хозяйничают браконьеры.

Наряду с теоретическими знаниями, мы работали на полях и фермах хозяйства. Занимались уходом и уборкой урожаев зерновых и овощных культур. Дежурили на фермах, кормили и

чистили скот. Пробовали доить коров. Мне нравилось подавать снопы в барабаны МК-1100, завораживал гул этой машины. Нас готовили к работе агронома в хозяйствах области.

В апреле 1952 года Орловский РК ВКП(б) принял меня кандидатом в члены партии. 9 июня я получил повестку, ушел на 4 года служить в армию. Агрошколу пришлось заканчивать после службы. К этому времени школу переподчинили совпартшколе. В ней готовили в основном будущих руководителей хозяйств. Из старых преподавателей осталась только растениевод В. М. Емельянова, остальные занятия вели преподаватели партийной школы. Наш директор ушел в СПТУ.

Решением педсовета совпартшколы меня и еще несколько выпускников включили в 5% выпуска, с правом на поступление в сельскохозяйственный институт без вступительных экзаменов. Случилось так, что я поступил в агрошколу с первым набором учащихся и закончил ее с последним. Наша агрошкола просуществовала всего 8 лет. Судьба ее выпускников разная. Часть из них, как и я, и Паша Бойцов стали учеными-аграрниками. Некоторые героями труда, известными руководителями хозяйств. Некоторые ушли работать на промышленные предприятия. Судьбы получились разные.

Моя дальнейшая судьба связана с Мичуринским плодоовощным институтом.

11. Служба в армии

Будучи учащимся второго курса агрошколы, я прошел призывную комиссию и при горвоенкомате получил повестку прибыть на призывной пункт 9 июня 1952 года. К призыву в армию я отнесся спокойно, даже с каким-то ожиданием новых перемен. Одновременно призывную повестку получил Володя Серегин, мой племянник. 9 июня на квартиру у сестры Натальи собрались близкие родственники: мама, брат Николай, дядя Ваня с женой и ряд друзей по агрошколе. Говорили напутственные слова, пили водку. Мама плакала. На призывной пункт отправились большой группой. Нас построили в колонну, и повели на областной сборный пункт. Там дали команду: «Домой, а завтра в 9:00 быть на сборном пункте». Возвратившись на квартиру к сестре, я решил поехать в агрошколу. Причиной моей поездки была первокурсница Тоня Степина. Накануне мне с ней не удалось встретиться и хотелось попрощаться. Встреча получилась трогательной, мы целовались. Обещали писать друг другу. Через два года Тоня окончила агрошколу уехала работать на Украину и там вышла замуж.

На сборном пункте мы пробыли три дня. Собирали призывников с районов области. Все эти дни со мной находилась мама и Коля Селихов, мой большой друг. Его уже нет в живых, но светлую память о верном друге я храню по сей день.

Во время пребывания на сборном пункте со мной беседовал майор из областного военкомата. Интересовался моим семейным положением. Я тогда не понял смысла нашей беседы. Только после службы я от мамы узнал, что меня, как единственного сына, оставшегося в семье, не должны были призывать в армию. В моих призывных документах не стояла дата призыва в армию. Об этом я узнал, когда прибыл служить в часть. Короче, до последнего момента стоял вопрос призывать меня или дать отсрочку. Вечером 12 июня нас погрузили в товарные вагоны, в которых были оборудованы двухъярусные нары, и повезли в сторону Москвы. Я первый раз в жизни ехал по железной дороге. Говорить о моих впечатлениях скучно, но во многом они были для меня впервые. По московской окружной дороге наш состав отправили на восток. Что испытывал 18 летний юноша, который впервые ехал по железной дороге через всю страну в течение 22 дней. За эти дни, я воочию убедился в масштабности нашей страны. В Арзамасе на станции, утром, во время умывания, нас атаковали комары таких размеров, жало которых помню по сей день, и которых больше нигде не видел. На окраине г. Казань созерцали

огромное скопление народа. Работник железной дороги сказал: «Это праздник Сабантуй». За Уралом пошла тайга. Сутками перед глазами безбрежное море тайги. За Иркутском открылась панорама озера Байкал. Железная дорогая проходит по берегу озера. Ребята на остановке бегали по байкальскую воду, пробовали на вкус. Созерцали мы Бурятские голые без единого кустика степи, снежные вершины Яблоневых гор. На пароме наш состав переправили через Амур, и наконец, берег Татарского пролива порт Ванино.

В эшелоне нас кормили два раза в сутки. Пищу разносили дежурные на остановках. Состав двигался не ровно, то ехал часами без остановок, а то торчали в тупике полдня. Частенько из вагона-кухни дежурные принесут бочок супа, поезд трогается. Мы часа два-три ждем следующую остановку, когда нам принесут кашу. Все эти дни мы лежали на нарах и смотрели в узкие окошки, иногда у открытых дверей вагона, созерцали окрестности. Бока болели от лежания, было скучно. Теперь призывников везут в пассажирских вагонах, а на Дальний Восток отправляют в самолетах.

Ранним утром нас выгрузили в порт Ванино. Сопровождающие передали нас местным военным. Процедура эта длилась долго. Затем санпропускник, где санитары тряпицей на палке смазывали наши мошонки какой-то жидкостью и отправляли на помывку. Это большая брезентовая палатка, где горячая вода течет из единственного шланга. Наши вещи пустили на пропарку в «вышебойку». Случилось так, что приглянувшийся пиджак или брюки к хозяину не возвращали. Они куда-то «пропадали».

Нас разбили повзводно, и новые командиры повели нас в столовую. Под навесом дощатые столы и скамейки. За столом размещалось по 20 человек. Питались в три смены. Третья смена заканчивала завтракать, а первая уже шла на обед. В одну смену питалось 4 тысячи новобранцев.

Наша выгрузка из вагонов, перекличка, санобработка и другие процедуры заняли много времени. Мы проголодались. В столовой я с таким аппетитом ел подгоревшую ржаную корочку. Такой вкусной она была только летом 1942, когда мама испекла хлеб изо ржи нового урожая.

Поселили нас повзводно 25-30 человек в палатке. По норме в ней полагалось находиться 10-12 человек. Спали только на боку. Сбоку на бок поворачивались одновременно.

Наш призыв совпал с увольнением из армии массы солдат и сержантов, которым из-за войны пришлось вместо трех лет служить 6-7 лет. Призывникам военного времени, война в срок

службы не засчитывалась. Им пришлось дослуживать свой срок после войны. В пехоте - три, авиации четыре и Морфлоте – пять лет. Нам пришлось менять этих служивых.

Мы ожидали своей очереди отправки пароходами на Чукотку, Камчатку, Курилы и Сахалин. В ожидании отправки к месту службы призывников использовали на разгрузке вагонов, в нарядах на кухне, работе на складах. Склады использовались, как перевалочная база, для отправки продовольствия на все выше перечисленные острова и прочее. Запомнились штабеля муки высотой в двухэтажный дом и длинной 25-30 м, под открытым небом, укрытые брезентом. Разгружали из вагонов деревянные бочки с солеными помидорами и огурцами. Один раз ребята специально уронили бочку. Она вскрылась, и мы попробовали соленых помидорчиков. Офицер – интендант, наблюдавший за разгрузкой, был очень недоволен.

В свободное время часть ребят отправились на «черный рынок». Там шел обмен «не глядя». Один предлагал: «Махнем», другой отвечал: «Не глядя». Обменивались. В результате обмена у одного оказывался нож со сломанным лезвием, а у другого футляр от часов. Это была игра в бибе, кто кого обманет. Патрули разгоняли толпу 100-150 человек, но она возникала вновь в другом месте.

Есть афоризм «Мужчины без женщин – глупеют. Женщины без мужчин дурнеют». Он очень подходил к обитателям нашего лагеря, где находилось 10-12 тысяч призывников. Многие ждали отправку в часть по 1,5 – 2 месяца. За это время ребята в атмосфере ожидания и безделья дичали. Такой пример: на центральной аллеи нашего лагеря в полдень, появились две молодые женщины, вероятно, это были родственники офицеров, работающие в лагере; что происходило с новобранцами – они выскакивали из палаток, улюлюкали, свистели, орали; это было какое-то сумасшествие. Понять их в какой-то мере можно. Впервые оторванные от привычной среды, при появлении женщины, в неуправляемой толпе возникал дикий ажиотаж.

Мне пришлось дожидаться отправки в часть 2,5 месяца. За это время успел попасть в госпиталь с диагнозом дизентерия. Пробыл там около двух недель, а когда меня выписали, команду, с которой я прибыл, отправили на Сахалин. Опоздал к отправке я на один день. Было обидно. Меня определили в команду, где собрали всех отставших от своих команд и присоединил к ростовчанам.

Нас обмундировали, выдали голубые погоны. Ранним хмурым утром, 18 сентября 1952 года, нас погрузили на товаро-пассажирский теплоход «Каширстрой». С причала духовой

оркестр нам сыграл прощальный марш. Вскоре порт Ванино скрылся за горизонтом.

На Дальнем Востоке в это время обычно стоит тихая солнечная погода. Большую часть пути проводили на палубе. Прошли мимо гряды Курильских островов. К концу нашего путешествия увидели мыс Лопатка и скалы «Три брата!» Через 5 суток в 12:00 вошли в Авагенскую бухту. На рейде бухты стояли пассажирские и военные корабли. Обратили внимание на разломанный корпус большого танкера. Нам объяснили: «Разломился во время шторма». Нашу команду, 300 человек, вывели на окраину г. Петропавловска. Велели ждать командиров и транспорт гарнизона, где будем проходить службу. В ожидании транспорта, я присел возле заборчика. Был закат дня, на меня повеяло каким-то родным духом. Это был или запах разогретой земли и травы, но таких ассоциаций в перевалочном лагере я не ощущал. Там, в лагере, на глубине 0,5 метров была вечная мерзлота.

Пришла машина, в нее погрузили наши пожитки. Нас построили, пешим строем двинулись в гарнизон Елизово, за 32 км от Петропавловска. В часть прибыли поздно ночью. Нас разместили в «учебном полигоне». Одноэтажное деревянное здание стало нашим домом, на весь срок «курса молодого бойца». Разбили по взводам, назначили командиров. Началась солдатская служба в 119 отдельном батальоне связи, 53 смешанного авиационного корпуса. В лагере перед отправкой в часть нам выдали сухой поек: сухари и еще что-то. На срок пути больший, чем мы затратили. У нас в вещевых мешках, остались излишки. В первые дни мы в солдатской столовой особого интереса не проявляли. Доедали сухой поек. Какое было удивление, когда по приходу в казарму мы не обнаружили наших мешков. Их все сгрузили в каптерку. Старшина роты требовал каждого подойти к нему со своими вещами. Он проводил ревизию. Все продукты конфисковались, отбирались все вещи, кроме личной гигиены, конвертов. На второй день наша братва уплетала с аппетитом солдатскую кашу.

Спать приходилось на полу. Постелью служила солома покрытая брезентом от палатки, прибитого по краям деревянными планками. Дни молодого бойца были напряженными. Изучали уставы внутренней и караульной службы, строевая и физическая подготовка. За день уставали так, что после отбоя засыпали моментально. Снов не было. Вроде только уснул, звучит команда «подъем». На сборы 45 секунд. Строем в туалет, зарядка, завтрак, развод на занятия. Весь день передвигаешься только в строю. День заканчивается вечерней

проверкой и вечерней прогулкой строем. По воскресеньям замполит устраивал походы в кино, несколько выходных занимались весь день разучиванием строевых песен. Старожилам Камчатки нравилось, когда мы пели: «По долинам и по взгорьям», «Дальневосточная опора прочна».

Кормили нас хорошо, по северной норме. В суточную норму входило: мясо – 200 г, рыба – 200 г, жиры – 90 г, сахар – 80 г, крупы, хлеб – 800 г. Офицеры говорили: «По такой норме питаются курсанты военных училищ».

В 5 часов утра 4 ноября 1952 года нас разбудила команда дневального: «Подъем! Тревога! Землетрясение!» Мы выбежали на улицу. Земля под нами качалась. Ощущение такое, как в лодке, когда ты в нее садишься. Казарма скрипела, как рассохшаяся телега. Эпицентр землетрясения находился в Тихом океане. В Петропавловске оно ощущалось в 4 балла. Жертв и разрушений практически не было. Кое-где в домах разрушились печные трубы. Больше всего досталось Курильским островам. В результате толчков, возникла мощная волна «цунами». Волна высотой 6 – 8 метров накатывалась на берег. Домики, которые стояли на берегу, она поднимала, встряхивала и брёвнышки уносила в океан. Больше всех пострадали моряки, меньше связисты их средства связи базировались на сопках. Многие, спасаясь от стихии, в нижнем белье оказались на сопках. Было принято решение – уцелевших вывести с островов.

Наш транспортный авиаполк принял на себя эвакуацию людей с острова. На аэродроме каждые 5 – 10 минут взлетали и садились транспортные самолеты. Гарнизонная электростанция обслуживала только аэродром и взлетно-посадочную полосу. В казармах электричества не было. Праздник 7 ноября мы провели в темных казармах.

Запас продуктов и теплое обмундирование, завезенное для нас на Камчатку, срочно отправили для оставшихся на Курилах. Все это мы почувствовали на себе. В течение месяца на ужин нам давали отварную сухую морковку. В ноябре на Камчатке морозы 10 – 12°С. Мы в пилотках, легких шинелях, без рукавиц и в летних портянках по два часа, занимались строевыми занятиями на плацу. После таких занятий, руки не в состоянии расстегнуть крючки на шинели. Потом все нормализовалось. С материка доставили теплые вещи, продукты.

Тяжело переносилось отсутствие вестей из дома. Почти месяц в дороге и 2,5 на перевалочном лагере, мы не имели возможности поддерживать почтовую связь с родными. Только по прибытии к месту службы, я сообщил номер своей полевой почты. Письма на Камчатку шли долго. Поездом до Владивостока, оттуда

пароходом в Петропавловск, и наконец, в гарнизон. Проходило около месяца. Первой, для меня почтой пришло десять писем от родных и друзей. Это был настоящий праздник.

Сейчас в СМИ появляются сообщения о том, что в частях солдаты испытывают бытовые неудобства, голодают. Комитет солдатских материей ездит по воинским частям, и требуют вернуть их сыновей и прочее. В наши дни об этом не возникало мысли. Это считалось тяготами воинской службы.

Нашими командирами были в основном фронтовики, участники боев с японцами. После капитуляции Япония некоторые воинские части перебросили на Камчатку. Оседали они почти на голом месте. Сами обустраивали свой быт. Строили казармы, склады, аэродром и пр. Офицеры ютились в казармах, семейные снимали квартиры у местных жителей. Некоторые селились в полуземлянках. Только в 1955-56 гг. в гарнизоне начали строить поселок одноэтажных домиков для офицеров.

После принятия присяги мы приступили к освоению военных специальностей: радистов, телеграфистов, телефонистов, электромехаников. Мне пришлось осваивать специальность радиста. В течение года изучали электротехнику, материальную часть радиостанций, наставления по радиосвязи, были и политзадания. Осваивал я специальность легко. Сказывалась учеба в 8-ом классе и в агрошколе. Сложности возникали при приеме «на слух» и передаче на ключе «морзянки». Музыкальный слух у меня паршивый, а без него ловить на слух точки тире сложно. По окончании учебной роты нас распределили по частям. Меня, как комсорга роты оставили в штабной роте зав. радио-классом. В мои обязанности входило практическое обучение курсантов в настройке стационарной радиостанции РАФ-КВ-5, проводить на ней технические уходы. Службу я закончил начальником контрольной радиостанции. Радист, дежуривший на контрольной радиостанции, обязан следить за радиотелеграфными переговорами на определенных волнах. При обнаружении нарушений допущенных радистами заносить их в журнал и сообщать в штаб. В радиопереговорах я разбирался плохо и «обычно» в журналах писал «нарушений нет». С радио контролем был такой случай. Батальон связи вывели на ученья в сопки. Мы целый день вгрызались в каменистый грунт, закапывали машины с радиостанциями. На второй день учений, утром к нам прибыли два офицера особого отдела. Комбату они сообщили, что засекли работу мощной радиостанции открытым текстом. Виновником оказался солдат срочной службы, который во время учебной связи в конце сеанса выдал в эфир свою фамилию Хурс. За это от комбата, схлопотал 20 суток строго

ареста.

Мы понятие не имели, что такое «дедовщина» и не уставные отношения. Обычно «старики» перед демобилизацией освобождались от караульной службы и нарядов. Их на все лето отправляли в сопки заготавливать лес и дрова. Стройка в батальоне осуществлялась своими силами, казармы зимой отапливались дровами. «Старики» в лес ехали охотно. Они чувствовали себя там вольготнее. Подшивать подворотнички и оказывать «старикам» другие услуги было для нас нонсенс. Рукоприкладство и избиение молодых солдат у нас не было.

Несколько солдатских зарисовок. В казарме учебной роты из курилки тревожные голоса – солдату плохо. В санчасти выяснилось, что солдат пытался симулировать припадок. Оказалось парню на гражданке светил срок, чтобы избежать его, решил податься в армию. Здесь ему показалось несладко, и он решил симулировать болезнь. В особом отделе с ним побеседовали, обещал добросовестно нести воинскую службу. У одного солдата дома осталась одна мать. Ее здоровье было плохое. Командование части ходатайствовало о предоставлении ему отпуска по семенному положению. С Камчатки солдату отпуск не давали, только в исключительных случаях с разрешения командования округа. Переписка с Владивостоком затянулась. Солдат не выдержал, забрался не чердак и повесился. Спасти не удалось. Через два дня пришло разрешение на отпуск, но ехать уж было не кому.

Солдатская служба в мирное время практически не связана с риском для жизни. Исполнение уставных требований, строгое подчинение, дисциплина и ограничение свободы достается нелегко. Зубрешка уставов, наставлений, учебные тревоги, хождение в наряд и караул практической пользы не принесли. Жаль потраченных на это молодых сил и времени, когда твои сверстники учились в техникумах и институтах, получали специальности. Вместе с тем за годы службы я и мои товарищи закалились физически и морально. Стали мужчинами. Конец моей службы совпал с работой в нашем батальоне комиссии из Москвы. Не помню, по какому поводу я оказался в штабе части. Узнав, что я на днях демобилизуюсь, проверяющий задал мне вопрос: «Что дала вам армия?» Я ответил: «Многое». Проверяющий, вероятно, не ожидал такого ответа. Подумал, что я буду сетовать на удаленность от материка, на всякие неудобства. Я пояснил: «За время службы освоил специальность радиста, стал шофером III класса, вступил в партию». Разговор этот состоялся в присутствии офицеров части. Не исключаю, что стал известен комбату. На торжественном построении, по случаю нашей

демобилизации, вручая нам грамоты, комбат обнял меня и поцеловал. Такой чести был удостоен и еще сержант Добровольский, начальник передающего центра.

Большой отрезок моей службы связан с армейским комсомолом. Меня избрали комсоргом роты, комсоргом батальона. Был помощником командира взвода. О моей комсомольской работе сохранилась заметка в нашей гарнизонной газете. Она называлась «Оживить комсомольскую работу». В ней помощник начальника политотдела по комсомолу 57 авиакорпуса капитан А. И. Матыцин писал: «…Все свои усилия комсомольская организация, возглавляемая сержантом Исаевым, под умелым руководством партийного бюро направляет на повышение качества боевой и политической подготовки, укрепление воинской дисциплины, выращивание классных специалистов. Подавляющее число комсомольцев являются отличниками боевой и политической подготовки. Есть здесь отличные взводы, отделения, экипажи и смены. Все комсомольцы радисты и телеграфисты являются классными специалистами».

С капитаном Матыциным первые встречи были не очень приятными. На комсомольском собрании части предстояло избрать его делегатом на областную конференцию. По моему недосмотру урны для голосования не оказалось. Пришлось за ней бежать в штаб, вышла заминка. Капитан отчитал меня прилюдно. В дальнейшем его отношение ко мне изменилось в лучшую сторону.

Характер солдатской службы во многом определяет климат местности, в котором приходится выполнять воинский долг. На климат Камчатки определяющее влияние оказывает Тихий океан. Лето там сравнительно прохладное. Редко температура достигает +20˚С. Влажность воздуха высокая и уже при +16˚С идет сильное потоотделение. А если учесть, что на тебе солдатская роба и кирзовые сапоги, то можно представить наше самочувствие.

Зимой морозы не превышают 14-16˚С, но промозглая сырая погода с ветром, заставляет дрожать, как осиновый лист. С нами в роте служили ребята из Новосибирска и других мест Сибири. Они хвастались способностью переносить 40˚С морозы, при таком морозе ходить в туфлях. Сибиряки дрожали вместе с нами. Выпадает много снега. Старожилы говорили, что бывали такие зимы, выпадало столько снега, что телеграфные столбы засыпало до изоляторов.

Обильные снегопады доставляют много хлопот дорожникам и связистам. Запомнился один из снегопадов, который шел непрерывно в течение трех суток. Выпал слой снега около 40-50 см. Снегопад перешел в дождь, который продолжался двое суток.

Снег полностью напитался водой. Получилась полуметровая масса воды и снега, которая заливалась за голенища кирзовых сапог.

Налипание снега на провода привело к обрыву телефонных проводов и потеря связи с воинскими частями. По уставу связистов потеря связи допускалась не более двух часов. Взвод проводной связи и личный состав штабной роты, во главе с ее командиром капитаном Гусевым в течение недели устраняли обрывы. Мне и еще трем солдатам бессменно выпало дежурить в роте. Мы всю неделю сутками топили печки, чтобы мокрые солдаты, возвратившиеся вечером с авральных работ, могли просушить сапоги и обмундирование.

В один из зимних дней на Камчатку обрушился мощный циклон. скорость ветра достигала 35 м. в секунду. Нужно было отправить дежурную смену радистов на аэродром. Командир роты приказал трем сержантам, в том числе мне, сопровождать смену к месту дежурства, Ветер был такой силы, что валил с ног. Мы передвигались на четвереньках. Снег в виде льдинок сек лицо. Глаза приходилось открывать на миг, чтобы сориентироваться. Когда возвращались обратно в роту, обнаружили, что на офицерской столовой нет крыши. Ее снесло ветром.

На Камчатке очень красивые закаты, особенно в начале зимы. Небо на заходе солнца еще голубое, снежные верхушки сопок Аваченская и Карякская розовые. Ниже по склонам снег синий, еще ниже темно-синий, а подножье сопок покрыто темнотой. Таких закатов у себя на родине видеть не приходилось Камчатское лето короче нашего. У нас первые зеленые листочки на берёзе появляются в конце апреля начале мая. На Камчатке это происходит на месяц позже в конце мая – начале июня. Заморозки в начале сентября. Склоны Аваченского и Корякского вулканов покрыты снегом с октября по июль. Из-за короткого лета здесь выращивают, в основном, ранние сорта картофеля, капусты и ячменя. Полуостров Камчатка представляет молодое тектоническое образование. Это удивительный край. В нем наряду с действующими вулканами, горячими источниками геотермальных вод и обилием вулканического пепла, покрывающими почти всю землю, соседствует буйная растительность. Сопки покрыты рощами причудливо изогнутых берёз, зарослями дальневосточной жимолости, в низинах много голубики и других ягод. Из-за обильных осадков буйно растут травы. Они вырастают до пояса. В реках много рыбы. Из-за таяния снега на вершинах вулканов, паводок в реках бывает в июне, а вода не выше 10-12˚С.

За период службы удалось участвовать в нескольких

интересных походах по Камчатке. Приведу дневниковые записи тех дней. 9 июля (суббота) 1955 г. Группа из 23 человек, во главе с замполитом батальона подполковником Кашинец, отправилась на машине к подножию спящего вулкана Аваченский (2751 м). Не доехав 5-6 км до подножия, пришлось оставить машину и двигаться пешком вдоль ручья. Берег ручья и склон сопки покрывали густые заросли, по которым идти было очень трудно. К закату солнце нам удалось подняться еще на 400 метров высоты вулкана. Последний километр пришлось преодолевать по сплошным зарослям ивняка и кедрача. Остановились на ночлег. До кратера вулкана оставалось пройти приблизительно 10-12 км по крутым склонам. Ночь провели возле костра, укрывшись шинелями, вздремнули пару часов. В 3 часа утра сыграли подъем, умылись, позавтракали и в путь. Пересекли ложбину, взобрались на гряду и двинулись по снежному склону вверх. Подошли к основному конусу вулкана. Возник спор, как двигаться дальше. В лоб по крутому, или по пологому склону. Наше раннее восхождение было обусловлено тем, что вершина вулкана обычно до 11 – 12 часов дня свободна от облачности. После полудня ее затягивают густые облака. Мы рассчитывали к 11 часам достигнуть кратера вулкана. Оставалось преодолеть последние 50 – 60 самых трудных метров. Уклон конуса достиг 50-60° покрытый мелким щебнем. Неожиданно подул ветер, все затянуло густой облачностью, стало холодно. На нас солдатская гимнастерка, галифе и кирзовые сапоги. Двигаться стало трудно. Мы уже прилично устали. Подъем по крутому склону стал опасен. Из-под ног сползал и срывался сыпучий грунт, срывались и падали вниз большие камни. Они могли травмировать идущего за тобой товарища, поэтому двигались змейкой. Последние метры дались с большим трудом. Дул сильный ветер, видимость 4 – 5 метров, температура упала ниже нуля. Наконец кратер. Мы все синие от холода. Из кратера воняет серой, все камни покрыты желтой серной пленкой. Забрались в расщелину, оттуда шел горячий газ. Немножко погрелись, негнущимися пальцами с трудом написали свои фамилии, положили в железную банку. На часах 11.05 минут. В холоде и сплошной темноте впечатление от покорения вершины Аваченского вулкана восторга у нас, особого не вызвало.

Спуск с основного конуса был легким и скорым. Поднимались около 5 – 6 часов, а спустились за 20 минут. Шаги по склону получались широкие (до 1,5 метров), вместе с оседающим сыпучим грунтом, сползали еще на 0,5 м. По снегу на кирзовых сапогах спускались как на лыжах. Вырвались из облачности, очутились в теплой солнечной атмосфере. Перед

нами открылась величественная панорама океана, скалы «Три брата», «Петропавловск», окрестности. Люди внизу казались маленькими, маленькими. Возле ручейка сделали привал, попили холодной снеговой безвкусной воды и двинулись дальше вниз. В лагерь прибыли около 3-х часов дня. После короткого отдыха двинулись дальше. Прошли берёзовые массивы с высокой травой. Немножко поблудили. Я впервые видел крупные темно-коричневые с красными и желтыми прожилками, черными в крапинку цветы. Вероятно, это были Дальневосточные тигровые лилии. Мы их окрестили «бархатными». Дальше до строящегося домика лесника. Его землянка сгорела. С нами был фотоаппарат. Вместе с семьей лесника сфотографировались. Дождались машины. В часть вернулись в 10 часов вечера. В столовой поели и спать. Утром делились впечатлениями от восхождения на Аваченскую сопку. Наши взоры часто обращались к ее вершине. Из гарнизона она казалась далекой и не доступной. Восхождение было посвящено увольняющимся в запас 1951 года призыва.

10 февраля 1955 года 18 лыжников во главе с капитаном Дьяченко совершила поход к горячим источникам села Паратуньки. Сначала на машине до села Николаевка, дальше 18 км на лыжах. Погода была лыжная. Легкий морозец, редкий снежок, лыжи скользят хорошо. Весь переход прошел легко и весело. В Паратуньки пришли вечером. Разместились в сельской школе и в бассейн. Это открытый водоем приблизительно 10 х 10 м. Рядом домик из пяти комнатушек. В одной сидит сторож продает входные билеты стоимостью в 1 рубль. В помещении холодно, света нет, раздевалка примитивная, одежду пришлось складывать на пол. Спрашиваем сторожа: «Батя, что же так холодно?», он отвечает: «Вот поплаваете, и станет жарко! Действительно, вода в бассейне +18 – 32°С. В углу бьёт горячий сероводородный ключ. В такой воде полежишь спокойно, погрузив все тело, через 2-3 минуты начинает учащенно биться сердце. Ощущение в таком бассейне не обычное. Вокруг снег, волосы на голове смерзаются от мороза, а тебе все нипочем. Выбираемся на снег постоим и опять в бассейн. Поплавали мы в нем около часа. Стали одеваться, холода совсем не чувствовали. Прав был сторож.

После ужина, сходили в местный клуб. Посмотрели кинофильм «Запасной игрок». Спали в классе на партах. Утром опять направились в бассейн. Раздевалка закрыта. В бассейне уже сидят двое наших, говорят: «Залезай, вода горячая». Раздеться пришлось прямо на снегу и в воду. Она холодная. За ночь бассейн набило снегом, и вода стала холодной. Ребята хохочут, сами сидят в углу, где бьёт горячая вода. Остальных также пригласили

в «горячую воду». Кто-то посоветовал спустить холодную воду из бассейна. Вода стала быстро нагреваться. После завтрака, около 11 часов, двинулись в обратный путь. Ночная пурга занесла все тропинки и нашу вчерашнюю лыжню. Возглавлял группу старший лейтенант Горохов. Сбились с курса, зашли в сопки. Смотрим, из снега торчит труба из нее дым. Оказывается землянка лесорубов-корейцев. Здесь в лесу живут три корейских семьи, заготавливают дрова. К нам вышла женщина с двумя босоногими ребятишками. От корейских землянок развернулись обратно в Паратуньки. Напали на санный след и по нему двинулись в сторону Николаевки. В Николаевке нашей машины не оказалось. Пошел мокрый снег, ветер. Из всей команды нас 5 человек решили продолжить движение. Остальные остались ждать машину. Нам предстояло до очередного населенного пункта 15 км. Лыжи скользили плохо, направляющего меняли через 2 км. В село «Хутор» пришли мокрыми и уставшими. Стемнело, решили искать ночлег. В первом из домов нас радушно приютили. Хозяйка сварила нам картошки. Мы хорошо поужинали. Стали ждать машину, которая должна забрать оставшихся лыжников. В разговоре выяснилось, хозяйка заведует питомником. Каким не помню. Камчатские почвы представляют собой продукты вулканических извержений, сплошной пепел. Плодородие их низкое. Для получения хороших урожаев, колхозники зимой на тракторных санях вывозят из солдатских туалетов замерзший фекалий. Готовят с ним компосты. Качество таких компостов мы испытали на практике, когда выезжали на сельхоз работы. Это свежий фекалий, который нужно было вносить руками в лунки. Занятие весьма неприятное.

Не дождавшись машины, мы улеглись на полу спать. Ночью нас разбудили. За нами приехал капитан Дьяченко и старший лейтенант Горохов. Выяснилось, что машина забрала оставшихся лыжников в с. Николаевка, нас они по дороге не встретили. Приехали в часть доложили командиру, что по дороге потеряли пятерых лыжников. Естественно, последовала команда «Искать!». Офицеры вернулись в с. Хутор. Стали обходить дома. Им указали, где мы остановились. По дороге был не приятный разговор, но все обошлось.

Второй раз в Паратуньки я попал накануне демобилизации. Не много предыстории. В наших казармах отопление было печное. Дрова заготавливали сами солдаты. На такие работы многие отправлялись охотно. Свежий воздух, свобода передвижения и прочие вольности. Заготовленные дрова вывозили автотранспортом. Одна машина с дровами застряла. Когда ее вытаскивали, порвали рулевые тяги. Устранить поломку

на месте не чем. Приняли простое решение. Двум солдатам с одной и другой стороны ногами толкать передние колеса, вместо руля. При очередном рулении ногой, солдат споткнулся, упал под заднее колесо. Получил перелом бедра и голени. Это был солдат срочной службы Володя Корчагин, отличный спортсмен. С его слов, когда в госпитале ногу заковали в гипс, она сильно болела. Он метался, бился загипсованной ногой о спинку кровати. В результате произошло смещение костей. Нога стала короче. От длительного нахождения в гипсе коленный сустав перестал сгибаться. Врачебная комиссия приняла решение, о его комиссации. Врачи рекомендовали воспользоваться наличием сероводородных горячих источников Паратуньки, для разработки коленного сустава.

Командование части для сопровождения к месту лечения Володи решило назначить меня. Нам оформили десятидневный отпуск. Выдали сухой паек. Комбат из своего резерва выдал дополнительные продукты. До Николаевки нас доставили на машине. Далее, по предварительной договоренности, на санях с почтальоном. Стали на квартиру. Хозяйке передали привезенную провизию, она сказала: «Этого нам с вами не поесть за целый месяц». Утром в военном санатории я встретился с майором медицинской службы. Он назначил время приема. После осмотра, рекомендовал плавать в бассейне. Разогретый коленный сустав мы пытались разрабатывать. Процедура вызывала сильные боли. Я прихватил с собой лыжи. Снега было много. Катался на лыжах. Наша хозяйка рано утром уходила на ферму. Завтрак с Володей мы готовили сами. Впервые пили чай с жимолостным вареньем. По случаю, хозяйка купила в магазине балык из красной рыбы. Он был такой жирный, нежный и малосоленый. Такое яство мне есть не приходилось. Неожиданно наш отпуск пришлось прервать. На четвертый день наших купаний у Володи поднялась температура. Пригласили врача. Он поставил диагноз - ангина. Процедуры пришлось прекратить. Позвонили в часть. Вернулись в гарнизон тем же маршрутом.

На жизненный уклад нарда, живущего на Камчатке, существенное влияние оказывает удаленность от промышленных и культурных центров. Народ чувствует себя островитянином. Связь с полуостровом осуществляется морем и по воздуху. Часто можно слышать: «Поехал на материк. Вернулся с материка». В то время Камчатка по льготам приравнивались к северу. Оклады были двойные. Народ ехал за длинным рублем. Многие вербовались на время путины. Чувствовали себя временщиками. Ютились в бараках, землянках и прочих временных жилищах. В таких условиях некоторые начинали увлекаться спиртным. Благо

деньги шальные и спирту навалом. Спивались и оседали, насовсем.

Немаловажным фактором, влияющим на облик Камчатки – близость США, – потенциального противника. В наше время на полуострове было много войск: моряки, летчики, пехотинцы. Бытовые условия военных были не лучше, чем у гражданских. Многие офицеры селились в те же землянки и времянки. Гражданское население возле гарнизонов в основном занималось обслуживанием военных в прямом и переносном смысле. Там было много охотниц за офицерами. Для части из них охота заканчивалась удачно. В ловко расставленные сети, чаще всего попадались молодые офицеры, выпускники военных училищ. В нашей части зам. потех. стоял на квартире у одинокой сорокалетней женщины, кончилось тем, что они поженились и уехали на материк.

В конце января 1956 года пришел приказ: - «Сержантов, задержанных для подготовки себе замены, демобилизовать». После торжественного построения и вручения нам благодарственных грамот, на открытых грузовиках нас доставили в порт. В Петропавловске вместе с демобилизованными матросами мы погрузились на «Капитан Смирнов». 28 января вечером судно покинуло Аваченскую бухту. Океан нас встретил 8 – 10 балльным штормом. Самочувствие было паршивое, постоянно подташнивало. Большую часть пути отлеживались на койках. Ящик селедки, который мы захватили с собой, на случай сильной качки, остался на пирсе. Иногда выбирались на палубу. Картина представлялась грандиозной. Огромные волны накатывались на корабль. Он то высоко задирал нос, то нырял в пучину. Вид океана был суровым. На фоне темного неба, огромные волны, верхушки их зеленые на них белые барашки, вся масса волн почти черная. Волны ударялись о борт с такой силой, что в твиндеках они отзывались, как удар огромной кувалды.

По судовому радио нас информировали, сколько миль пройдено, какое волнение в баллах. В конце пути, когда подошли к Японии, шторм утих, подул теплый ветер. Мы много времени проводили на палубе. По радио предупредили. Возможен облет и фотографирование нашего судна соседями. Предписывалось при команде «Воздух» всем спуститься вниз.

На седьмые сутки нашего пути, при хорошей солнечной погоде, я и еще несколько моих однополчан увидели приближающийся самолет. Фюзеляж его был необычный. Раздалась команда «Воздух». Что же началось. Вместо того, чтобы всем спуститься вниз, братва повалила на палубу, орут, грозят кулаками. Гидросамолет соседей, облетел наш корабль с обеих

сторон, вероятно, сфотографировал и удалился. В полдень 4 февраля 1956 г. «Капитан Смирнов», бросил якорь в бухте «Золотой рог». Перед нами открылась панорама г. Владивостока, припорошенного снегом. На причале нас ожидал взвод матросов. Наши остряки шутили: «Провожали с оркестром, а встречают с патрулем». Был случай, когда команды демобилизованных, прибывших на корабле, прямо из порта самовольно отправлялась на железнодорожный вокзал. Поэтому нас встречал патруль. В пешем строю добрались до «2-ой речки», своего рода пересыльный пункт 3-х этажная казарма из красного кирпича дореволюционной постройки. В казармах холодно. Братва для обогрева стала снимать с кроватей доски и топить ими печи.

На «2-ой речке» мы пробыли три дня. Ожидали оформления проездных документов. Накануне отъезда, помылись в бане и 6 февраля, вечером, поездом №5 Владивосток-Харьков отправились в путь. Нас набили в вагоны так, что пришлось занимать верхнюю багажную полку. Обратный путь оказался в два раза короче. На одиннадцатые сутки я прибыл в Харьков. Купил билет до г. Лебедино. Там служил брат Петр и с ним жила мама. Дал телеграмму, рассчитывал к утру быть на месте. Однако по дороге случилась неожиданная заминка. От Харькова до Лебедина нужно добираться с пересадкой. Ночью, дождавшись поезда, идущего на Лебедин, я и еще парень сели в один вагон. На следующей станции в наш вагон вошли два милиционера. Спросили у проводника: «Кто сел к нему на той станции». Он указал на нас. Нам предложили сойти с поезда. Я пытался сопротивляться, ссылаясь на то, что это может сделать только военный патруль. Милиционеры сказали, что они применят силу. Пришлось подчиниться. Выяснилось, что мой попутчик украл на станции чемодан. На вопрос, что в чемодане. Он не смог ответить. Когда открыли чемодан, в нем находился килограмм селедки и несколько вещичек, принадлежавших студентке, отправляющейся на каникулы. Женщина, работница станции, присутствующая при вскрытии чемодана воскликнула: «Эх, парень, и на что ты позарился». На этом полустанке мне пришлось до утра дожидаться следующего поезда до Лебедина. Естественно, встречавший меня, брат не дождался, пришел домой расстроенный. К ним я заявился только к обеду.

Встреча с родными, после почти четырех лет разлуки, была радостной. Начиналась моя гражданская жизнь. Оглядываясь на армейскую службу, по прошествии более пятидесяти лет, можно попытаться объективно оценить этот отрезок жизни. Да, много было потрачено времени и сил на шагистику, зубрежку уставов, наставлений, наряды, караулы. Если бы все это время, силы и

мозги потратить на учебу в институте, получение специальности, то преуспел бы в большем. Память и работоспособность были высокие.

Вместе с тем нужно честно сказать: «Армия – это школа мужества». Там из юношей суровые армейские будни делают мужчин. В армейских условиях вырабатывается коллективизм, чувство товарищества, закаляется воля. В настоящем, не без участия СМИ и власти предержащих, об армии распускают всякие небылицы, раздувают из мухи слона. Делается это с далеко идущими целями. Разрушить армию, сделать ее неспособной защищать целостность и интересы Родины. В подразделениях процветает мздоимство и дедовщина. Молодые люди стараются «закосить» от армии. Родители идут на разные ухищрения, вплоть до фиктивного развода, только не пустить чадо в армию. В наше время, парень, по каким-то причинам не прошедший армию, считался ущербным. Девчата относились к «белобилетникам» пренебрежительно, не говоря уже о сверстниках. Теперь «закосить» от армии обычное дело и не вызывает общественного осуждения. В отличие от таких, мои сыновья, как я, выполнили свой долг честно. В нашей семье все братья прошли через армию, а Алексей, Николай и Михаил прошли через горнила ВОВ. Двое Алексей и Михаил погибли, защищая Родину. Мои два дяди и брат Петр были профессиональными военными, кавалерами многих орденов и медалей.

Положа руку на сердце, надо признаться: «А, кого сейчас защищать». Чубайса, Абрамовича и прочих мультимиллиардеров, которые ограбили народ, сделали его нищим.

12. Институт

По возвращению из армии я собирался начать работать. У меня были права шофера третьего класса и специальность радиста. Но встреча с моими бывшими однокурсниками, Петром Кузяковым и Колей Настепаниным, изменили мои намерения. Они демобилизовались раньше меня и возобновили учебу в агрошколе. Уговорили меня продолжить учебу в агрошколе. Родные не возражали. 1 апреля 1956 года я был зачислен на 2-ой курс. Через 1,5 года я получил диплом младшего агронома с отличием и справку о включении в 5% выпускников. Она давала права поступления в ВУЗ без экзаменов. Вместе со мной в числе 5% выпуска был включен Петя Кузяков. На выбор института, решающее влияние оказал брат Николай. Он работал директором плодопитомника. Увлеченно рассказывал о плодовых культурах, о Мичурине. Мне захотелось работать в саду. Да и продукция садовода вкуснее и привлекательнее. Брат рекомендовал ехать в г. Мичуринск и поступать в Плодоовощной институт им. И. В. Мичурина. С Кузяковым Петей отправили документы в г. Мичуринск. Через месяц получили приглашение на собеседование в приемную комиссию института. В Мичуринск на вокзал прибыли поздним вечером. Разыскали институтское общежитие, ночевали на голых кроватях. Утром предстали перед приемной комиссией. Вместе с нами собеседование проходили Коля Смирнов, выпускник Мичуринского плодоовощного техникума и Наташа Голубева – медалистка.

Необходимо отметить такую деталь. Как я был одет. На мне был френч из шерсти защитного цвета, с отложным воротником и внутренними карманами, галифе и сапоги офицерские. Так одевались многие молодые люди в послевоенное время. Этот костюм сшили в ателье из отреза, который мне подарил дядя Саша. По этому поводу сестра Наташа сетовала: - «Надо было заказать костюм спортивного покроя с хлястиком и боковыми карманчиками». В таком обличии я предстал перед приемной комиссией. Мой приятель Петя Кузяков был облачен в подобную форму. Вероятно, мы пытались произвести впечатление солидности.

По сей день помню обстановку и вопросы, которые мне задавали: «Что вы знаете по физике и химии?», я отвечал: «За период службы многое позабыл». Члены комиссии улыбнулись. Начали задавать вопросы. Доцент Далецкий: «Знаете принцип работы четырехтактного двигателя?» Отвечаю: «Знаю». Рассказал. Мне делают замечание: «Не искра´, а и´скра». Я поупрямился, но

пришлось согласиться. Профессор Некрасов: «Формулу поваренной соли знаете?» Я говорю: «Знаю. Нее…» Члены комиссии улыбаются. Кто-то из членов спрашивает: «Какие удои молока в хозяйствах Орловской области?»

Такой вопрос был вызван тем, что весной 1957 года в г. Воронеж прошло зональное совещание, на котором Н. С. Хрущев поставил задачу, существенно увеличить производство животноводческой продукции. На этом совещании председатель колхоза им. Калинина Мичуринского района взяла обязательство увеличить производство молока в два раза. Столь высокие показатели были названы ею не по собственной инициативе. Хрущев, после ее выступления, сказал секретарю Тамбовского ОК КПСС: «Вот ей поможете».

На заданный вопрос я ответил: «В Орловской области удой на корову составляет 1200-1300 литров в год, но есть фермы, где надои выше. Так доярка Тазенкова из Колхоза им. М. Горького, Болховского района, надаивает от своей группы коров по 4000 литров». Решение приемной комиссии: «Учитывая службу в армии, зачислить на агрономический факультет». Такое решение нас не устраивало. Мы хотели поступить на Плодоовощной факультет. В кабинете директора просидели минут 30, но он был непреклонен. Взяли справки о зачислении и поехали в Воронежский СХИ. Приехали ночью, а утром прибыли в институт. В то время, там училась Нина Булгакова, любимая девушка Пети Кузякова. В приемной комиссии сказали, что из вашей агрошколы приняли уже 4 – х пятипроцентников. По вашим кандидатурам решение должен принять директор. Он может сделать для вас исключение, как парням, но вряд ли Мы вернулись домой. В конце августа пришел вызов. К 1 сентября мы прибыли в Мичуринск. Студентам первого курса общежитие не предоставлялось. У вахтёра были адреса жителей города, которые брали студентов на квартиру. Мы с Петром и Колей Смирновым поселились на Поперечной улице в 20 минутах ходьбы до института. В маленькой комнате стояли две кровати: односпальная и двуспальная. Мы с Петром разместились на двуспальной. Платили по 25 рублей с каждого за месяц. Хозяйка, тетя Катя, из наших продуктов готовила нам обед. Завтракали мы в институтской столовой.

Мичуринск в наше время представлял провинциальный город с остатками купеческих традиций. Многие жители с овощами и особенно фруктами ездили торговать в Москву. Такая картинка. Утром мы спешили на занятия в институт. По тротуару идет мужчина. Рядом с ним, как собачонка семенит солидный хряк. Они спешили по вызову. Надо покрыть очередную свиноматку. И

еще зарисовка. На улице слышится протяжный крик: «Угли». Наша хозяйка берет ведро и спешит на этот призыв. Спрашиваем ее: «Что там». Отвечает: «Угольщик привез уголь для самовара». Позже мы встретили этого продавца угля. Весь с ног до головы черный от угольной пыли. В телегу запряжена маленькая, тощая коровенка.

Мичуринск не большой городишко, около 80 тысяч жителей. За полчаса его можно пешком пройти из конца в конец. Достаточно зеленый с чистой речкой Лесной Воронеж. На ней мы проводили много часов, готовясь к экзаменам, загорали, купались. Первая неделя занятий в институте посвящалась знакомству с правилами и укладом жизни студентов. Профессор Некрасов рассказывал, как составлять конспекты, сокращенным записям и многое другое. Со второй недели весь первый курс отправили на уборку картофеля. Трудились в колхозе им. Коминтерн, где председательствовала Е. Николаева, давшая обязательства удвоить производство молока. Помогали этому колхозу не только студенты, а весь район. Районные фонды в основном расходовались на нужды этого хозяйства. Весь сентябрь мы убирали картошку.

С октября начались нормальные занятии. Основными предметами первого семестра были химия, физика, высшая математика, ботаника, зоология, история КПСС. К занятиям мы относились добросовестно. Пропустить лекцию или лабораторное занятие даже в мыслях не возникало. Старался выполнять все задания, но все сделать не успевал. Студенты старших курсов делились своим опытом: «Учите химию и физику. Получите неуд - останетесь без стипендии. Математику можно не зубрить. А. М. Попов зачет поставит». Курс высшей математики, пока изучали функции, я усваивал, когда пошли дифференциалы и интегралы, что-то не понял, пошел темный лес. Очевидно, сказалась слабая общеобразовательная подготовка в агрошколе. Зачет мне Александр Михайлович поставил, но высказал неудовольствия: «Лодырь ты, Исаев».

Перед экзаменационной сессией за 1-ый семестр стало известно, что меня включили в сборную института по лыжам. Нам предстоит поездка на зональные соревнования в г. Воронеж. Соревнования совпали с экзаменами. Я решил часть экзаменов сдать досрочно. По расписанию ботаника и история КПСС шли первыми. Деканат дал разрешения на сдачу этих предметов. По обоим предметам получил отлично. На курсе это произвело сенсацию. Я возгордился и даже стал воображать. По приезду из Воронежа, где я выполнил впервые норматив II-го разряда по лыжам, со всеми студентами успел сдать химию и физику на

хорошо и поехал на каникулы в Орел.

Все-таки программа I курса давалась мне трудновато. Сказывались пробелы в прошлой учебе и четырех летний армейский период. Только, что закончившим школу десятиклассникам программа давалась легче. К тому же среди них было половина медалистов. Особенно трудно мне давался английский язык, который мне пришлось осваивать с алфавита. Первый курс я закончил без троек и по комсомольской путевке поехал на уборку целинного хлеба.

13. Целина

По окончании первого курс, по комсомольским путевкам, нас направили на уборку Целинного хлеба. Целина в те годы звучала у всех на устах. О Целинных землях снимались фильмы, слагались песни: «Едим мы друзья, в дальние края». Настроение у нас было приподнятое. В Тамбове нас ждал эшелон из товарных вагонов. Провожали торжественно с митингом. От нашего института выступал Вася Овчинников, успевший до поступления в ВУЗ, проработать в райкоме комсомола.

На дорогу нам выдали, за два месяца вперед, стипендию, суточные на время пути. На станциях были организованы пункты питания. В них по комсомольским путевкам отпускали, в то время дефицитные продукты питания: сахар, колбасу и пр. Обычно к обеду мы с Ваней Осиповым (староста группы) брали коляску полу копченной колбасы (600-700 г), булку хлеба и пол-литра водки. Так же поступали остальные сокурсники. После такого обеда у всех поднималось настроение. Появлялся аккордеон (Костя Ракутин), гитара (Володя Тарабукин). Начинался импровизированный концерт. В общем, ехали весело, молодые, здоровые девчата и ребята с хорошими надеждами на завтрашний день.

Из дорожных впечатлений запомнился переезд через р. Волга, по длиннющему мосту, около двух километров. Поезд шел медленно, и нам представилась возможность оценить и почувствовать мощь и величие этой реки. Конечным пунктом оказалась станция Мартук Актюбинской области. Нас уже ждали руководители района и хозяйств, где будем трудиться. Опять митинг, обещания внести свою лепту в освоение целинных земель и проклятия Израилю за нападение на Египет. Ночью на грузовиках нашу группу привезли в колхоз. разместили в местной школе. День ушел на обустройство, а на следующий вышли на работу. Меня назначили бригадиром. Сначала готовили ток для зерна. Площадку выравнивали, поливали водой и укрывали соломой, потом укатывали тяжелым катком. Отдельную площадку бетонировали. Жара + 35˚С, мы в одних плавках таскаем носилки с раствором и заливаем площадку. Пять студентов пошли помощниками комбайнеров, остальные работали на току. Среди нас было два старшекурсника, которые раньше работали в этих местах и приехали подзаработать. Они ревниво относились к моему бригадирству, критиковали мои действия. К ним примкнули трое наших студентов, и это создавало некоторый диссонанс. Но в основном отряд работал

дружно и слаженно. До массовой уборки ребята построили дом из самана для колхозного бригадира.

Такое количество хлеба, под открытым небом, я видел впервые. Многометровые бурты в несколько рядов занимали подготовленный нами ток. Зерно с полей мы пропускали через ОВП-20, затем грузили на машины и отправляли на элеватор. Работали в две смены, круглосуточно. В момент непогоды объявлялся аврал. Предстояла оправка буртов зерна, убрать с поверхности буртов неровности: ямки, западинки, чтобы в них не накапливалась дождевая влага. На хорошо сформированном бурте зерно промокало всего на несколько сантиметров. При солнечной погоде быстро просыхало.

Однажды вечером, после дождя, к нам пришли инструктор РК КПСС с председателем колхоза. Попросили всем отрядом выйти в ночь поработать на току: «Устроить ударник». Студенты согласились. Все направились работать на ток.

Очистили вороха зерна (ОВП-20) работали от электричества. В работе их приходилось передвигать по территории тока. Электрокабели были короткие, и приходилось отключать, потом снова подключать ОВП-20 на новом месте. Специальных электриков на току не было. Нам приходилось самим заниматься этими обязанностями. При подключении электромоторы иногда вращались в обратном направлении, приходилось менять фазы. Это был такой случай. Я попросил Костю Ракутина отключить на щитке рубильник, что бы переменить фазы. Посчитав, что линия обесточена, стал менять концы проводов. Взялся за два провода. Меня шибануло током, из меня вырвался какой-то утробное: «Ииооо». Я упал на спину, сумел отстраниться от проводов. Стоявшие рядом, девчата говорят: «Саша, как страшно».

Днем колхозный и прикомандированный из района автотранспорт работал на отвозке зерна на ток от комбайнов, а ночью этими же автомашинами отвозили зерно с тока на элеватор. Сопровождали машины на элеватор студенты. Мне несколько раз пришлось отвозить и сдавать зерно на элеватор, где круглые сутки работали сушилки, зернопульты перебрасывали зерно на другое место, чтобы оно не согревалось. Впечатление от увиденных гор зерна, шума работающих машин было завораживающее.

Побывав в США с делегацией Н. С. Хрущев, увидел, что американцы на уборке зерновых культур широко используют раздельный способ. У нас в стране использовалось прямое комбайнирование. Возвратившись из поездки, Н. С. Хрущев на Политбюро принял решение: уборку зерновых вести только раздельным способом. За неисполнение, вплоть до исключения из

партии. В этот год на целинных землях из-за засухи, вырос низкорослый хлеб. Срезанные стебли на стерне не удерживались, проваливались на землю. Подобрать такой валок без потерь невозможно. Были большие потери, вместо 5-6 ц собирали по 3-4 ц/га. Вот к чему приводит шаблонное исполнение директив сверху. Прямое комбайнирование в этом случае было наиболее целесообразным.

Запомнились необычно красивые вечерние закаты. Небо и облака приобретают яркие краски от багровых до желтых к голубым. У нас на Орловщине такие закаты редкость. В колхозе, где мы трудились, был орошаемый участок. На нем выращивали арбузы, помидоры, картофель. Незадолго до нашего отъезда началась уборка арбузов. Поступающие с бахчи арбузы на склад, пришлось разгружать нам. С каждой машины наши грузчики брали по два самых хороших арбуза и несли в кабинет председателя колхоза, где мы жили. Из школы нам пришлось переехать, так как там начались занятия. Я, впервые ел арбуз вдоволь. Дежурный периодически выносил большую корзину арбузных корок, а мы бегали в туалет.

Настал день, когда приехал руководитель нашего студенческого отряда с сообщением: «Срок нашего пребывания закончился». У нас оставалось на току семенное зерно, не спрятанное на склад. Председатель был недоволен такой новостью, но возражать не стал. С нами колхоз произвел денежный и натуральный расчет. До начала занятий было около двух недель. Мы разъехались по домам. Я решил навестить маму. Она жила у Петра в г. Лебедине, Сумской области. Добрался до Харькова. На мне была армейская фуфайка. Она, вероятно, произвела впечатление вышедшего из заключения. Ко мне подходили подозрительные мужчины, спрашивали: «Есть облигации?». Их у меня не было.

В Харьковском юридическом институте учился мой друг детства Саша Корнюхин. Я решил его навестить. Нашел этот институт. Оказалось, что он уже закончил учебу и уехал работать в Одессу. Мне осталось купить родным подарки и поехать в Лебедин. На вокзале меня встретил Петр. Они жили в гарнизоне в двухквартирном домике. Квартира не большая, но уютная. Из пребывания в Лебедине запомнились прогулки с Петром к озеру. По преданию, А. И. Чайковский балет «Лебединое озеро» сочинил под навеянными красотами этого озера и окрестностей. Вокруг озера песок, на котором растут вековые сосны. Сосновый бор светлый и чистый, масса грибов. Они нас заинтересовали. Это были пластинчатые грибы диаметр шляпки 10-12 см, зеленой окраски. Встретившиеся женщины сказали, что это съедобные

грибы, но местные жители их не собирают. Набрали целую корзину «зеленушек», так мы их окрестили. Дома их пожарили, а вечером продегустировали за бутылочкой до песен. Ночью мама, волнуясь за нас, подходила к кроватям и прислушивалась: «Дышим или нет?» Волнение ее было напрасным.

По возвращению в институт нас ждала печальная весть. Умерла наша однокурсница Рая Кирсанова. На целине ее укусил энцефалитный клещ. Она заболела. На совет поехать домой отвечала отказом: «Как я поеду. Скажут, с целины сбежала». Уехала вместе с нами, но уже тяжело больной. Я тяжело переживал ее смерть. Винил себя, что не настоял на ее своевременном отъезде. По ее просьбе похоронили ее на родине в Кировском районе. Меня, Люду Улыбышеву и Витю Осадчево группа командировала для участия в похоронах Раисы и отвезти венок. Поездом доехал до Тамбова, а потом на машине ОК ВЛКСМ до Кирсанова. У отца Раи я пытался выяснить: «Если бы Раю мы отправили раньше домой, спасли бы ее врачи?» Он ответил, что нет. Наверно, он просто, меня успокаивал. Так на печальной ноте закончилась наша поездка на Целину. Сейчас ходят разные толки. Зачем такие средства потратили на освоение целинных земель. Целесообразней было употребить их на развитие Нечерноземья. Здесь климатические условия благоприятные для сельского хозяйства, и в то время население из деревни еще не ушло. Вероятно, сторонники этого варианта близки к истине. Но освоение целинных земель позволило в короткий срок решить хлебную проблему. В магазинах в достатке появилось хлебобулочных и макаронных изделий. За ними не стало очередей.

По рассказам очевидцев, за годы реформ Целинные земли Казахстана, где мы убирали хлеб, работало много молодых энтузиастов, пришли в запустение. Построенные за годы освоения Целины совхозы, вся инфраструктура порушена. Хозяйства разорены. Все вернулось на 100 лет назад, к кочевому образу жизни, а жаль.

С третьего курса начались специальные предметы, многие из них я изучал в агрошколе. Осваивать их и сдавать экзамены стало легче, хотя работать приходилось много. Если на первых курсах много времени занимал английский язык, то на последних донимал экономический анализ и статистика. На лабораторных занятиях преподаватель только успевал объяснить ход работы. Саму работу приходилось выполнять внеурочное время. Когда я поступил на первый курс, сокурсникам я заявлял: «Мне нужен диплом о высшем образовании, агрономию я уже знаю, а когда я оканчивал институт, уже не говорил таких слов, так как многого

не знал». С третьего курса стал получать повышенную стипендию (+25%), так все сдавал на отлично. Приезжая в Орел на каникулы, я наведывался в п. Стрелецкий, где когда-то учился в агрошколе. Хотелось встретиться с агрошкольским другом Колей Настепаниным и посетить места своей ранней юности. Из разговоров с Николаем выяснилось, что на базе бывшей агрошколы открывают опытную станцию. Возникла идея, после окончания института устроиться работать на эту станцию. На четвертом курсе студенты проходили шестимесячную производственную практику в хозяйствах. В очередной приезд я договорился о прохождении практики на опытной станции. Директор станции сделал запрос в наш институт на студентов-практикантов. Вместе со мной на производственную практику приехали: Леня Беркут, Гена Плохих, Петя Кузяков, Катя Метанина и Люся Силина. Нас распределили по отделам и лабораториям. Я с Геной Плохих проходил практику в отделе картофеля. Заведовал отделом Соколов Владимир Сергеевич. Сын священника, интеллигент старого поколения. Отечественную войну Соколов провел на фронте. Любил природу был охотником, увлекался живописью. С ним было интересно общаться. Он много знал и рассказывал о сибирских кедрах, о лебедях Воронежского заповедника и о многом другом. Человек удивительной скромности и порядочности. В моих глазах он остался образцом человечности. Вот под его руководством мне посчастливилось проходить производственную практику.

Перед отъездом на практику, нас предупредили, что в хозяйствах обязаны зачислить на штатные должности с оплатой. В этом случае нам стипендия не выплачивалась. Нас на станции зачислили на должности рабочих с окладом 36.00 руб. Наряду с работами по закладке и проведением наблюдений в опыте «Влияние доз и соотношение минеральных удобрений на урожай и качество картофеля», приходилось выполнять много разных работ. За нашей практикой наблюдал зам. директора по науке Н. Х. Трофимец, брал нас с собой, когда посещал полевые опыты. Такие совместные визиты давали нам студентам полезную информацию об исследованиях вообще и в конкретных лабораториях, в частности. Столовой на станции не было. Для молодых сотрудников, живущих в общежитии обеды готовила жена В. С. Соколова. нас практикантов они приняли в свою компанию. Жили сносно. Кроме зарплаты, нам присылали стипендию. Удалось в институт отправить справки, что нас на вакантные должности не зачислили. Подводя итог моей практики, можно сказать, что она для меня сложилась благополучно. По выходным дням я посещал маму, брата, сестер,

друзей. Весело проводил свободное время.

В Плодоовощном институте им. И. В. Мичурина существовала традиция. Накануне пасхи в субботу проводить антирелигиозный вечер. Преподаватели в аргументированной форме доказывали материальность мироздания и несостоятельность религиозных верований. Профессор В. В. Некрасов демонстрировал химические «хитрости священнослужителей, которыми они вводили в заблуждение прихожан. На сцене с ассистентом демонстрировал «заживление ран», «появление священного огня», «плач иконы».

Мне захотелось провести такой вечер на опытной станции. Часть нужных реактивов я раздобыл в лабораториях, недостающие просил в письме прислать из Мичуринска профессора В. В. Некрасова. Через неделю Всеволод Владимирович прислал мне нужные реактивы и алгоритм проведения опытов.

Небольшая справка о В. В. Некрасове. Ленинградец, ведущий специалист по цементам. Репрессирован в конце тридцатых годов. Причина ареста мне неизвестна. Отбыв в заключении семь лет, приехал в г. Мичуринск. По суду жить в Москве и Ленинграде ему не разрешалось. Старожилы вспоминают: «Появился в институте в старых подшитых валенках». Стал заведовать кафедрой химии. Пользовался неподдельным авторитетом и любовью у студентов. Отличался доступностью и простотой в общении со студентами. Купил щитовой домик на окраине Мичуринска. Держал домработницу и породистого пса. Жена из Ленинграда уезжать не захотела. Иногда приезжала к нему погостить.

Получив нужные реактивы, я провел вечер «Чудеса без чудес». На следующий день мне пересказали слова заведующей лабораторией агрохимии К. А. Алпатовой: «Этот парень далеко пойдет». С октября начался пятый - последний курс. Занятия длились до нового года, а после сдавали гос. экзамены и готовили дипломные работы. Перед нами был выбор: сдавать пять предметов, или защищать диплом и сдавать только полит экономию. Я выбрал дипломную работу. Еще на третьем курсе провел обследование почв учхоза «Роща» на агрохимические свойства почвы и содержание микроэлементов (азот, фосфор, калий).

Дипломная писалась трудно. Не было опыта излагать мысли на бумаге, сказывалась усталость. Постоянно болела голова, плохо спал. Политэкономию я ответил не блестяще. Председатель ГЭК настаивал поставить мне четыре. В итоговой ведомости напротив моей фамилии все оценки были проставлены красными чернилами. Я подходил на получение «красного диплома». Члены комиссии уговаривали председателя поставить пять при условии,

если я защищу диплом на отлично. Защита диплома прошла нормально. 31 марта было торжественное вручение дипломов. Я получил его первым. Получив диплом (31.03.62) с отличием, я отправился в Тамбов за назначением на работу. Мой приезд совпал с нахождением в управлении сельского хозяйства директора и парторга совхоза «Верхние Ламки». Они подбирали в совхоз главного агронома. В отделе кадров мне сказали, что в соседней комнате находится директора совхоза, с которым я могу встретиться. В беседе с руководителями совхоза выяснилось, что они просмотрели личные дела выпускников и остановили свой выбор на мне. Рассказали, что совхоз у них большой, только пашни 15 тыс. га. Главному агроному будет представлен отдельный дом и легковая машина. Вообще меня ожидают в совхозе хорошие перспективы. Я дал согласие на работу в совхозе.

Вернувшись в Мичуринск, через неделю мы с Ириной Нечаевой зарегистрировали брак. Был скромный свадебный вечер. На следующий день мы с молодой женой поехали в Орел знакомить ее с моими родственниками.

14. Комсомолия

В комсомол вступил в 1948 году, будучи учеником седьмого класса. Из-за плохих оценок по русскому языку принимали меня неохотно. Первое комсомольское поручение - пионервожатый в шестом классе. Авторитета у своих пионеров не завоевал. Хвастаться нечем. Единственное мероприятие, которое мне удалось - это отрядный сбор на тему «Вечер чудес». С помощью учителя химии продемонстрировал «бенгальские огни» и еще ряд интересных химических превращений.

В агрошколе я охотно включался в работу комсомольской организации. Стал членом бюро. Возглавлял нашу организацию Саша Пушкин. Умница с активной жизненной позицией, но любитель выпить. Впоследствии это пагубная привычка получила дальнейшее развитие, принесла ему много неприятностей. Позднее, работая агрономом мелиоративного отряда, за махинацию с нарядами попал в тюрьму, надорвал здоровье и рано ушел из жизни. У нас была художественная самодеятельность. Комсомольцы с концертами выезжали в соседние села, проводили ударники и другие мероприятия. Через комсомол в апреле 1952 года меня приняли кандидатом в члены ВКП(б). Когда меня призвали служить в Советскую Армию, из трехсот новобранцев, прибывших в часть, я был единственный кандидатом партии. Это обстоятельство определило многое в дальнейшей службе. Вначале меня избрали комсоргом взвода. Через два месяца на собрании учебной роты секретарем комитета комсомола. Через год выбрали комсоргом 119-го отдельного батальона связи. Опыта было мало, но желание работать большое. Замполитом учебной роты, а позже парторгом батальона был капитан Горюнов. Незаурядная личность. От него частенько доставалось за промахи в работе, но его разносы были справедливы. Я за них не обижался.

Надо сказать, что в армейских условиях собрать комсомольцев, практически весь личный состав был комсомольским, труда не составляло. Давалась команда: «Привести роту на собрание». В назначенный час, рота под командой старшины или одного из помощников командира взвода – сержанта, строем шла в клуб на собрание.

Через год пришлось отчитываться на отчетно-выборном собрании батальона. Предварительно отчетный доклад заслушали на заседании партбюро. По прошествии многих лет, я представляю, какой это был детский лепет. По плану в докладе предусматривались разделы: идеологической, организационной работы и другие. По каждому разделу я смог написать один-два

абзаца без всякого анализа существа дела. За такой отчет досталось по первое число. Я сильно переживал эту справедливую критику. Ночь почти не спал. Утром кое-что смог переделать. На отчетном собрании кроме наших командиров, присутствовал офицер из политотдела авиакорпуса. Критики в мой адрес было предостаточно. Особенно больно было слушать пом. ком. взвода сержанта Личковаха. Он в жестах и позах демонстрировал, как я беседовал с некоторыми комсомольцами учебной роты. Я сидел в президиуме и еле сдерживал слезы. В бюро меня снова выбрали. На следующий день на заседании бюро предстояло избрать секретаря. Представитель политотдела рекомендовал избрать лейтенанта (фамилию не помню). Мотив был такой: на собрании в адрес Исаева было много критики. Для меня это было обидно и неожиданно. Через три месяца на бюро секретарь по каким-то причинам, поставил вопрос о его переизбрании. Члены бюро проголосовали за мою кандидатуру. Я уже не хотел быть секретарем, отказывался, но это не помогло. С бюро вышел расстроенным и подавленным. До этого полгода не курил, а тут, с расстройства опять взял папиросу.

В батальон прибыл, новый зам. полит подполковник Кашинец, переведенный из Манчжурии. При первом знакомстве задал вопрос: «Почему я до сих пор не переведен из кандидатов в члены партии?». Я ответил: «Письма с просьбой дать рекомендации посланы на родину, но ответа нет». Он записал адрес, сделал запрос. Через три месяца пришли рекомендации от коммунистов агрошколы, где меня приняли кандидатом. В августе 1954 года на заседании политотдела 53 смешанного авиакорпуса меня приняли в члены КПСС.

Среди заданных вопросов подполковник задал и такой: «Слышал или читал о том, что Эфиопия объявила войну Абиссинии?». Я ответил: «Нет». Он улыбнулся и рассказал случай, как один солдат таким вопросом купил своего старшину – сверхсрочника. Старшина воскликнул: «Я так и знал, что они начнут воевать». Кашинец пояснил, что Эфиопия и Абиссиния одна и та же страна. Я этого не знал.

С подполковником Кашинец и капитаном Горюновым я про комсомолил еще два года. Меня из учебной роты, где я был заведующим учебным классом, перевели в штабную, и предоставили более свободный режим. Без увольнительной мог посещать подразделения батальона, выезжать на «приемный» и «передающий» центры. Среди комсомольских дел запомнилось, как мы отмечали день рождения комсомола. 29 октября проводили торжественное собрание, после доклада зачитывали благодарственные письма родителям лучших 8-10 комсомольцев.

По материальным затратам - ноль, моральный результат был высоким и для солдат и особенно для их родителей. Многие родители в ответ благодарили командование части.

На последнем году моей службы, маршал Жуков издал приказ об усилении единоначалия в Вооруженных силах. По его приказу упразднялся институт зам. политов. Взамен вводились освобожденные должности парторгов и комсоргов в воинских частях. Мне пришлось сдавать комсомольские дела тому же лейтенанту, который мне сдавал два года назад. Так закончилась моя армейская комсомолия. Но тот армейский опыт комсомольской работы не прошел даром. Он сказался на дальнейшей моей комсомольской карьере.

Будучи уже студентом Плодоовощного института им. Мичурина, мне пришлось всерьез заниматься комсомольской работой. Произошло это так. По возвращению с «Целины», в начале второго курса, меня пригласили в партком и предложили возглавить комсомольскую организацию института. Я сначала отказался, но поразмыслив и под уговорами Пети Кузякова согласился. Дело в том, что Петр с первого курса был членом комитета ВЛКСМ института. Секретарь комитета уехал учиться в Саратовский юридический институт. Временно его замещал пятикурсник Вася Радионов. Стал вопрос о новом секретаре. Зная о моем армейском секретарстве, Петр предложил мою кандидатуру. После собеседования в Горкоме КПСС, комсомольское собрание избрало меня в состав комитета, и там избрали секретарем. Занимая должность освобожденного секретаря, я оставался студентом очного отделения. Посещал лекции и лабораторные занятия. Двойная нагрузка давалась нелегко. Постоянно находясь в студенческой среде, испытывать пристальное внимание, соответствовать статусу лидера. Достигалось это с большим напряжением и не всегда успешно.

В беседе с одним студентом, он высказал такую мысль: «Саша, как ты стал секретарем, все время чем то недоволен». Он был не далек от истины. Несмотря на многие успешные комсомольские мероприятия, получалось иногда ни так как хотелось, как задумывалось.

На двух факультетах института, обучалось более 700 студентов, со всех республик СССР, от Прибалтики до Приморья. Учились студенты из Грузии, Молдавии, Казахстана и других республик. Наша комсомольская – студенческая жизнь была пронизана духом дружбы, товарищества, взаимопомощи. Между преподавателями и студентами была атмосфера уважительного отношения. Преподаватели были для нас наставниками, старшими товарищами. Студенты отвечали им искренней

признательностью и любовью. По количеству студентов наш ВУЗ был небольшой. Все были на виду. Друг друга знали в лицо. Каждый успех и промах становился общеизвестным. Комитету комсомола приходилось быть в центре событий и соответственно реагировать.

Так в очередном приеме на первый курс поступил «стиляга» в плохом смысле. В комнате с ребятами вёл себя высокомерно, грубил, задирался. Ботинком включал на стене репродуктор. Его проделки стали известны в комитете комсомола. Срочно собрали комсомольцев факультета. Приняли единогласное решение: просить ректора отчислить из института и направить письмо в ту организацию, которая выдала ему комсомольскую характеристику. За плечами комсомольцев много хороших и полезных дел. В одном из рейдов девчата обнаружили одиноких пожилых людей. Шефствовали над ними, помогали оформить пенсии, с одеждой и прочее. У нас был подшефный детский дом. Ребята из детского дома гостили в общежитии наших студентов, мы часто были у них в гостях. Проводили студенческие спартакиады, конкурсы. Организовывались встречи со студентами учхоза Калинина (ТСХА). Всех комсомольских дел трудно пересчитать. При всем пафосе и героических буднях, наши комсомольцы оставались обычными юношами и девушками, которым ничего человеческое не чуждо.

Вспоминается такой эпизод. В комитет ВЛКСМ приходит девушка. Рассказывает, что она беременная и виновник случившегося наш студент. В те времена аморальные поступки подвергались общественному порицанию. Пришлось собрать членов комитета. Пригласили потерпевшую и обидчика. Пару слов о последнем: рослый, здоровый симпатичный парень. В процессе разбирательства выясняется, что они познакомились в канун нового года. В новогоднюю ночь потерпевшая пришла к нему в общежитие и принесла бутылку вина. Финал был банальным. Володя, так звали обидчика, прервал с ней отношения – Комитет ВЛКСМ объявил ему выговор, но девушку это не устроило. Она с жалобой обратилась в Горком ВЛКСМ. Там сказали: «Исаев запусти воспитательную работу в институте. Его нужно заслушать на бюро Горкома». Но не успели.

Еще такой случай. В комитет ВЛКСМ пришли две студентки и рассказывают, что в их группе студент обошелся по-свински с их подругой. Студент, фамилию не помню, соблазнил и бросил девчонку. Был он из семьи известного в Мичуринске ответственно работника. Стали разбираться. Студент связей с девушкой не отрицал. При этом заявил, что его бывшая подруга девственностью и скромностью не отличалась. Кончилось тем, что

ему пришлось уйти из института.

Накануне отчетов и выборов в комсомольских организациях, в институт прибыл секретарь и инструктор Горкома ВЛКСМ. Завели разговор: «Как я управляюсь с работой и учебой?». Были недовольные, что я продолжаю учебу на очном отделении. Предложили перейти на заочное отделение. Я отказался, заявив: «Работать и учиться заочно, я мог бы и у себя дома. Я приехал учиться, а не работать» В октябре я отчитался за работу комитета. Меня не избрали во вновь избранный комитет. Так закончилась моя комсомольская карьера. Но в гуще общественной работы оставался. На очередном отчетно-выборном собрании меня избрали членом партбюро. В его составе оставался до конца учебы в институте.

Лыжи. С ними связано много моментов в моей жизни. На лыжи я стоял сравнительно рано и неплохо съезжал с горок. Помнится, ребята постарше отправились кататься с горы в п. Калиновка. Я увязался за ними. И каково было удивление Калиновских пацанов, когда с крутой горы съехал шестилетний пацан. Причем устоял на ногах, не упал. Мама поощряла занятия лыжами и запрещала катание, на коньках. Дело в том, что коньки к обуви (валенки) крепились верёвочками и для жесткости затягивались «крячиком» (круглой палочкой). После нескольких катаний под пяткой валенка образовывалась дыра. Мама, зная об этом, отобрала и спрятала мои «снегурочки». Больше я их не видел.

Спустя много лет, уже учась в институте, пробовал кататься на коньках с ботинками, но это был эпизод. На коньках я толком бегать не научился.

Лыжами я занимался практически всю жизнь. Родители в войну набрали денег на две пары лыж, мне и брату Петру. Их купила в Орле сестра Наташа. До 1946 года, пока я жил в деревне, на лыжах ходил в школу, катался с гор. На лыжах со сверстниками, в сопровождении наших дворовых собак, совершали вылазки в окрестности поселка. В период учебы в Орле бегать на лыжах удавалось на уроках физкультуры. Не смотря на то, что из-за каких-то неполадок с сердцем, меня освобождали от физкультуры, я продолжал посещать уроки. Физрук об этом знал, но разрешал заниматься. Думаю и он и я делали правильно.

В агрошколе, наряду с участием в соревнованиях, лыжи были единственным способом в выходной день добраться за 10 км домой. Армейская служба проходила на Камчатке. Там зимы снежные, для лыжников раздолье, особенно бег по мелким сопкам. На гарнизонных соревнованиях дистанцию 50 км прошел за 4 ч 20 мин. Выполнил норматив III спортивного разряда, был

доволен, с гордостью носил зеленый значок разрядника.

Наиболее серьезно занялся лыжами, учась в институте на I курсе. Тренировал нас перворазрядник, студент V курса Костя Грудяев. На традиционно осеннем кроссе лыжников на дистанции 3 км в Мичуринске нам не было равных. Хотя в соревнованиях участвовали курсанты двух авиационных училищ, студенты пединститута и заводские коллективы. В тот же год на зональных соревнованиях в Воронеже выполнил норматив II разряда. Дистанции 30 км прошел за 1 ч 05 минут. Бегали на деревянных лыжах ширпотреба. Для облегчения их с боков зауживали. Бежать 30 км на таких лыжах занятие не из легких. Лезть на горку с высунутым языком, проклянешь и лыжи и самого себя. Зарекаешься: - «Больше на соревнования не пойду» Проходит неделя, и опять выходишь на старт, все повторяется заново.

Избрание меня комсоргом института, не позволило всерьез тренироваться. В соревнованиях по лыжам я практически не участвовал. Продолжил занятия лыжами на последних курсах. Принял участие в зональных соревнованиях в г. Воронеже и Саратове, но занимал места в третьей десятке. Единственный успех в Тамбове, на соревнованиях ВУЗов области, первое место на дистанции 30 км. Была оттепель все «замазались», и я попал на мазь. Работая в институте «зернобобовых» я продолжал бегать на лыжах. В парке была оборудована освещенная трасса. Регулярно после работы по часу отдавался любимому занятию. Постоянно участвовал во всех институтских и районных соревнованиях. На областных соревнованиях ДСО «Урожай» по зимнему многоборью ГТО занимал призовые места. Выбил из мелкокалиберной винтовки 47 из 50 очков, потянулся 18 раз, пробежал на лыжах 5 км в пределах 19 минут, стал чемпионом области. Это мой лучший спортивный успех.

С началом девяностых годов, когда жизнь заставила заниматься подсобным хозяйством, пришлось откармливать свиней, держать кур. Мои пробежки трусцой стали заменять походы в сарай к животным, стал лениться. Мне уже не очень хотелось заниматься бегом. Потом обнаружил, что бегать уже не могу. Уверен, благодаря занятиям бегом и лыжами, я сохранил заряд бодрости, энергии продлил свою активность. Занятия физической культурой помогли мне преодолевать тяжелейший недуг инсульт. Я сумел подняться. Смог заново научиться ходить, обслуживать себя. В преклонном возрасте (79 лет) продолжаю совершать лыжные прогулки, на пластиковых лыжах. Эх, их бы в студенческие годы, результаты были бы лучше. Со стороны мои лыжные прогулки выглядят жалкими, но я на это не обращаю внимание. По школьному стадиону 10 кругов (около 3 км)

одолеваю за 35-40 минут. Детишки начальных классов меня обгоняют, но я не расстраиваюсь. Главное двигаться.

15. Жена

Летом 1959 года, будучи секретарем комитета комсомола, ВУЗа им. Мичурина, был освобожден от учебной практики, проще говоря, от сельскохозяйственных работ в учхозе. Имел возможность самостоятельно планировать свой рабочий день. Завтракать в студенческую столовую приходил, не как обычно, а на час-полтора позже.

В это время на завтрак приходила группа младших школьников с летней площадки в городском саду, рядом с нашим институтом. Приводила детей на завтрак девушка-вожатая. Обращало на себя внимание поведение ребятишек. Они без суеты и шума вместе с вожатой накрывали столы. Атмосфера завтрака была спокойной, умиротворенной. Основой этому была девушка-вожатая. Она легко без принуждения управлялась с ребятишками, легко двигалась по залу. Весь ее облик свидетельствовал о том, что ей доставляет удовольствие общение с ними. Через несколько дней посещение детьми нашей столовой закончилось. Исчезла с ними и вожатая. Только осенью, гуляя по центральной улице Советской (традиционное место гуляния молодежи), я неожиданно увидел ее с подругой. Они, вероятно, возвращались из городского сада. С приятелем последовали за ними. Неожиданно девушки свернули в какой-то проулок, и я их потерял из виду. Последующие два года она мне нигде не встретилась, да я не искал с ней встречи.

На V курсе, по возвращении с производственной практики, на танцевальном вечере в институте, я неожиданно ее встретил. Пригласил на вальс. Она оказалась легкой партнершей в танце. После вечера проводил до дома. Попрощались без всяких условий о встрече. На следующий день с большой группой однокурсников отправились в Хоботовский лес. День был тихий, солнечный, как бывает в средней полосе в начале октября, буйство красок золотой осени. Подзарядились мы энергией прилично. От прогулки получили большое удовольствие. Но девушка, которую проводил вчера, не уходила из моих мыслей.

Через неделю на танцах мы опять с ней встретились. Наши встречи стали регулярными. Познакомившись, я узнал, что зовут ее Ирина, фамилия Нечаева. На момент знакомства работала директором детской экскурсионно-туристической станции. На пятом курсе существовал день самостоятельной подготовки (ДСП) - это была среда. В этот день мы освобождались от обязательного посещения занятий, планировали день самостоятельно. С Ириной я стал встречаться по средам и выходным дням. При встречах я

узнал, что ее мама умерла. Она живет с отцом и младшей сестрой. Брат служил в армии. К окончанию института я решил связать с Ириной свою судьбу. Стал настаивать, чтобы мы оформили брак. Она отказывалась. К этому времени я получил направление в большой совхоз «Верхне-Лимский» главным агрономом. Ирина обещала приезжать ко мне в совхоз. Я поставил ультиматум: «Или ты идешь за меня замуж, или я уезжаю, и мы больше не встречаемся». Это на нее подействовало. Ее подруга Рита Иловайская настоятельно советовала согласиться на мое предложение. В конце марта мы подали заявление в ЗАГС. Нам назначили срок регистрации 5 апреля. Ирининой подруге удалось уговорить зарегистрировать нас раньше. Нам подготовили все документы на 31 марта 1962 года. Случилось так, что в этот день Ирина была свидетельницей у своей подруги. Ей говорят: «Мы вас ждем сегодня». Звоните своему жениху, и мы вас зарегистрируем» Она отказалась. Свадьба была у нее на квартире 5 апреля, а свидетельство о браке значиться 31 марта. Свадебный вечер был скромный. Были одни родственники, подруги. С моей стороны - Ваня Кравцов и Саша Осипов. Они учились на курс младше, а мои однокурсники разъехались по домам на последние каникулы. Ваня Кравцов был с фотоаппаратом и все фотографировал. Позже прислал письмо, что пленку испортил. Так что фотодокументов о том событии не получилось. Родственники Ирины остались ночевать в их небольшой квартире. Нам с ней места не осталось. Мне пришлось возвращаться одному в общежитие. Это Меня несколько огорчило. Через день мы поехали с ней в Орел. Утром следующего дня были на квартире у сестры Наташи. Днем навестили семью старшей сестры Антонины. Спать Наташа постелила на полу, в той же комнате, где она спала с мужем. В эту ночь мы с Ириной стали мужем и женой. Утром рабочим поездом отправились во Мценск, где нас ждала мама, брат Николай и его семья. Встреча была радостной, но свадебных торжеств не было.

Я сейчас сравниваю свою женитьбу со свадебными торжествами своих сыновей. Это небо и земля. Особенно свадьба Алексея. Большой зал, гостей 120 человек, профессионал тамада. У нас этого не было. Жизнь была бедная. Эта бедность угнетала нас почти всю жизнь. Особенно трудно в материальном отношении были первые годы совместной жизни.

В чем нам с нею повезло, так это в том, что не пришлось ютиться по чужим квартирам. Ордер на свою квартиру я получил через две недели после приезда на работу в поселок Стрелецкий. Квартира располагалась на втором этаже в восьми квартирном доме. В ней было 20 кв. метров, две маленьких комнаты, кухня и

прихожая. Для начала нас это, вполне, устраивало. С нами жила моя престарелая мама. Я ее забрал к себе, после того, как ее выписали из больницы. Жили трудно. Моя зарплата, за вычетом налога, – 76 рублей. У Ирины оклад учителя Лошаковской школы – 55 рублей. Потребности в обустройстве семьи большие. Нужна мебель, одежда, всякая домашняя утварь. Через год родился Андрюшка. Я как-то эту нужду переносил спокойнее, а Ирине давалось труднее. В аванс я получал 40 рублей, а в получку 28 рублей. Когда я отдавал ей эти деньги, у нее наворачивались на глаза слезы. Наши финансовые возможности позволяли покупать не более 0,5 кг вареной колбасы. Андрюше было около 3-х лет. Он просит: «Хочу чаю», и добавляет: «С колбаской». Он эту колбаску съедал один.

В засуху 1963 года было трудно с продуктами. Хлеб выдавали по норме, а белый хлеб, батоны везли из Москвы. В поселковом молочном ларьке выдавали только 0,5 л молока на человека. На нашу семью приходилось два литра. Андрюшка это молоко выпивал один. Маме молоко почти не доставалось, а нам с Ириной подавно.

С первых дней работы в институте стал готовиться в аспирантуру. С несколькими сотрудниками, для подготовки к экзамену по философии, поступили в вечерний институт Марксизма-Ленинизма при доме Политпросвещения в г. Орле. Занятия отнимали много времени, и я мало мог помочь семье по дому. В зимнее время дорогу переметало, нам приходилось большую часть преодолевать пешком. В университете был хороший книжный киоск. Я там приобретал хорошие книги. Они тогда стояли дешево, но для моего кармана и это было накладно. Когда привозил очередную книгу домой, мама мне выговаривала: «Опять деньги потратил на ерунду, лучше бы купил колбасы». Нужда забылась, а книги, приобретенные в те годы, служат по сей день. Например, «Лекарственные растения» объемом более пятидесяти печатных листов, книга уникальная. Служит незаменимым справочником. Многие другие книги и сейчас остаются незаменимыми.

Трудно складывались отношения между мамой и женой. Женщина, родившая 10 детей, обладающая огромным житейским опытом, наблюдая за нашей жизнью с Ириной, ревностно относилась к невестке. Пыталась иногда давать свои советы. Ирина не хотела уступать в своих делах. Она вела домашнее хозяйство, готовила еду, убирала в квартире, занималась ребенком, работала в школе. Между ними возникли натянутые отношения. Я оказывался в трудном положении. Обе женщины, мама и жена, для меня самые дорогие люди. Я не мог принять

чью-то сторону. Пытался их примерить. В результате складывалась такая ситуация: прихожу в обеденный перерыв домой, мама сообщает, что Ирина не то что-то сказала, или не так поступила; в беседе с мамой стараюсь защитить жену. Маме это не нравиться. Вечером в постели жена сообщает, что мама сказала и прочее. Я защищаю перед ней маму. В итоге я плохой и для мамы и для жены. Возможно, следовало соглашаться и поддерживать с мамой ее, а с женой принимать ее сторону. Но это для меня было не приемлемо. Я не мог быть двуличным, из-за этого пережил много горьких минут.

Когда мы поженились, Ирина заочно училась на истфаке в г. Рязани. Переехав в Орел, она перевелась в наш пединститут на факультет начальных классов и методики преподавания. Имея маленького ребенка и работая учителем начальных классов, выкраивать время для выполнения контрольных работ было трудно. Помнится, Андрюшке было два годика, у Ирины летняя сессия. Я взял на себя заботу о сыне, и ей сказал: «Иди в парк, обложись учебниками и готовься к экзаменам. К концу дня, приходит расстроенная и говорит: «Ничего не учила, проспала весь день». Когда, окончила институт и получила диплом, призналась: «С рождением сына, я обрадовалась, что можно не учиться в институте». Мне удалось побудить ее к получению высшего образования. В Стрелецкой школе среди учителей начальных классов она единственная имела высшее образование. Ирина почувствовала свое моральное и материальное преимущество перед коллегами. В момент откровения, сказала: «Я благодарна тебе, что заставил меня окончить институт». Учительница она получилась от бога. Вероятно, сказалась и наследственность. Ее бабушка и мать были учителями. Бабушке сам М. И. Калинин вручал орден Трудового Красного Знамени. Ирина пользовалась уважением среди коллег и родителей. Многие родители считали за честь отдать ребенка в ее класс. Она получила звание «Учитель-методист», «Отличник народного образования РСФСР», «Отличник просвещения СССР», ее портрет целый год находился на Областной доске почета в г. Орле, награждена медалью «Ветеран труда». Когда я пишу эти строки, она уже на заслуженном отдыхе. За время работы учителем, через ее руки и сердце прошло 200-250 детишек. Многие из них окончили среднюю школу с золотой или серебряной медалью.

Думаю, что лучше меня расскажут о ней корреспонденции в районной газете «Знамя Коммунизма». Достаточно полно и объективно характеризуют ее, как жену, мать и учительницу.

Нашему союзу на сей момент 48 лет. Дай бог дотянуть до

золотой свадьбы. Сказать, что наша совместная жизнь была безоблачной, вряд ли. Были ссоры и размолвки, но до серьезных кандалов не доходило. Как-то мой однокурсник Ваня Кравцов написал в письме: «Сожалею, что связал жизнь со своею женой». Я ему ответил: «Ни на минуту е усомнился в своем выборе». Считаю, что нам с Ириной удалось построить нормальную семью, завоевать свое место в коллективах, где пришлось работать. У нас два прекрасных сына, умные красавицы внучки.

Постскриптум. 31 марта 2002 года мы с Ириной отметили золотую свадьбу в ресторане в г. Орле. На свадьбу приехал из Ленинграда Андрей. За свадебным столом с нами были Алексей с женой Наташей и дочкой Настенькой. Были цветы, подарки, фотографии. Свадьба удалась.

Коммунисты 80-х

ТЕПЛО ДУШИ

В СУББОТНИЙ день в Стрелецкой школе шла обычная жизнь. Тишина сменялась голосистым звоном, привычной суетой. И только в 1«А» классе было пусто: ни учеников, ни учителя.

— Не удивляйтесь, — сказала завуч школы Галина Ивановна Киселева. — В этом классе — пятидневка. Все уже второй год наша лучшая учительница Ирина Васильевна Исаева проводит эксперимент: дети у нее обучаются с шести лет и занимаются пять дней в неделю.

И вспомнился спор родителей. Когда предложили их шестилетним детям посещать так называемый нулевой класс, не все мамы и папы «за» проголосовали. «Как это — взять маленьких отобрать радость детства? — волновались они. — Еще успеют, научатся».

Захотелось встретиться с Ириной Васильевной теперь, узнать, как идут дела в ее первом классе.

Встреча состоялась накануне зимних каникул. В классе многолюдно: здесь были и маленькие дети, и повзрослее.

— *Это всё мои*, — пояснила учительница, — первоклассники и четвероклассники — выпускники. Но они все равно бегут ко мне. За три года привыкли.

И не надо было спрашивать ребят, любят ли они Ирину Васильевну. Глаза мальчишек и девчонок красноречиво говорили о том, как дорога им первая учительница. Ведь каждому она отдала частичку сердца своего, тепло души своей. Она понимает нельзя с детьми иначе. Может, поэтому у И. В. Исаевой никогда не бывает неуспевающих. А может, потому, что дело свое любит и знает, и эти знания умело передает малышам.

— Я совершенно убеждена, что успеваемость ребенка зависит от учителя, — говорит Ирина Васильевна. — Надо работать не только со всем классом на уроке, но и индивидуально. Времени мало? Надо находить его. Жертвовать личным. Но ребенок должен овладеть программой.

К Ирине Васильевне за опытом едут не только учителя района, но и области. И не случайно ей первой доверили ответственное дело — обучать детей с шести лет. В нашем районе только в двух школах проводится такой эксперимент — в Стрелецкой и Маловкулиновской.

Ирина Васильевна не колебалась. Согласилась сразу. Потому, что видела — сегодняшние дети знают много. Поток массовой информации коснулся и их, и взрослеют они теперь гораздо раньше. Учительница занималась с маленькими по особой программе, как мать относилась к каждому ребенку, так проводила уроки, что *дети не уставали*, не отвлекались — они были увлечены уроками. Много времени занимают они на свежем воздухе. Различные игры, прогулки, экскурсии, которые организует учитель, — все носило познавательный характер.

Пятидневка тоже многое дает: два дня отдыхают дети. Стоит ли говорить, что это значит для учителя. Он может не только отдохнуть, но уделить внимание семье, подготовиться к урокам, найти время для общественной работы.

Закончилось первое полугодие. С какими успехами пришли дети? Все тридцать три успевают. 28 из них — на «4» и «5». В конце полугодия проводилось контрольное чтение у первоклассников. За минуту ученики И. В. Исаевой прочитали в два раза больше слов, чем в обычных первых классах. И считают лучше. Ирина Васильевна твердо заявляет: обучение надо начинать с шести лет, как и намечается в проекте ЦК КПСС об основных направлениях реформы школы.

Конечно, это нелегко. Нелегко — не легким. А учителю. Потому что надо отдавать ребятам все, а главное — тепло души своей, строить так уроки, чтобы было интересно малышам. Вот почему, считает Ирина Васильевна, в школе должны работать люди по призванию. Учительница имеет право так сказать. Потому что и сама работает по призванию.

...Любовь к учительской профессии родилась у Ирины еще в детстве. Жила девочка в окружении педагогов: бабушка и дедушка, тети и дяди, мама — все были учителями. А *главной наставницей* ее стала бабушка — Вера Павловна Голубкова, слава о которой шла не только в г. Мичуринске, где жила семья. У Веры Павловны учились и дети, и взрослые. Бабушка участвовала в борьбе за новую жизнь, смело выступала против тьмы религии, боролась с безграмотностью. Бабушке сам всесоюзный староста М. И. Калинин вручал орден Трудового Красного Знамени.

Как любила Ирина слушать обо всем этом. Бабушка очень хотела, чтобы внучка продолжила ее дело. А внучка и не мечтала о другой профессии. Она давно решила учиться на педагога.

Теперь уже нет Веры Павловны. Но с благодарностью вспоминает о ней Ирина Васильевна. Ее заветы запомнились на всю жизнь. Бабушка всегда говорила, что учитель должен быть на голову выше других во всех отношениях. Иначе не состоится он как учитель. Учитель должен постоянно учиться сам — ежедневно, ежечасно.

Ирина Васильевна с благодарностью вспоминает и свою наставницу, заслуженную учительницу Лощаповской школы Ольгу Федоровну Павлову. Здесь началась педагогическая работа И. В. Исаевой, у Ольги Федоровны она училась мастерству.

На рабочем столе И. В. Исаевой много книг и журналов, газет. В семье большая личная библиотека. Но Ирине Васильевне кажется, что этого мало. И спешит она в свободное время в Орел, в библиотеки, в институт усовершенствования учителей. Ни одной новинки не пропустит Исаева.

Находит время она и для большой общественной работы, живет заботами, тревогами и радостями школы. Вот уже двенадцать лет коммунист И. В. Исаева возглавляет профсоюзную организацию школы. Работа, отдых, быт учителей — все волнует ее.

А сколько лекций прочитано И. В. Исаевой на фермах и ОПХ НПО по зернобобовым и крупяным культурам, и совхоза «Наугорский». Порой удаляются люди, как находит время она для всего. Ведь и семья есть, и тому же один мужчины. Не секрет, что почти все домашние дела обычно ложатся на плечи женщины. Но Ирину Васильевну очень понимают ее мужчины. Муж — кандидат сельскохозяйственных наук А. П. Исаев, двое взрослых сыновей, Андрей и Алеша, заботы Ирины Васильевны принимают близко к сердцу, помогают ей во всем, окружают ее теплом и вниманием. Оттого легче работается женщине.

Двадцать шесть лет отдала она любимому делу. Родина высоко оценила ее труд. Она не только отличник народного образования РСФСР, но и СССР. Имя учительницы по праву занесено на районную Доску почета. Уроки Ирины Васильевны Исаевой открыли окно в большой мир для тех, кто выращивает хлеб, возводит города, водит составы поездов, охраняет границы нашей великой Родины, для тех, кто строит коммунизм.

М. ЛОГУТКОВА.
Стрелецкая средняя школа.

Газета «Знамя коммунизма» 14.01.1984 г.

16. Сыновья

Их у меня двое. В детстве очень похожие друг на друга, и разные в жизни.

Андрей рос, сравнительно, болезненным. В этом виновата наша родительская неопытность. Его еще 3-х месячного мы с Ириной взяли с собой на луг собирать щавель. Завернули в легкое одеяльце, день был ветреный и сравнительно холодный. На следующий день у него поднялась температура. Наш фельдшер направил в больницу. Ирина ревет, мама нас ругает, у меня на сердце кошки скребут. После больницы Андрей часто страдал респираторными заболеваниями. Особенно в яслях. Мы его стали носить в ясли с 4-х месячного возраста. Он плохо акклиматизировался к ясельной атмосфере; плакал, часто простужался. Неделю пробудет в яслях, две недели дома. Спасибо маме, она еще могла оставаться с ним дома. К школе он сравнительно окреп, болел реже. Забавно было наблюдать, как сын по мере взросления применял одни и те же слова в разных ситуациях. Такой случай: дети играют во дворе, Игорь, старше Андрея на два года, заявляет: «Мне мама из города привезет виноград», Андрей спрашивает: «Игорь, мне винограда дашь?», Игорь отвечает: «Хрен тебе». Андрей пришел домой и радостно сообщает матери: «Мама, Игорь мне хрена даст».

Прошло два года. Я в командировке. Мать купает его в ванной. Вымыла, вытирает полотенцем. Сын заявил: «Папки нет и душ хрен». Обычно наше с ним купание заканчивалось, тем, что я его омывал под душем. Мама этого не сделала. Так, из гостинца, «хрен» приобрел иной смысл.

Учился он хорошо. Проблемы были с письмом. Мать от него требовала каллиграфии, заставляла переписывать домашние задания. Он ревел и не хотел этого делать. Доказывал, что задание выполнил и переписывать не будет. Ирина настаивала на своем, он уступал, но писал опять коряво. Так у него неразборчивый подчерк оказался на всю жизнь. С точными науками проблем не возникало. Он был внимателен на уроках, усваивал и понимал суть предмета. Дома почти не готовился к урокам. Мы с женой удивлялись, как так можно готовить уроки за 30 минут. С 4-го класса он стал кататься на лыжах с горок. Мать принесла ему хорошие, по тем временам лыжи. Я их поставил на жесткие крепления с ботинками. На второй день, катаясь с горки, упал и сломал обе лыжи. В институте была лыжная база, где среди поломанных лыж можно было подобрать ему подходящие. Мне это приходилось делать чуть ли ни каждую неделю, менять

ломанную на другую - подломанную. В 7-ом классе мы с ним пошли на лыжную прогулку. День был идеальный, лыжи скользили легко, Андрей интуитивно, глядя на мой «ход» поймал скольжение лыж. Ему это понравилось. В 9-ом классе он уже серьезно занялся лыжным спортом. Мне удалось пристроить его в лыжную секцию при Орловском техникуме механизации с-х. Руководил тренировками замечательный человек и тренер, мастер спорта по лыжам М. И. Изусин. Он за два зимних сезона подготовил из Андрея лыжника 1-го разряда. На областных соревнованиях среди юниоров на дистанции 10 км Андрей стал чемпионом. В составе школьной команды по баскетболу участвовал в различных соревнованиях. В 10-ом классе стал готовиться к поступлению в военно-морское училище. Выбор сыном училища, вероятно, связан с тем, что еще в пионерском лагере, занимаясь в модельном кружке, Андрей собрал модель подводной лодки. Руководитель обещал подарить ее Андрею в конце смены. Андрей прождал его весь день, он так не появился. Сын был очень расстроен. Второй причиной, думаю, стало мое увлечение радио. Я ему принес старый не работающий радиоприемник «Балтика». Когда он покопался в приемнике, неожиданно раздалась музыка. Радость его была безгранична. Думаю, вот эти две причины послужили тому, что его выбор пал на военно-морское училище радиоэлектроники им. Попова (ВМУРЭ) в г. Ленинграде. Мы с женой его не отговаривали и даже были довольны, что сын стал серьезно относиться к занятиям и спорту. Кончил он школу хорошо, но не отлично. В конце июня был выпускной вечер, а через три дня, (к 1 июля) ему надлежало прибыть в училище.

Билетов на Ленинградский поезд не было. Через коменданта вокзала, поздно ночью, нам удалось посадить его в поезд. Через три недели получили телеграмму: «Зачислен в класс подводников». Жена в рев: «Какие же мы дураки. Своими руками отдали сына. Как он такой рослый будет помещаться в этой лодке. Поезжай, забери его домой». В то время я работал по закрытой тематике. Была возможность поехать в Москву и Ленинград. Побывав в головном институте, я вечером уехал в Ленинград. Училище им. Попова размещалось в Петродворце. 1-ый курс был изолирован от основной массы курсантов и находился в 1,5 км от основного училища. При встрече с сыном, я передал просьбу матери, но он категорически отказался покинуть училище.

С первого курса он занялся греблей на ялах, участвовал в соревнованиях по лыжам. Был чемпионом училища в гонке 15 км, получил звание кандидата, мастера спорта по гребле, выполнил

нормативы первого разряда по другим видам (гири, офицерское пятиборье и пр.). Первый курс он закончил на отлично. Дальнейшее участие в городских и союзных соревнованиях по гребле, отнимали много времени, получать высокие оценки в учебе стало сложно.

После турьего курса училища Андрей приехал в очередной отпуск. Как-то я спросил: «Когда думаешь жениться?». Он ответил: «Пока не собираюсь. Думаю не раньше, чем получу звездочки лейтенанта». Прошел год. Андрей звонит из Ленинграда. С ним разговаривает Алёша. Андрей спрашивает: «Мама далеко?», Алёша отвечает: «Стоит рядом», Андрей: «Пусть сядет, я собираюсь жениться».

На четвертом курсе он встретил свою любовь. В отпуск приехали вдвоём. С Ириной они погостили три дня и уехали на Херсонщину к ее родителям в совхоз. В начале декабря 1984 г. во дворце бракосочетаний г. Ленинграде сыграли свадьбу. По окончании училища Андрей получил назначение на Тихоокеанский флот. Поехали вместе с Ириной, через полгода (4.02.86) у них родилась дочка. Андрей в это время находился в плавании. Семейная жизнь, как у большинства молодых семей складывалась не просто. Зарплата лейтенанта 250 рублей не обеспечивала всех потребностей (одежда, мебель, бытовая техника). Мы старались помогать молодым, но наши возможности были так же ограничены. Через год с женой и дочкой Андрей приехал в отпуск. По окончании отпуска Ирина с дочкой осталась у своих родителей на Херсонщине, а Андрей отправился на службу один. Через год Ирина с дочкой Ангелиной улетели к Андрею на Дальний Восток. Через несколько месяцев Ангелину стали носить в сад – ясли. Девочка ясельную атмосферу принимала плохо. Андрей рассказывал, что она постоянно плакала. От этого у нее все тело покрывалось волдырями. Ирина, чтобы быть рядом с дочкой, устроилась воспитателем в этом детском садике. Через год Ирина с дочкой возвратились к ее родителям и больше на Дальнем Востоке не появлялись. Мои попытки уговорить Ирину жить постоянно с Андреем, иметь нормальную семью, оказались безуспешными. Так они около 15 лет прожили врозь. Андрей приезжал в отпуск. За годы службы на Тихом Океане Андрей прошел все ступени служебной лестницы, от начальника боевой части до командира подводной лодки; от лейтенанта до капитана второго ранга.

Флот, как и все вооруженные силы страны, в период «реформ» пришел в упадок. Из-за отсутствия дизельного топлива подводная лодка под командованием Андрея почти не выходила в море, больше стояла у причала. Из-за финансовых неурядиц он

был вынужден уйти в запас. Для командования ТОФ (Тихоокеанский флот) потеря такого перспективного командира была не лучшим решением. С нашей помощью Андрею удалось за 80 тыс. руб. купить две комнаты в коммунальной квартире в Ленинграде, перевести жену, дочку и тещу. Ему пришлось поработать на разных должностях (инженер, заведующий складом, директором гастронома). Сейчас работает генеральным директором по торговле в фирме «Копейка». Поменял комнаты в коммуналке на трехкомнатную квартиру в «хрущевке». Жена работает в комитете по охране памятников Ленинградской области. Дочка закончила юридический факультет университета МВД с золотой медалью. Имеет звание лейтенанта милиции, готовиться к поступлению в аспирантуру. Ангелина рослая, красавица, с черными жгучими глазами, острым живым умом. В отличие от всех нас, хорошо лопочет по-английски. Во время учебы в нашей Стрелецкой школе на районном конкурсе по английскому языку заняла первое место.

Часто задаю себе вопрос: как бы сложилась судьба Андрея, не уйди он в отставку. Думаю, что с таким отношением нашего правительства к Вооруженным силам, ничего хорошего бы не получилось. В гражданскую жизнь он входил трудно, но сумел найти свое место. Сейчас занимает солидное положение. Семья материально, относительно, обеспечена. Работать, конечно, приходится много. В момент написания этих строк, живем ожиданием его приезда к нам. Обещал быть 14 февраля, ко дню рождения матери.

Сын Алексей появился на свет (31.03.1968) через пять лет после рождения Андрея. Как большинство детишек в раннем возрасте переболевал. В полтора года он перенес коли-инфекцию, когда в кишечнике количество каких-то палочек превышает норму. Положили его одного в инфекционную больницу. Через две недели я выпросил его у лечащего врача домой. Что же стало с ребенком. Руки и ноги тоненькие, как спички. Остались голова и живот. Дома в кроватке лежит тихо, но когда к нему подходишь, начинает плакать. Игрушку старается крепко прижимать к себе, чтобы ее не отняли. Вероятно, сказывалось пребывание в больнице. Когда взрослые брали его на процедуры, а старшие ребятишки отбирали игрушки. Болезнь желудка еще проявлялась. Сейчас не жалуется.

В подростковом возрасте, когда простужался, мы ему ставили банки. Эта процедура ему понравилась. Иногда, по поводу и без повода заявлял: «Слышите, я кашляю? Ставьте мне банки». При синяках, ссадинах требовал: «На, лечи». Полагалось помассировать ушибленное место, а иногда просто погладить. В

отличие от старшего брата без проблем вписался в атмосферу детского сада, посещал охотно и без особых проблем. В школе учился ровно, но не отлично. Так же, как и Андрей в 9-10 классах уроки успевал готовить за 30-40 минут. После окончания школы поступил в Орловский машиностроительный институт (филиал Московский). Сдал на «хорошо» - письменную, и на «отлично» устную математику. Их с Сережей Стебеневым, другом Алёши, зачислили на специальную технологию холодной обработки металлов. В конце первого курса призвали в армию. Направили служить в Москву дивизию МВД им. Дзержинского. Через два года вернулся обвешанный значками за отличия в службе и продолжил учебу в институте. Учился без проблем. Без особых сложностей освоил начертательную геометрию и сопромат. На третьем курсе женился на сокурснице Наталье Головиной. По окончании института, его, как одного из лучших выпускников «купил» завод «Приборов». Проработал он в отделе автоматизации несколько месяцев конструктором и уволился. Через суд с него взыскали 30 тысяч неденоминированных рублей. По-теперешнему, это 30 рублей, но тогда еще это были приличные деньги. Потом сменил несколько мест работы. В детстве увлечения и интересы Алексея были безграничными. Он каждый день приходил ко мне со словами: «Пап, у меня идея», спрашиваю: «Какая», отвечает: «Давай строить самолет». На завтра другая идея. И так каждый день. Пробовал заниматься борьбой, боксом, лыжами, баскетболом. Спортивные успехи его были скромными. Он к ним терял интерес. Посещал студию народного и прикладного творчества, занимался плетением макраме и аппликациями. Увлекался переплетным делом. По сей день хранятся переплетенные им журналы: «Юный техник», «Умелые руки», несколько «Роман газета»; занимался фотографией. Будучи учеником 5 класса, вместе со мной клал кирпичи на стенах нашего сарая. Соседи удивлялись: «Такой маленький, а уже умеет вести кирпичную кладку». В студенческом стройотряде ему пригодился тот детский опыт, работал каменщиком 5 разряда. Рассказывал, что у некоторых студентов кирпичная кладка не получалась, и они выполняли подсобные работы. В момент откровения заявлял: «Спасибо, что ты разрешил мне все пробовать».

С нашей моральной, и финансовой помощью строит свой дом. Нужно отметить его способность осваивать разные профессии. При строительстве дома он освоил такие специальности: каменщик, бетонщик, штукатур, маляр, плиточник, сантехник, электрик, сварщик по своей вузовской специальности практически не работал, но она помогла ему в

освоении других специальностей. Судьба распорядилась так, что стал автомехаником. Работал в автотранспортных подразделениях.

К достоинствам сына надо отнести его способность к обучению. Прежде, чем браться за новое дело, он сходиться с мастером или знатоком этого дела, расспрашивает, просит показать. А уже после этого приступает к работе. К недостаткам, пожалуй, можно отнести его нетерпимость, когда ему мешают или вмешиваются в его работу. Это, в какой-то мере, относится и ко мне. В своем мастерстве он давно превзошел меня. Мои старческие потуги помочь встречает настороженно, если не сказать нетерпимо. Я на это иногда обижаюсь, но утешаюсь мудрым высказыванием: «Учитель воспитай ученика, чтобы было, потом, у кого учиться». Я сыном горжусь.

После службы в армии, я задал мой излюбленный вопрос: «Когда он собирается жениться?». Он ответил: «Не раньше, чем закончу институт». Имея опыт со старшим сыном, я предложил это заявление записать на магнитофоне. Он согласился. Запись сделали с оглашением имен и даты разговора. На третьем курсе института Алексей спрашивает: «Пап, как делают предложение жениться?». Я, в ответ: «А, как же твое обещание не жениться до конца обучения в институте. Давай послушаем магнитную запись». Он отвечает: «А пленки уже нет. Я там все стер». Тогда, говорю, _ «Покупай цветы и иди просить руки дочери, у ее родителей». Разговор этот состоялся в марте, а в августе 1990 г. сыграли свадьбу. Сочетался он в браке с Наташей Головиной, с его однокурсницей. Свадьба получилась весёлой. Удалось собрать практически всех наших родственников и родственников невесты. Гостей было около 120 человек. Свадьбу играли в столовой сталепрокатного завода в микрорайоне.

Молодые сначала жили с нами, затем перебрались жить в недостроенный дом. В июне 1993 г. у них родилась дочка Настенька. До 7 класса получала только отличные оценки, потом стали проскакивать четверки. Посещала музыкальную школу, по классу пианино. Но музыкой не увлекалась. Играла без желания. После девяти классов поступила в Строительный колледж на отделение архитектуры. Неплохо рисует. На день рождения бабушки подарила собственный натюрморт. Рослая, смуглая девушка, на нее заглядываются парни. Бабушка Ира сетует: «В кого она у нас такая гулена».

Анализируя прожитые годы, я с удовольствием могу заявить, что несмотря на все житейские трудности, выпавшие на мою долю, моя жизнь удалась. Со мною рядом всегда была прекрасная верная жена, подарившая мне двух сыновей - рослых, умных и

сильных красавцев. Они хорошие семьянины, уважаемые люди в коллективах, где им довелось работать. Краснеть за них перед людьми не приходиться.

17. Начало научной работы

Самостоятельно трудиться начал по окончании Мичуринского института на Всесоюзной селекционно-опытной станции крупяных и зернобобовых культур. На этой станции вместе с пятью нашими студентами проходил производственную практику. Заместитель директора по науке Н. Х. Трофимец пригласил нас на работу. Обосновав это так: «У нас на станции сотрудниками работает много девчат, а ребят мало. После института приезжайте к нам работать». По окончании института я получил направление главным агрономом в крупнейший совхоз Тамбовской области. На свой риск поехал работать на опытную станцию. Принять такое решение меня побудило несколько причин: хотелось заняться научной работой; здесь жили моя мама, брат и сестра со своими семьями; оставались агрошкольские друзья.

Не дожидаясь конца положенного отпуска, по окончании института, я в середине апреля прибыл на станцию. Принял меня заместитель директора по научной работе Н. Х. Трофимец. Я предъявил ему свое направление. Узнав, что я направлен в совхоз, говорит: «Я вчера узнал, что прием выпускников без направления, уголовно наказуемо. Что делать?». Меня это озадачило. Две недели назад я встречался с Никифором Харитоновичем и он согласился взять меня на работу. Я настроился работать на станции и вдруг такое. Я ему говорю: «Никифор Харитонович, я приехал на станцию со всеми со своими вещами, и уезжать обратно мне не хочется». Он махнул рукой: «Ладно, зачислим в отдел зернобобовых младшим научным сотрудником». Так я очутился на опытной станции.

Рабочая программа, по предложенной мне тематике: «Изучение агротехники зернобобовых культур», уже была составлена. Предлагалось изучить нормы высева и приемы ухода за кормовыми бобами и горохом. Опыты планировалось провести на производственных посевах в хозяйстве. Возглавлял отдел зернобобовых сам Никифор Харитонович. Несколько слов об этом замечательном человеке. Никифор Харитонович Трофимец – один из первых выпускников Масловской сельскохозяйственной школы (Украина), опытный организатор, партизанский командир в годы Великой Отечественной войны.

Народная молва донесла такой эпизод. Возвращаясь из очередной экспедиции, Николай Иванович Вавилов привез очень большую луковицу репчатого лука, пригласил к себе Никифора Харитоновича (он тогда был его аспирантом) и со словами:

«Вырасти мне такую», отдал ему. По прошествии какого-то времени Н. Х. Трофимец принес Вавилову такую же луковицу, уже им выращенную. Николай Иванович высоко ценил своего ученика и пророчил ему большое научное будущее. Но случилось, что Н. И. Вавилова арестовали. Н. Х. Трофимец, будучи парторгом, вступился за учителя, за что отправился в Казахстан председателем колхоза. Парт билет ему вернули только в 1955 году. При организации Всесоюзной селекционно-опытной станции крупяных и зернобобовых культур получил назначение зам. директора по научной работе. Ему пришлось практически на пустом месте создавать научную базу станции. Формировать ее структуру, которая исправно служит уже пятьдесят лет. На опытную станцию он приехал уже больным, проработал три года и умер от рака легких в октябре 1962 года. Это был очень порядочный, высоко-эрудированный доступный для общения человек.

Летом 1962 года опытная станция постановлением Совета Министров СССР преобразована во Всесоюзный НИИ зернобобовых культур, позже появилась приписка «и крупяных культур» (ВНИИЗБК). В конце года директора П. Т. Дородных решением ВАСХНИЛ сменил кандидат с.-х. наук Татринцев Александр Иванович, работавший до этого директором Пензенской опытной станции. К вновь организованному институту присоединили соседний колхоз, с урожайностью зерновых 8-12 ц/га и удоем 1200 литров молока на корову. Это вызывало массу критики деятельности института со стороны директивных органов. На партийных собраниях представители района возмущались: «Какой это институт, где…?», и шло перечисление недостатков, доставшихся вместе с присоединенным колхозом. Устранить их в течение полугода было невозможно. Но факт есть факт, критиковали нас кому не лень. После нового года из отдела зернобобовых культур организовали два: селекции и агротехники. Заведующим отделом агротехники назначили кандидата с.-х. наук Алпатова Фрола Титовича, возглавлявшего до этого отдел агротехники конопли. Человек исключительной порядочности, скромный, обладающий большим опытом постановки экспериментов. В этот отдел, приказом директора, переведен младшим научным сотрудником и я.

С большой благодарностью и теплым чувством вспоминаю моих первых учителей по работе во ВНИИЗБК. Дело в том, что в учебном институте нам преподали азы опытного дела, элементы математического анализа. Совсем другое, когда я вплотную соприкоснулся с конкретной постановкой полевого опыта.

Появилась масса вопросов, связанных с закладкой опытов в натуре. На первых шагах моей экспериментальной работы неоценимую помощь оказали: зав. отделом механизации Виктор Степанович Одолеев и зав. лабораторией генетики Николай Алксандрович Соболев. Во время закладки опытов в поле ценные советы давал тракторист В. П. Костромичев. В дальнейшей работе помогало общение с Ф. Т. Алпатовым и С. И. Лосевым. Они по-отечески вводили в практику полевой опыт.

Но были и другие моменты. Помнится, лаборантка Шальнева заявляла напрямую: «Молодой, здоровый шел бы работать агрономом в колхоз». Поначалу у меня даже не было рабочего места. Научный сотрудник Л. П. Корсакова забрала у меня стул со словами: «Это стул моей лаборантки». Такие моменты оптимизма не прибавляли. Работать на станции пришлось с весны, в разгар полевых работ. Осваивать программу и закладку опытов приходилось, как говорится, «на ходу».

Техника для опытов поступала из опытного хозяйства, как правило, после того как управятся со своими работами. Сеялка для опытов пришла к нам с опозданием. Надо было спешить. При установке нормы высева на стационаре, прокрутил только одну половину сеялки, а катушки второй половины сеялки, не проверяя установил по первой. В поле одна половина сеялки освобождалась от семян быстрее. Это меня не озаботило, по неопытности. Какое же было мое разочарование, когда появились всходы. Половина делянки по густоте всходов была нормальная, вторая в два раза гуще. Оказалось на приводе ко второй половине высевающих аппаратов были установлены шестерни с большим числом оборотов. Я по неопытности этого не заметил. «Зебра» на делянках, из-за разной густоты стояния растений, весь сезон была мне укором. Я тяжело переживал свой промах. Первые шаги в научном поиске давались трудно. Отсутствие практических знаний методики опытного дела, вызывало массу сомнений, порождала неуверенность. Закрадывалась мысль все бросить и пойти работать на производство. Но я был не один, со мной были мама и жена. У нас была, хотя маленькая, двадцать квадратных метров, квартира, и это останавливало.

На следующий год, по инициативе заведующего отделом агротехники Ф. Т. Алпатова, вместе с заведующим отделом О. Н. Козменко и сотрудником А. Д. Савкиной, мы посетили хозяйства северо-западной зоны Орловской области: Дмитровский, Хотынецкий, Шаблыкинский районы. В Дмитровском районе побывали на посевах кукурузовода Сапунова, по рапортам получивший 120 тонн зеленой массы 1 га.

В соседнем хозяйстве осмотрели поле кормовых бобов.

Сопровождал нас председатель хозяйства Фак. Он стал известен на всю страну, после того, как колхозные ходоки дошли до Н. Хрущева. Они просили не забирать от них председателя. Позднее, к Сопунову и Факу, приезжал сам Хрущев. В Хотынецком районе посещали колхоз «Памяти Ленина». Возглавлял этот колхоз многие годы Макар Яковлевич Савичев. Под его руководством хозяйство стало одним из лучших в области, награждено Орденом Трудового красного знамени. Образование у него двухгодичное ЦПШ (Церковно-приходская школа), но природный ум и дар организатора выдвинули его в лидеры колхозного движения.

На территории этого хозяйства расположен Госсортоучасток по кормовым травам и зерновым культурам. Я познакомился в натуре с методикой сортоиспытания, размещением делянок в поле. В познавательном плане посещение участка для меня было весьма полезным.

Для уборки опытов нам выделяли переоборудованный комбайн СК-4. Урожай с каждой делянки собирали в отдельный мешок, взвешивали, отбирали пробы на влажность и засоренность. Отбор проб занимал время, а мешки с обмолоченных делянок продолжали накапливаться. Я почувствовал, что могу в них запутаться и остановил уборку. В разгар уборочной страды остановить работу комбайна раньше времени – непростительно. Получил втык от начальства.

По окончании полевого сезон приступили к обработке полученных опытных данных и составлению отчета. Неожиданно проявилась новая напасть. Смена работы в поле на сидячую привела к тому, что через полчаса сидения над цифрами меня клонило ко сну. Пробовал себя щипать, помогало на 15 минут, а потом глаза снова закрывались. Через месяц сонная болезнь закончилась, но отчет писался трудно.

Каждая фраза рождалась в муках. В какой-то мере виной тому были сомнения в достоверности полученных данных.

Короче, первые шаги на научном поприще радостей и эйфории не принесли. Я осознал, что полевой эксперимент – это повседневная кропотливая работа по добыванию крупиц новых знаний, иногда не совсем успешных.

18. Аспирантура

С первых дней работы в институте, я не переставал думать об аспирантуре. Многие молодые сотрудники института готовились к поступлению. На год раньше меня поступила в аспирантуру ТСХА Алла Закладная, в Харьковский НИИРиС поступили Эмма Жиль и Надя Примак. В конце 1965 года, после сдачи в пединституте кандидатского минимума по английскому языку («удовлетворительно») и философии («хорошо»), я подал документы в Тимирязевскую сельхозакадемию. В марте приемная комиссия документы вернула, сославшись на большой конкурс. Я был в растерянности. Помогли супруги Хлебниковы. Любовь Николаевна позвонила в Воронежский СХИ. Узнала, что прием документов в аспирантуру еще не закрыт, я срочно направил документы в Воронежский СХИ. Через две недели пришел вызов на экзамены. Возглавлял кафедру известный растениевод, автор учебника «Растениеводство», доктор с.-х. наук, профессор заслуженный деятель науки Павел Ильич Подгорный. На момент нашей встречи это был пожилой человек, обремененный многими недугами, с трудом передвигающийся с костыликом, но не потерявший ясность и остроту ума, живость и юмор в общении. Он очертил круг вопросов, по которым пойдет разговор на экзамене. Предупредил о том, что у меня будет конкурент из Мичуринска – Пилипюк, сын преподавателя этого ВУЗа. Сдавали мы экзамен по растениеводству вдвоём с главным агрономом Брянской области. Он шел на очное обучение. Помнится такой момент. Этот агроном рассказывал о преимуществах кукурузы и ссылался на получение большого количества кормовых единиц от этой культуры. На что П. И. Подгорный подал реплику: «А за столом вы то же едите кормовые единицы?», т.е. нельзя принижать роль продовольственных культур пшеницы и других.

Короче, мне поставили «отлично», велели ехать домой и ждать вызова. Через пару недель П. И. Подгорный известил письмом о моем зачислении и предложил составить рабочую программу, предстоящей аспирантской подготовки. После того, как я составил ее, поехал в Воронежский СХИ, где окончательно согласовали план исследований. По совету Павла Ильича мы исключили опыты с кормовыми бобами, сосредоточив внимание на культуре горох. На изучение были поставлены вопросы густоты посева при разных уровнях минерального питания и способы ухода за посевами.

Занимался я этими проблемами с большим желанием и интересом. Помогали мне в проведении опытов лаборанты Лена

Калашникова, Вера Чухряева и Лиза Сафонова. Это были добросовестные труженики, делившие со мной все успехи и неудачи наших экспериментов. Я им глубоко признателен за их бескорыстную помощь. Большой активностью отличалась Елена Калашникова. Частенько, по своей инициативе, до начала рабочего дня шла в поле, отбирала растительные пробы. К 8-ми часам эти пробы приносила в разборку, и мы начинали их анализировать. Если бы не помощь лаборантов, вряд ли бы я справился с запланированным объемом исследований. С их помощью удалось освоить ряд новых методик по изучению чистой продуктивности фотосинтеза (ЧПФ), учет клубеньков на корнях гороха и ряд других методов.

Первый аспирантский отчет писался медленно. Каждое предложение рождалось мучительно. Через год, весной я прибыл на кафедру с отчетом. Павел Ильич прочел его и назначил заседание кафедры, где мне предстояло докладывать результаты исследований. Предварительно дал несколько советов, в том числе: «Необходимо сосредоточить внимание на выигрышных моментах». Доложил, на мой взгляд, не плохо. Было задано много вопросов. На них я ответил уверенно, так как каждую цифру прочувствовал и пропустил через себя. Преподаватели кафедры высказали мнение, что подбор аспиранта сделан удачно и производит впечатление зрелого исследователя. Без ложной скромности могу заметить, что они были близки к истине.

Изучение норм высева извечный, банальный вопрос, но от исполнителя требуется решение массы технических процедур. В наших опытах приходилось устанавливать по четыре нормы высева для сеялок СЗ-3,6 и СЗЧ-3,6. Высевающие аппараты этих сеялок катушечного типа. Допуски при их изготовлении на заводах не отличаются большой точностью. Методика закладки опытов допускала отклонения от заданной нормы не более 5%. Ловить эти проценты на таких высевающих аппаратах практически трудно. Установка каждой нормы высева проверялась минимум два раза, и только потом фиксировалась. В поле после закладки каждого варианта семена из сеялки выгребают и определяют фактическую норму высева. Процедура эта хлопотливая и требует много времени.

Когда в институт стали поступать сеялки С-16 завода ВИМ, проблема изучения норм высева существенно упростилась. Сеялка оснащена набором шестерен и тремя типами семенных катушек, обеспечивающих норму высева шагом 2,5%. Семенной ящик освобождается от семян нажатием рычага. С этой сеялкой я не расставался до конца обучения в аспирантуре. При проведении опытов случались и невосполнимые потери. Запомнился один

тяжелый случай. Горох обычно убирали раздельным способом. Сначала жаткой его скашивали, а когда волки подсыхали, обмолачивали комбайном. По такой технологии мы скосили делянки и ждали когда, можно будет их обмолотить. В этот период случилась гроза с порывистым ветром. Когда дождь закончился, решил проверить состояние валков. Придя на участок, я обнаружил, что часть валков ветром снесено и перепутано. Для меня это был шок. Я орал, выл. Кое-что на второй день мы с лаборантами исправили, но не все. После этого случая валки стали закреплять шпагатом, чтобы их не сносило ветром.

На втором году обучения сдал на «отлично» кандидатский минимум по основному предмету «Растениеводство» и представил отчет за два года исследований. Предстояло закончить эксперименты и приступить к написанию диссертации.

В то время я на общественных началах исполнял обязанности секретаря цеховой партийной организации по науке. У нас на учете состояло 120 коммунистов. Хлопот хватало. В течение рабочего дня сосредоточиться на научной работе было трудно, отвлекали посетители и различные партийные мероприятия. Заниматься диссертацией оставалось только вечернее время. Успехи были минимальные. За день все-таки уставал, было трудно сосредоточиться и что-то «родить». Частенько просидев весь вечер за столом, измарав две-три страницы, уходил домой, проклиная себя и эту работу. Повторял про себя: «Бездарь, не к чему не годен. Зачем ввязался в эту научную работу».

Наконец, решился просить ученый совет института о предоставлении мне творческого отпуска. Основание выдвинул то, что больше половины работы выполнено и в течение четырех лет аспирантуры не пользовался положенным аспирантским отпуском. Ученый совет разрешил творческий отпуск на три месяца. Партийные дела передал заместителю Туркиной А.И., а сам вплотную занялся диссертацией. Полностью закончить работу за этот срок не удалось. Месяц ее дописывал, выйдя на работу.

В середине мая 1970 года закончил писать последнюю главу «Экономическая эффективность…», вышел из института на площадь и до моего сознания дошло: «Я закончил писать диссертацию». Осознание этого момента, принесло большое удовлетворение и радость. Труд, длившийся более четырех лет, получил логическое завершение.

Дальше было дело техники. Диссертацию привез в Воронеж. Через родственницу сделал переплет в Областной типографии. Получив переплетенный экземпляр, не мог на него нарадоваться. Готов был кричать и всем показывать эту 130 страничную книжку.

Когда передавал диссертацию Павлу Ильичу, он спросил: «А, где автореферат?». Я ответил: «Он еще не готов». На это руководитель заметил: «Я планировал твою защиту на июнь, до каникул». И добавил: «Сама раба себя бьёт, что не чисто жнет». Почти все лето ушло на редакторскую правку диссертации и автореферат. Заведующий лабораторией физиологии, кандидат с.-х. наук, П. Е. Федин, имел опыт редактора, вызвался мне помочь. Он существенно улучшил стиль изложения работы. Осенью отвез три экземпляра переплетенной диссертации и автореферат в Воронежский СХИ. С помощью родственников автореферат отпечатали в областной типографии. По инициативе Павла Ильича официальными оппонентами ученый совет назначил: профессора М. И. Сидорова зав. кафедрой земледелия и селекционера по гороху из Рамони (институт сахарной свеклы) И. Чаплыгину. Ведущим предприятием определил Шатиловскую опытную станцию. Срок защиты назначил 14 января 1971 год. Накануне защиты выяснилось, что ученый секретарь совета, по оплошности, на производственный отзыв диссертацию отправил только за неделю до защиты. Пришлось срочно лететь на станцию. Там, за полдня, с селекционером по гороху сочинил отзыв и повез его в Воронеж. Приключения на этом не закончились. В Воронеже ждал еще сюрприз. Накануне защиты официальный оппонент Чаплыгин уехал на симпозиум селекционеров, на защите не будет, хотя положительный отзыв представила. Срочно стали искать другого оппонента. Новому оппоненту Павел Ильич отдал мой самый первый неисправленный вариант со словами: «Он такой же». При встрече с новым оппонентом она сказала, что у нее много замечаний. Увидев у нее в руках тот первый экземпляр, воскликнул: «Это не та диссертация; вот, исправленный вариант». Такой поворот возмутило оппонента. Она стала в позу, заявив: «Я отказываюсь оппонировать эту работу. Я потратила массу времени и все в пустую». Пришлось через ректора В. Г. Коренёва уговаривать ее не срывать защиту. Момент был пренеприятный, я здорово напугался, но авторитет П. И. Подгорного помог разрешить конфликтную ситуацию. Защита прошла успешно, члены диссертационного совета проголосовали единогласно. Хотя передо мной завалили защиту главного агронома управления сельского хозяйства Ростовской области. 31 марта ВАК утвердил решение совета о присуждении мне ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук по специальности «Растениеводство». Летом получил кандидатский диплом. Моя зарплата с 130 рублей выросла до 230 рублей. Через год, когда исполнилось десять лет научного стажа, я стал получать 250 рублей. Материальное

положение семьи существенно улучшилось. Мы стали нормально питаться.

19. После аспирантуры

После аспирантуры для меня наступил довольно благоприятный, плодотворный период. Зав. отделом агротехники С. И. Лосев предложил возглавить исследования по смешанным посевам. Эту работу уже несколько лет вела младший научный сотрудник, Герой социалистического труда, Бутова Валентина Николаевна (Дойникова в в девичестве).

Несколько слов о Валентине Николаевне. В передовом колхозе Кромского района звеньевая коноплеводческого звена, после весенней страды, вышла замуж и уехала из этого колхоза. Встал вопрос о ее замене. В звене работала молодая трудолюбивая девушка Валя Дойникова. Решили назначить ее звеньевой. Осенью звено собрало высокий урожай конопли. Руководство представило Валю Дойникову к награждению звездой героя. Так за один сезон она оказалась на вершине славы, пользуясь заделом ее предшественницей. Молодую героиню избрали депутатом Верховного Совета РСФСР и направили учиться в Тимирязевскую с.-х. академию. Там ее заметил студент инвалид войны, и она стала Бутова. К нам она приехала с Северного Кавказа с двумя детьми, где работала с мужем на опытной станции.

Подключившись к этой группе, внес некоторые изменения в схему опытов и методику исследований. Развернул дополнительный опыт по изучению многокомпонентных высокобелковых смесей. Через год Валентина Николаевна ушла из института, мне пришлось вести этот раздел единолично. В скором времени к нам подключилась группа физиологов во главе с кандидатом биологических наук Е. Щербаковой. Они вели физиологическую часть опыта (фитосинтез, микроклимат и др.). По результатам проведенных исследований, опубликовали более 20 статей и монографию «Повышение содержания белка в кормовых смесях», Россельхозиздат 1978 г.

Новый заместитель директора по научной работе В. И. Летуновский предложил мне возглавить новую тему: «Разработать индустриальную технологию возделывания гороха с урожайностью 30-35 ц/га». Изучив основные приемы выращивания гороха, посчитал, что достигнуть такой урожайности этой культуры возможно, но ошибался.

Нашу группу в составе шести человек перевели во вновь созданный отдел механизации производственных процессов, который возглавлял кандидат технических наук А. А. Мирошников. Анатолий Алексеевич отличался оригинальным

мышлением и подходами к решению технических проблем уборки гороха. Пытался создать жатку для уборки гороха. Был нетерпим к другим мнениям, отличался поспешностью в делах и был несколько авантюрен. С ним приходилось часто спорить о путях решения технологических и агротехнических приемов выращивания гороха. Споры переходили рамки дозволенного, и он срывался на оскорбительный тон. Положение осложнялось еще и тем, что объектом исследования были производственные посевы ОПХ, а место для проведения лабораторных работ с образцами не выделили. Из старой «разборки» отдела земледелия, где мы находились, нас стали выселять. В такой ситуации наша группа просуществовала два сезона и ее вернули в отдел земледелия.

Поставленную задачу мы полностью не смогли решить. В процессе исследований выяснился фактор, который нам был неизвестен. В результате высокой насыщенности севооборотов в институте зернобобовыми, и в первую очередь горохом, в посевах гороха получили массовое распространение корневые гнили. Потери урожая от них достигали 50% и более. Мы к такой ситуации были не готовы. По сей день надежных средств защиты посевов гороха от корневых гнилей в стране не разработано, кроме севооборотов. Горох следует возвращать на прежнее место не раньше 8-10 лет.

Решением правительства, в семидесятые годы двадцатого столетия при НИУ, организованы группы и лаборатории, призванные дать ответ на вопрос: «Что будет с сельским хозяйством в случае войны и природной катастрофы?», «Какого уровня продуктивности следует ожидать, если обеспеченность материальными и другими ресурсами сельского хозяйства составит 75…50…25%?». На первых порах такую группу возглавил кандидат с.-х. наук, мастер спорта. Л. П. Еремин. Вскорости, Леонид Петрович заболел туберкулезом легких, подолгу находился на лечении в санатории. Приехавшая комиссия Минсельхоза и Института радиологии (головного учреждения) убедились, что работы в этом направлении в институте не ведутся. Поставила в известность директора Н. М. Чекалина. Тот приказом создал лабораторию по этой проблеме, присвоив ей кодовое название «Экономического анализа». Руководить лабораторией предложил мне. Я дал согласие. Было это в 1980 году.

По стране была организована целая сеть подобных лабораторий при зональных и отраслевых институтах. Зерновую проблему головной институт прочил нашей лаборатории. Для меня эта проблема была мало понятна. Методические подходы к изучению проблемы практически отсутствовали. Пришлось с

головой окунуться в поиск и изучение методических подходов и прочих проблем. Несколько раз ездил в Институт радиологии, ВНИИ защиты растений (Ленинград), Краснодарский НИИ риса, участвовать в работе закрытых конференциях по этой проблеме. Как координатор по зерновым культурам обобщали и анализировали отчеты исполнителей по этой проблеме. Сводный отчет представляли в Институт радиологи. В своем институте заложили опыт с горохом при разных уровнях обеспеченности материально-техническими ресурсами. Через год, в связи с уходом из института заместителя отдела земледелия В. П. Гончарова, меня назначили исполняющим обязанности заведующего этого отдела. Надо сказать несколько слов о человеке на место, которого меня назначили. Борис Прокопьевич Гончаров 1919 года рождения. Участник обороны Ленинграда. Тяжело раненного его эвакуировали по «дороге жизни» на «большую землю». Воевал после на Кавказе. По окончании Горского сельского института и защиты диссертации работал старшим научным сотрудником Агрофизического института в Ленинграде. Становление и известность, как знатоки теории и практики проблем обработки почвы, произошло в Ставропольском НИИСХ. К нам в институт он приехал по приглашению нового директора Ф. К. Чапурина, на должность заведующего вновь организованного отдела земледелия. К нам Б.П. Гончаров прибыл, отпраздновавши накануне свое пятидесятилетие. Это был рослый, крепкого сложения, энергичный, улыбчивый человек. Во вновь созданный отдел вошли: отдел агротехники, лаборатории: агрохимии, микробиологии и защиты растений. Б.П. Гончаров организовал ежемесячные семинары сотрудников. Мы их окрестили «Гончаровские чтения». На них заслушивались и обсуждались доклады сотрудников о состоянии и перспективах сельскохозяйственной науки. Была введена практика ежегодных отчетов сотрудников отдела по проведенным исследованиям. Человек критического склада ума, не лишенный юмора. Он был эрудирован и хорошо информирован по широкому кругу сельскохозяйственной науки. Основной проблемой, которой он, серьезно на протяжении многих лет, занимался – это решение теоретических и практических проблем обработки почвы. Прекрасный методист, владеющий современными подходами к решению этой проблемы. Имел свой отличительный взгляд на жизненный уклад в обществе и политику власти. Я от него усвоил много полезного и нужного в работе и жизни.

Вот от такого ученого мне пришлось принять отдел. На этот момент в четырех лабораториях отдела трудилось более сорока

человек, в том числе двадцать научных сотрудников. Две лаборатории возглавляли бывший зам. по научной работе В. И. Летуновский и зам. директора по производству Ю. А. Шашкин. Вначале я посчитал, что меня на эту должность назначили временно, пока директор не подберет подходящую кандидатуру. Шло время, а претендентов на эту должность не появлялось. В июле 1981 года ученый совет избрал меня на эту должность официально. Отлично понимая от кого принял отдел, я старался сохранить, наработанные Б. П. Гончаровым за десять лет, направления исследований, традиции и творческий дух им заложенный.

Развивая заложенные Б. П. Гончаровым направления исследований, в лаборатории обработки почвы, мы с сотрудником В. М. Новиковым, заложили двухфакторный полевой стационарный опыт: «Разработка систем обработки почвы в интенсивном севообороте». С сотрудником А. М. Платоновым разработали программу: «Оптимизация элементов системы земледелия за счет факторов биологизации». С сотрудником В. Г. Небытовым проводились опыты по защите посевов зерновых бобовых и крупяных культур от сорных растений. Когда пишу эти строки, сохранился в измененном виде только опыт, который ведёт В. М. Новиков. Из-за практического сокращения государственного финансирования, опыт Платонова пришлось закрыть, так как необходимые удобрения и пестициды приобретать стало невозможно. Аналогичная судьба постигла и опыты по защите посевов от сорных растений.

Как зав. отделом более половины рабочего времени уходило на писание справок и отчетов для вышестоящих органов, ежегодное составление рекомендации. Много времени отнимала текущая работа по закладке и проведения опытов. Необходимо было добиваться необходимой техники. Из-за нее конфликтовать с работниками других научных подразделений. Техники не хватало, а желающих было много. Приходилось контролировать выделенный агрегат, до тех пор, пока он не приходил на участок или делянку. По дороге на опыты, его могли перехватить досужие конкуренты. Из-за плохой материальной базы, особенно во время уборки, приходилось решать оперативные задачи с многими неизвестными. Сначала надо было заполучить комбайн, затем какой транспорт будет выделен для отвозки зерна, далее куда можно разгрузить ворох и его очистить. Все эти вопросы надо было продумать и согласовать. Только при наличии всех составляющих можно было надеяться на успех. А главный вопрос: «Какая будет погода?» Иногда в разгар работ вдруг небо затягивали тучи, и начинался дождь. Это было самое неприятное.

Полевой эксперимент – это тяжелый монотонный труд. В течение нескольких лет длится опыт. Затрачиваешь на его проведение массу времени, силы и нервов. Стараешься своевременно подготовить почву, вовремя посеять, сохранить посев от потравы и гибели от вредителей и болезней. Убрать урожай с меньшими потерями. Соблюсти единство различий.

В результате получаешь табличку с несколькими колонками и строк данных. Хорошо если полученные данные будут достоверными, и по ним можно сделать объективный вывод. А то налетит ветер и унесет твои данные в овраг. Романтики в такой работе мало, а кропотливого труда достаточно. Мало получить данные, их надо суметь хорошо подать. А это уже работа мозгами. Вместе с тем из этих незначительных результатов накапливаются и формируются фундамент новых знаний.

20. Заграничные командировки

Чехословакия. За время работы в институте пришлось трижды выезжать за пределы Советского Союза.

Первая поездка, на рабочее совещание по проблемам кормового белка по линии СЭВ, состоялась в Чехословакии. (г. Шумперк). Возглавлял группу эксперт СЭВ В. С. Гурченко. В составе делегации академик секретарь секции растениеводства ВАСХНИЛ И. Н. Елагин и я, старший научный сотрудник ВНИИЗБК. Совещание проходило на базе НИИ технических и зернобобовых культур в зале местной гостиницы. В совещании участвовали делегации Венгрии, Германии, Монголии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии, по 2-3 представителя. Делегация от Кубы не присутствовала. Основной доклад сделал директор этого института т. Лагола. Делегаты обменялись мнениями по разработке новых технологий возделывания зернобобовых культур, рассмотрели предложенную номенклатуру международной системы машин. Иван Николаевич Елагин свое выступление посвятил селекции зернобобовых на качество зерна, усилению роли агротехнических и биологических методов защиты растений; размножению и использованию на посевах многолетних бобовых трав диких пчел-мегофил, для повышения семенной продуктивности люцерны.

Участники в выступлениях обращали внимание на узкие места, подчеркивали целесообразность размещения бобовых после интенсивно удобряемых культур (свекла, кукуруза и т.д.). Обращалось внимание на необходимость совмещения инокуляции семян азотобактером с их протравливанием; возделыванию зернобобовых в смесях с другими культурами. Подчеркивалось, что система машин для возделывания зернобобовых культур можно было бы использовать и при выращивании других зерновых и кормовых культур.

Атмосфера на совещании была доброжелательной, дружеской. Язык общения – русский. Однако некоторая отчужденность проскальзывала. Так польская делегация отказалась брать на себя обязанность включить в план НИОКР вопросы механизации возделывания. Представитель Болгарии почти в открытую выражал неприязнь к немцам и монголам.

По окончании пленарного заседания, хозяева организовали экскурсию на опытное поле института, показали фильм про институт. Во время посещения полевых опытов, рядом с нами молодая работница в купальнике занималась измерением длины и ширины листовых пластинок. При этом не обращала на нас

никакого внимания, по крайней мере, делала вид. Наши лаборантки в жаркое время, тоже работают в купальниках, но если появляется на поле мужчина, они прячутся или стараются прикрыться, а тем паче, при появлении иностранцев.

В институте в широком ассортименте применяли пестициды импортного производства. Я там впервые встретил применение гербицидов: «торга + дуал», «аретид»; фунгицидов-«форитид» из Австрии; «томик» из США, который защищает на протяжении трех месяцев растение от вредителей, но зеленую массу этих растений не рекомендуется стравливать скоту.

Показали нам ловушек для насекомых с использованием гормонального препарата, запах которого схож с запахом вещества выделяемого самкой. Самец летит на этот запах и попадает в ловушку. Биологоморфорегулятор «Тыба» из США, которым можно регулировать цветение растений. В нашем институте об этих препаратах, в то время, слышали или читали в журналах, а в Шумперах сотрудники уже занимались практическим изучением из применения.

В один из дней, нас отвели в коллективные хозяйства, где продемонстрировали большое помещение двойного назначения. Во время уборки его используют, как склад с активным вентилированием для зерна. В зимнее время это помещение используют для ремонта сельхоз. техники. Такая организация использования помещения нам понравилась. При осмотре посевов бросалось в глаза отсутствие сорняков. Наряду с этим встречались куртины лишенные всякой растительности. Вероятно, в этих местах на землю выливалось чрезмерное количество раствора с гербицидами.

На следующий день нам организовали поездку в замок расположенный на высоком холме, окруженный рвом. Вход в замок через подвесной мост. Замок готического стиля, панели и мебель из полированного дуба. Есть зал старинного оружия. Я попробовал подержать ружье. Оно оказалось очень тяжелым, более 10 кг. Во время второй мировой войны эта территория принадлежала селезским немцам. Замок Гитлер подарил Герингу. Сам Гитлер в этом замке никогда не был, а Геринг всего один раз побывал в нем.

Вечером состоялось подписание протокола, потом ужин. Несколько слов о европейской традиции таких ужинов. Сначала подали салат из овощей и зелени, к ним рюмка (50 г) сливовицы. Затем подали ножку индейки и на выбор по бутылке сухого вина, красное или белое. Я заметил, что все делегации просили красное вино, а русские – белое. На десерт земляника со сливками.

Рано утром нас автобусом отправили в Прагу. До отлета в

Москву у нас было несколько часов свободного времени. Мы с И. Н. Елагиным прогулялись по Праге, посетили несколько магазинов и киосков. При отъезде из Москвы нам выдали суточные и на проживание, в виде обменных банкнот (как их именуют, я уже забыл), которые мы по приезду в Чехословакию обменяли на кроны. Кроме того, нам разрешили взять с собой по тридцать рублей, которые тоже можно было обменять. Основные финансы мы израсходовали еще в Шумперке. Оставшиеся кроны я потратил на шариковые ручки, жвачку (у нас это был дефицит) и разную мелочь.

После короткой прогулки мы вернулись в Министерство сельского хозяйства. Сотрудники отдела внешних сношений поставили легкую закуску (печенье) и сухое вино. Первый бокал вина я из-за скромности не допил. Когда стали разливать по второму разу, мне чешский товарищ говорит: - «Саша, я вижу, что хочешь еще выпить, но у нас такое правило. Если ты не допил, то тебе никто не нальет. А если твой бокал пустой, то тебе налью вина сосед или официант». Мне пришлось допить остатки вина, а потом уже следующий бокал.

Я впервые столкнулся с тем, что чехи почти не едят хлеб. Нам пришлось просить официанта принести хлеба. В отличие от нас русских они почти не пьют водку. На мой взгляд, у них есть культура потребления напитков и еды.

Наша поездка состоялась после вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию, в связи с попыткой неких сил выйти из договора и присоединиться к НАТО. В беседе с чехословацким коллегой я спросил: «Как он относится к вводу войск в их страну?». Он сказал: «Я против этого не возражаю, но форма введения войск в страну была достаточно грубой». Вероятно, он был недостаточно искренен, что произошло через двадцать лет, наводит на такую мысль. Мне человеку, впервые попавшему за пределы СССР, было в новинку видеть изобилие товаров народного потребления (паласы, обувь, джинсы, белье и прочее). На прилавках наших магазинов их не было. Их можно было приобрести с переплатой или по знакомству. Бросилось в глаза, возле аэропорта на стоянке припаркованные «Жигули», «Москвичи». Могло показаться, что я не в Праге, а где-то в СССР.

Полагаю, что народ в Чехословакии живет не хуже, а даже лучше советских людей.

Конец командировки сложился не совсем спокойно. Дело в том, что командировочные (суточные) и квартирные (плата за гостиницу) выдали в Минсельхозе для меня и И. Н. Елагина на 5 дней, а мы пробыли 4 дня. Предупреждали, что отчет за проживание принимается по квитанции и недоиспользованные

деньги подлежат возврату. Помня об этом, я сказал И. Н. Елагину. Он отмахнулся. Слушая наш разговор, Гурченко подал свою квитанцию за гостиницу со словами: «Приложи к отчету, она мне не понадобиться». Когда я сдавал отчет в бухгалтерию министерства, квитанцию Гурченко у меня не приняли и предложили вернуть в кассу 30 крон. Их у меня не было. Я поехал в СЭВ к Гурченко. На мою просьбу одолжить 30 крон, он спросил: «Ты с чем приехал? Обменяю на рубли». У меня с собой такой суммы не было. Пришлось ехать к И. Н. Елагину в ВАСХНИЛ. Мое известие, что нам необходимо вернуть 30 крон в кассу, встретил неудовольствием, но, после моих настоятельных требований, отдал причитающиеся с него 15 рублей. Пришлось снова ехать в Минсельхоз возвращать долг. Отчитался, но прилично попотел и поволновался. Так закончилась моя первая заграничная командировка.

Болгария. Очередной рабочей поездкой, уже в период «перестройки», была в Болгарию. Между СССР и Болгарией была принята программа совместных исследований по зернобобовым культурам. С нашей стороны исполнителями были: Украинский НИИ растениеводства и селекции им. Юрьева и наш институт (ВНИИЗБК). Первая встреча коллег проходила в Киеве, вторая в Институте зернобобовых и фуражных культур (г. Плевн). От Украины в делегацию вошел: селекционер по гороху Петр Михеевич Чекрыгин, растениеводству Виктор Михайлович Костромитин, ученый секретарь Украинской с.-х. Академии (фамилию забыл) и я. На самолет билеты приобрести опоздали, пришлось двое суток добираться поездом. В Плевн поезд прибыл поздним вечером. Нас уже никто не встречал. Взяли такси. Шофер прекрасно владел русским языком. Как дорогих гостей, бесплатно, довез до института. Там нашли нужного сотрудника, который отвез нас в гостиницу, а потом на ужин в ресторан. На следующий день состоялась конференция. В конференции приняли участие представители опытных учреждений со всех районов Болгарии. Выступающие основное внимание уделяли зернобобовым культурам. Мое выступление об итогах наших исследований по технологии возделывания участниками, мне показалось, выслушали без какой-либо заинтересованности. Интерес вызвало сообщение геофизика из Сибири. Он привел данные по результатам мощного вибрационного колебания на повышение плодородия почвы. О практическом применении таких установок, мне слышать и читать, нигде не пришлось.

На следующий день наше заседание проходило в Институте сои (г. Павликене). По численности он не большой, всего 20 сотрудников, но работы по сои проводят интересные.

Узнав, что в составе делегации из СССР есть представитель из г. Орле, болгарские товарищи пригласили меня на опытную сельскохозяйственную станцию в город Тырговиште. Это в Разградском округе. Город Разград побратим с городом Орлом, и болгарские товарищи изъявили желание встретиться с представителем города побратима. В сопровождении сотрудника Института зернобобовых и фуражных культур на легковой машине через пару часов мы прибыли в Тырговиште. Встречали нас директор опытной станции и его заместитель по научной работе. Для меня организовали обзорную экскурсию по опытным посевам зернобобовых и других культур. Состояние посевов было хорошее, но на горохе отмечалось массовое заселение тлей.

Посещение станции закончилось обедом и беседой о текущем моменте. Болгарские товарищи проявили живой интерес к проблемам перестройки, проходившей в нашей стране под руководством М. Горбачева. Я, как мог, отвечал на их вопросы, подчеркнув свое участие в «догорбачевских» мероприятиях. Ни я, ни мои болгарские коллеги, еще не представляли себе, к чему приведут пресловутые «горбачевские инициативы».

Разградский округ исторически заселен турками. Есть села почти полностью турецкие. Мой приезд в Тырговиште совпал с массовым их исходом в Турцию.

Перед этим в Софии прошли демонстрации с требованиями предоставления турецкому языку статуса государственного, что-то по школам и еще какие-то претензии.

Правительство Болгарии эти требования отклонило. Тогда в знак протеста, не без влияния извне, турки стали покидать Болгарию. Массовый отъезд турок – механизаторов и животноводов, в разгар сезона, дестабилизировала работу в сельском хозяйстве. Я был свидетелем, когда к директору опытной станции пришел механизатор и попросил отпуск. Он хочет поехать в Турцию, посмотреть, что там и как, а потом решить, где ему жить.

В один из вечеров, директор института Петко Плазов провел с нами экскурсию по окрестностям г. Плевен. Болгары свято чтят память воинов России, освободивших их от Турецкого ига. Нам показали склон холма, на котором посажено тысяча роз в честь и память воинам освободителям. Построен храм - памятник в честь освобождения Болгарии от турок. Петко Плазов рассказал такой эпизод. Инженерной службой в Российской армии руководил известный военный инженер Тотлебен. Памятник ему сооружен в Севастополе, как защитнику города от англо-французской интервенции 1853-1856 гг. Так, Тотлебен приказал построить на реке, которая протекает через город Плевен плотину и перекрыть

поступление воды дальше. Дело в том, что турки ниже по течению строили водяные мельницы. На этих мельницах были сосредоточены запасы зерна.

Когда перестала поступать на мельницу вода – помол прекратился. Появились проблемы и перебои с хлебом. А потом, по приказу Тотлебена, плотину в г. Плевен разрушили. Огромный водяной вал разрушил мельницы внизу по течению; снес все запасы зерна. У турецкой армии начался голод. Это существенно ослабило турецкое сопротивление.

Для меня было новинкой, как разумно организован отдых горожан. Городские кварталы органически переходят в зеленую зону. По реке, за городом, организованы пляжи, по склонам гор туристические маршруты, построены пансионаты, кафе, рестораны. Показали нам ресторан, который находится в пещере склона. Рациональное сочетание природного ландшафта с антропогенными сооружениями, с небольшими капитальными вложениями, создают прекрасную зону отдыха.

Народ Болгарии по братски относится к нам русским. Многие болгары, хорошо владеют русским языком, неоднократно бывали и работали в Советском Союзе.

Индия. Самая продолжительная рабочая поездка (24 дня) состоялась в Индию. Из Москвы улетели в середине февраля, а вернулись уже в марте 1991 года. В состав нашей делегации вошли: директор института Александр Дмитриевич Задорин, заведующий лабораторией иммунитета Антонина Михайловна Овчинникова и я. Вместе с нами в Дели прилетела еще одна группа во главе с секретарем академиком ВАСХНИЛ Виктором Степановичем Шевелухой; с ним директор ВИР Виктор Александрович Драгавцев, заместитель директора по научной работе института Сорго Алия Собировна Сабитова.

Самолет приземлился в аэропорту Дели около 6 часов утра. Нас встретил атташе по сельскому хозяйству нашего посольства Малиновский. Таможни, формальности прошли без осложнений. Дели нас встретил утренней прохладой (+12°С). Одеты мы были легко. Наши теплые вещи остались в камере хранения в Шереметьево, поэтому утренняя прохлада чувствовалась, но больший холод ощущался внутри. Пугала неизвестность. Как сложится наше пребывание в незнакомой стране, без знания языка, обычаев, порядков и пр. Перед отъездом я проштудировал несколько книг об Индии, которые нашлись в институтской библиотеке, но этого было недостаточно. Какая-то зажатость присутствовала. Она стала постепенно исчезать после, того как мы с Задориным совершили первый самостоятельный выход в город. Для меня было в диковинку масса лавчонок, торгующих

блестящей металлической посудой, всевозможных форм, размеров назначений; и полное отсутствие покупателей. Возвратившись в гостиницу после прогулки, я как-то успокоился, внутренний холод исчез.

Вечером, по приглашению А. Д. Задорина, в нашем номере собрались обе группы. Состоялся коллективный ужин, закончившийся пением романсов в исполнении А. Д. Задорина и В. А. Драгавцева. Они соревновались в стремлении привлечь внимание эффектной женщины Али Сабировны. К поездке наша группа готовилась. Мы с собой привезли несколько бутылок водки, с десяток банок консервированной ветчины, сувениры и прочее. Так что нашим гостям было чем попотчевать.

С первых дней пребывания в Индии бросилась в глаза огромная контрастность. Рядом с охраняемыми дворцами ютятся бездомные, у которых только кусок брезента под головой. Много индусов ночуют под открытым небом, укрывшись одеялом. Масса нищих. И это в стране, где получают по два три урожая в год.

Контрасты чувствуются во всем. Наряду с благополучными обеспеченными людьми много изнуренной работой, нищих попрошаек. Много женщин занято на земляных работах. Они истощены – скелет обтянутый кожей.

На окраине Дели существует целый город трущоб. Стенами лачуг служат картон от упаковочной тары; крыша – кусок брезента или пленки. Ужасная антисанитария. Туалеты редкость, в основном на вокзалах, и то сделаны так, что прикрывают только нижнюю половину тела. Многие, особенно мужчины, отправляют легкую нужду прямо на улице. Ранним утром, когда возвращались из Канпура в Дели по железной дороге, созерцали индусов, отправляющих нужду у обочин железной дороги.

Вероятно, от эпидемий население спасает высокая солнечная инсоляция. В середине марта в дневные часы температура воздуха достигала +30°С. Работник посольства рассказывал, что летом стоит жара под 45 – 50°С. Спасают кондиционеры и вентиляторы.

Правила движения на дороге, практически, ни кто не соблюдает. Регулировщиков на перекрестке встретишь редко. Часто образуются дорожные пробки; водители стремятся выбраться из них любыми путями.

Основной городской транспорт велосипед. На нем перевозят, практически, все, что на него можно поместить. Много велорикшей; трехколесные велосипеды они арендуют у хозяев. В качестве такси курсируют трехколесные мотоциклы (скутеры); есть и обычные автомобили – такси, но они значительно дороже. Состоятельная молодежь с шиком разъезжает на мотороллерах.

В Индии священным животным считается корова. Они

свободно ходят по городу, лежат на газонах. В скверах по деревьям лазят обезьяны их можно увидеть и на крышах домов. Какие-то маленькие зверьки, типа грызунов, лазающие по стенам домов.

Среди индусов очень сильны религиозные верования. Функционирует много храмов. Есть роскошные, стены которых украшены драгоценными камнями; и примитивные похожие на земляную нишу в которых по утрам зажигают светильник. Такой я наблюдал на окраине Хисара. Индус подъехал к этой нише на велосипеде зажег светильник, типа нашей лампадки, и поехал дальше.

Есть у них какой-то праздник, когда они друг друга обсыпают краской и обливают водой. Когда мы были в сельхоз. Университете (г. Хисар), нас предупредили: «Завтра праздник и вам надо пораньше выехать в Дели, так как по дорогам, со второй половины дня, молодежь начинает резвиться, особого внимания удостаиваются иностранные граждане». Действительно, по дороге, нашу машину окружила группа молодых парней. Они пытались открыть дверцы машины, вытащить нас обсыпать краской и облить водой. У нас хватило сил удержать двери из нутрии автомобиля. Помогало, что силенок у молодых людей оказалось маловато. Сопровождающий нас помощник атташе кричал шоферу индусу: «Газу, газу!». Так, нам удалось избежать этой процедуры. По дороге наблюдали такую картину: группа молодых людей остановили автобус, несколько их взобрались на крышу автобуса, остальные пытались его раскачать.

На следующий день в Дели, нам настоятельно советовали не покидать гостиницу. Все происходящее, мы наблюдали с балкона.

Напротив гостиницы находилось двухэтажное здание с балконами. С этих балконов на проходящих внизу неожиданно бросалась краска и выливалась вода. При удачном обливании раздавались радостные возгласы. А. Д. Задорин предположил, что участники этого обряда стимулировали себя каким-то наркотиком.

На протяжении всей командировки сопровождал нас помощник атташе по сельскому хозяйству В. Дюбель. В один из дней нашего пребывания в Дели он отвез нас в храм Лотос. Храм расположен за городом, занимает обширную территорию, местность открытая. Сооружен по решению ООН в виде цветка лотоса из белого камня, виден издалека. Создатели храма преследовали цель – объединить в одном центре все религии мира, по принципу «Бог для всех един». Нас встретила девушка – москвичка, находящаяся здесь в служебной командировке целый месяц. Она провела с нами экскурсию по храму, снабдила

рекламными проспектами на русском языке. Сооружение поражает своими внушительными размерами, издали смотрится как цветок лотоса. Храм охраняется военными. На мою попытку отклониться от маршрута, ступить на травяной газон, последовал окрик охраны. Пришлось ретироваться.

Коллеги Всеиндийского института зернобобовых культур организовали для нас экскурсию к храмам XII века «Кажгурахо». Добираться, до них автобусом, пришлось долго по полупустынной местности. Вдоль шоссе, по которому мы проезжали, встречались участочки площадью 2 – 3 сотки, огороженные низкой стенкой из кирпича-сырца. Их назначение и использование мне осталось непонятным. Шоссе, по которому пролегал наш маршрут, было узким. Большегрузные встречные фуры дорогу не уступали. Нашему водителю приходилось съезжать на обочину, чтобы уступить им дорогу.

В одну из вынужденных остановок, когда водитель менял колесо, мы с А. Д. Задориным решили прогуляться. Отошли не далеко от автобуса и обнаружили площадку с остатками от костров. В них лежали кусочки полуистлевшей материи. Оказалось это местом кремации. Поодаль лежали три собаки. С нашим приближением, они с рыком поднялись и отошли в сторону. Вероятно, они поедали несгоревшие останки усопших. На подъезде к «Кажгурахо». нас встретил продавец сувениров, стал настойчиво предлагать свой товар. На мой резкий отказ, недовольно сказал по-русски: «Зачем ругаешься».

Ансамбль храмов расположен вдалеке от населенных пунктов, на открытой местности; на территории покрытой зеленой травой, деревья отсутствуют. Храмы сооружены из светло-коричневого камня; их около десятка. Вход в храм только со снятой обувью. Внутри храма несколько залов. В центральном зале находится каменное божество, имя которого носит храм.

Я запомнил, только один «Храм Быка». Стены снаружи и изнутри украшают барельефы вырезанные в камне, отражающие ратные, бытовые, эротические и откровенно сексуальные сцены. Сооружение храмов относиться к XII веку. Строили их несколько столетий династия монархов. По одной из легенд, дочка монарха не хотела выходить замуж. Отец приказал на стенах храма вырезать в камне разные сексуальные сцены, дабы пробудить у нее интерес к замужеству. Этих монархов уже давным-давно не стало, но чудо, сотворенное в камне руками древних мастеров, продолжает восхищать туристов и посетителей спустя века.

В один из воскресных дней мы приняли участие в экскурсии по городу Дели. По словам, сопровождающего, нас представителя нашего посольства, гид плохо говорит по-английски и ему трудно

с его переводом на русский. А может и наш сопровождающий не очень владел навыками переводчика. Нам осталось довольствоваться короткими репликами, сопровождающего нас работника посольства, и созерцать исторические, религиозные и культурные ценности города Дели. Несмотря на языковые барьеры, нам удалось лицезреть «Красный форт», место кремации Индиры Ганди. Осталось в памяти посещение колоны чистого железа, неподверженной коррозии. Существует поверье, кому удастся обхватить колону руками, стоя к ней спиной, тот получит исполнение задуманного желания. Моя попытка обнять колону, стоя к ней спиной не удалась. Кто-то помог соединить мои руки. Оказался молодой индус, который попросил за услугу доллар. Такой валюты у меня не было. Выручила Антонина Михайловна Овчинникова, отдала ему коробку спичек.

За день экскурсии удалось посетить много памятных исторических мест. Возраст их уходит в глубокую древность. Дожили они до наших дней, благодаря старанию и мастерству древних зодчих, и народа индии, который бережно хранит свою историю. Закончилась наша экскурсия выставкой продажи персидских ковров ручной работы. Нам что-то показывали и рассказывали о этих коврах, но на меня они не произвели впечатления. Может потому, что у меня не было желания их приобрести, и отсутствовали финансы на их приобретение. В Индии по сей день, существуют касты. Контакты и родственные связи между ними исключаются. Религия запрещает употребление спиртного и есть мясо. Источником белка, в основном служат бобовые культуры, голубиный горох, нут, фасоль. Возделывают чечевицу и горох, но в небольших объемах. Растительный жир получают из горчицы. Много овощей и фруктов.

Свежие помидоры и бананы мы покупали на рынке в феврале-марте, по очень дешевой цене (3 – 5 рупей за килограмм) В то время (1991 г.) за наш рубль обменивали 33 рупии. Индия держит первенство по производству и поставке на мировой рынок ароматических веществ.

Покупательная способность многих жителей Дели не высокая. Об этом можно судить по отсутствию покупателей в магазинах. У входа в супермаркет обычно дежурит хорошо одетый молодой человек, раздает прохожим приглашение, а иностранцев приглашает с особой настойчивостью. В предложениях продать свой товар индуса проявляют исключительную изворотливость. Такой эпизод: на тротуаре стоит молодой человек и предлагает купить очки, А. Д. Задорин проявил интерес к этим очкам, взял посмотреть. Они ему не понравились и он очки вернул. Хозяин очков пошел за нами, настойчиво предлагая их купить. Несколько

раз оказывался впереди нас, со своими очками и просьбой купить.

В выходной день промтоварные магазины не работают. Возле них располагаются мелкие торговцы со своими товарами, преимущественно со своим рукоделием. Проходя мимо таких торговцев, А. М. Овчинникова поинтересовалась у одной женщины маленьким ковриком с изображением слона. Цена ее не устроила, и она вернула коврик хозяйке. Эта женщина шла за нами три квартала, предлагая купить этот коврик. Вероятно, не от хорошей жизни эта женщина бежала за нами три квартала, предлагая купить этот коврик. Надеялась, что иностранцы будут к ней благосклонны и возьмут этого слоника.

Коротко о научных учреждениях Индии. В Дели располагается Сельскохозяйственная Академия по типу нашей ВАСХНИЛ. Есть коллекционное хранилище семян растений, наподобие нашего Всероссийского института растениеводства. Семена хранятся в запаянных пакетиках из фольги, без воздуха и при температуре – 20°С; в течение десятков лет. В Хисаре мы посетили с/х университет. В нем есть огромная аудитория имени Индиры Ганди. В Канкуре знакомились с работой Всеиндийского института зернобобовых культур. Побывали на Международной сортоиспытательной станции под Эгидой ЮНЕСКО, где испытывают культуры и сорта из различных стран.

В коллективном хозяйстве, где испытывается и работает наша отечественная сельскохозяйственная техника, мы пытались узнать у руководителей этого хозяйства их экономические показатели: прибыли, рентабельность. Потратили много усилий, но от них мы не добились вразумительного ответа. Похоже, они о таких показателях понятия не имели. Побывали на полях и в садах принадлежащих хозяйству. Удивительно было смотреть в марте на деревья с созревающими плодами.

В кабинете у руководителя хозяйства на стене висит список смены директоров, Оказывается, с победой на выборах в стране одной из партий, меняется и руководство хозяйства, ее занимает член победившей партии.

На обратном пути нас завезли на картофельное поле фермерского хозяйства. Около двух десятков женщин, сидя на коленях, маленькими лопаточками выбирали из земли клубни картофеля; складывали их в плетеные корзины и относили в ворох.

У нашей сотрудницы А. М. Овчинниковой ветром подол платья оголил ногу чуть выше колен. Это вызвало у работающих женщин бурную реакцию, толи удивления, то ли осуждения, мы не поняли. Мы обратили внимание на то, что в Индии охраняется практически все, начиная от особняков (на входе будка с

вооруженным часовым) и кончая посевами, т.е. все, что может представлять интерес для похитителей. Вероятно, это связано с большим количеством бездомных, нищих и попрошаек. Поинтересовались, какой размер среднего фермерского хозяйства. Нам назвали площадь – 2…3 га. На таких участках земли все делается вручную, кроме вспашки на волах.

Спрашиваем у научных сотрудников: «Как решается проблема обеспечения производственных посевов сортовыми семенами сельхоз культур?». Ответ: «У нас такой проблемы нет. Все заявки на семена выполняются полностью». Очевидно из-за того, что большинство фермеров не имеют средств на закупку семян высоких репродукций, спрос на них минимальный.

Индия – мировой лидер по экспорту ароматических культур. В ресторанах, гостиницах на столах стоят вазочки с семенами какой-то зонтичной культуры, отбивающий запах изо рта.

В отличие от наших сотрудников, работники индийский НИУ получают более высокую зарплату (около 8 тысяч рупий). По сравнению с зарплатой рабочего (1 тысяча рупий) – это приличная зарплата.

Со слов их сотрудников, наука в Индии сильно обюрокрачена. Для решения научной проблемы необходимо обращаться в самые высокие правительственные инстанции.

Индийских ученых отличает какая-то медлительность. В институте зернобобовых культур (г. Канпур) в кабинете директора мы обсуждали договор о сотрудничестве. Простые вопросы и детали они «мусолили» подолгу. Доведись до наших сотрудников, эти вопросы были бы решены за 10…15 минут. Позже, когда обсуждали между собой, эту особенность индийских сотрудников, то пришли к заключению, такая медлительность в мыслях, связана с особенностями климата – жарой. В условиях 45°С, вероятно быстро двигаться и мыслить трудно.

В марте месяце мы приезжали на поле в рубашках с коротким рукавом, в то время как их сотрудники были одеты в костюмы с пододетыми шерстяными свитерами или пуловерами. Я не замечал, что бы им было жарко. Они не потели, им было комфортно.

Завершая свой рассказ о поездке в Индию, хочу сказать в заключение. Индия – древнейшая страна, по исследованиям ученых, имеющая общие корни со славянскими народами. В течение тысячелетий народ создал свою религию, культуру, обычаи, с учетом природных и исторических условий. Я благодарен судьбе, что на закате служебной карьеры посчастливилось побывать в такой стране; познакомиться с этим миролюбивым, добрым и многострадальным народом. В

основном простой народ Индии живет трудно.

По возвращению на родную землю, нас ожидали события, которые поэтапно разрушили нашу великую страну, а ее народы обрекли на нищету и вымирание, сравняли, а может где-то сделали хуже индусов.

21. Докторская

Находясь в служебной командировке в Индии, я много времени проводил в обществе директора института А. Д. Задорина. В одной из наших с ним бесед он произнес: «Почему Варлахов М. Д. – доктор, а Исаев нет?». Эта фраза стала отправной точкой, когда я стал думать о подготовке докторской диссертации.

Отпраздновав в ноябре 1993 года свое шестидесятилетие, я всерьез занялся подготовкой докторской диссертации. По совету А. Д. Задорина, остановился на защите в форме научного доклада. Благо опубликованных работ было достаточно (свыше 150 работ). Из большого количества проведенных опытов более чем за 30 лет, было необходимо выбрать наиболее существенные, сгруппировать их, обставить доказательствами и аргументировать.

Первый вариант доклада получился по объему в два раза больше, чем требовалось. Я показал его зав. лаб. Физиологии профессору А. П. Лаханову.

Он очень добросовестно отнесся к моей просьбе; потратил на рецензирование моей работы целую неделю; раскритиковал структуру и стиль изложения. Я написал доклад, как публиковал свои работы, а надо определить проблему, ее разделы и излагать суть, подкрепляя ссылками опубликованных работ. Это оказалось значительно сложнее, чем писать диссертацию, пространно описывать эксперименты на 300-350 страницах рукописи. На осмысление полученных многолетних опытов я потратил почти год, оставляя наиболее ценные результаты, и избавляясь от менее существенных. Доклад редактировал А. Д. Задорин. Он три раза заставлял его переделывать.

В начале сентября 1994 года меня слушал ученый совет института. Разбор был достаточно жесткий. Члены совета: Н. В. Фесенко, В. И. Летуновский, А. Н. Зеленов, Л. Н. Гнетиева и другие сказали свои замечания и предложения. Такого подробного и строгого обсуждения в последующих слушаниях, вплоть до публичной защиты, не было. Вероятно, члены ученого совета хорошо знали меня и мою работу, поэтому так активно ее обсуждали. Не обошлось и без элементов некоторой зависти: «Вот, выискался доктор».

Получив, добро ученого совета на представление к защите; по договоренности директора института Задорина с директором НИИСХ Центрального Нечерноземья В. М. Печуковым, я повез доклад в Немчиновку. Оказалось, что он ушел в отпуск. Без его

визы диссертацию к защите принять ученый совет не может.

Удалось встретиться с зав. отделом земледелия профессором Сараниным Константином Иссидоровичем. Он при мне прочел доклад, одобрил его. Сказал, что для защиты диссертации в форме доклада нужно иметь сорт или монографию. Последняя у меня имелась. Беседа закончилась дружеским ужином. С собой я припас бутылку «Дворянской» настойки и бутерброды. Мы их уничтожили.

Вначале ноября, Виктор Макарович вернулся из отпуска. Он с ученым секретарем совета В. М. Лапочкиным были в нашем институте и при встрече назначили предзащиту на тех. совете института 8 ноября. Привожу выписку из протокола заседания научно-технического Совета технологического центра НИИСХ ЦРНЗ.

Присутствовали: доктора с.-х. наук, профессора С. С. Сдобников, К. И. Саранин, Г. В. Благовещенский, доктор с.-х. наук В. Ф. , доктор биологических наук А. К. Миненко, кандидаты с.-х. наук Е. К. Дудинцев, П. М. Политыко, В. А. Бойков, В. Д. Штырхунов, Е. К. Саранин, А. С. Каланчина, М. М. Галкина.

Слушали:

- Сообщение Исаева А. П. по диссертационной работе на тему: «Агротехническая и энергосберегающая роль зерновых бобовых культур в лесостепной зоне Европейской части России», представленной на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук в форме научного доклада, по специальности 06.01.01 – Общее земледелие.
- Рецензии на диссертацию доктора с.-х. наук профессора Саранина К. Д., доктора с.-х. наук профессора Дебелого Г. А. и доктора с.-х. наук Кирдина В. Ф.

При обсуждении работы соискателю было задано 10 вопросов, на которые он дал квалифицированные ответы. Помимо рецензентов, при обсуждении работы, выступили: доктор с.-х. наук, профессор Сдобников С. С., доктор с.-х. наук Миненко А. К., доктор с.-х. наук Саранин К. С., кандидат с.-х. наук Политыко П. М., которые отметили актуальность проведенных исследований, их большое теоретическое и практическое значение и поддержали предложение рецензентов рекомендовать диссертационную работу Исаева А. П. к защите в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук по специальности 06.01.01 – общее земледелие.

Постановили:

- Основные научные положения, выводы и рекомендации соискателя в ранее опубликованных работах, имеют большое теоретическое и практическое значение.

• Оценить докторскую диссертацию А. П. Исаева (в форме научного доклада) положительно. Она отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Рекомендовать специализированному Совету НИИСХ ЦРНЗ принять ее к защите (в форме научного доклада) по специальности 06.01.01- общее земледелие и предложить специализированному Совету Д.020.19.01:

а) в качестве ведущего предприятия – Всероссийский научно-исследовательский институт земледелия и защиты почв от эрозии (г. Курск);

б) в качестве официальных оппонентов: Бузмаков Василий Васильевич, доктор с.-х. наук, профессор НИИ по кадровым и социальным проблемам. Посыпанов Георгий Сергеевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор с.-х. наук, профессор, ТСХА. Кирдин Владимир Филиппович, доктор с.-х. наук НИИСХ ЦРНЗ.

Защиту назначили на 27 декабря 1994 г.

Оставшееся время до защиты я репетировал доклад. Первые репетиции получились корявыми и длинными. Вместо, положенных минут, у меня уходил час. Постепенно я добился, что стал укладываться в отведенный срок. Приходилось оттачивать каждую фразу и ее зазубривать. Давалось это большим напряжением воли и времени. Весь доклад, эти данные и заключения настолько приелись, надоели, что стоило мне больших усилий раз за разом его повторять. Другого способа подготовки у меня не было.

Настал срок защиты. Накануне меня принял и тепло побеседовал со мной председатель диссертационного совета В. М. Пенчуков. Сказал, что надо в Вашем институте разворошить болото. Он имел в виду плохо поставленное дело по защите докторских диссертаций. Предупредил, что доклад должен длиться не более 35 минут. Отзывов должно быть от докторов не более десяти, если больше, то это пахнет дурным тоном.

К концу дня из дома приехали А. Д, Задорин и с ним Алексей, в качестве «группы поддержки». Привезли все необходимое для традиционного фуршета, после успешной защиты. Мы с Задориным и его шофером поселились в институтской гостинице. До этого я, приезжая в Москву, останавливался у брата Петра. Он обеспечивал кров, стол и моральную поддержку. Я ему благодарен за его большую братскую любовь. Вечером к нам в комнату пришел В. М. Пенчуков с бутылкой водки «Хлебная». Вечер прошел в дружеской обстановке.

Настал день защиты, 27 декабря. Время до заседания совета я потратил на пешую прогулку по окрестностям Немчиновки,

стараясь не думать о предстоящей процедуре. Как проходила защита? Приведу фрагменты.

Председатель: «Товарищи, разрешите начать заседание специализированного совета». На заседании присутствует 14 членов совета, из них 5 докторов наук по специальности рассматриваемой диссертации.

Присутствуют следующие члены совета:

Пенчуков В. М. – д.с.х.н. 06.01.01

Неттетевич Э. Д. – д.б.н. 06.01.01

Лапочкин В. М. – к.с.х.н. 06.01.01

Березкин А. Н. – д.с.х.н. 06.01.05

Благовещенский Г. В. – д.с.х.н. 06.01.01

Гончаренко А. А. – д.с.х.н. 06.01.05

Гуляев Г. В. – д.с.х.н. 06.01.05

Дебелый Г. А. – д.с.х.н. 06.01.05

Никитенко Г. Ф. – д.с.х.н. 06.01.05

Пекеньо Х. П. – д.с.х.н. 06.01.01

Саранин К. И. – д.с.х.н. 06.01.01

Сдобников С. С. – д.с.х.н. 06.01.01

Федорова Т. Н. – с.б.н. 06.01.05

Фоканов А. М. – д.с.х.н. 06.01.05

На повестке дня защита тов. Исаевым А. П. диссертации в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук на тему: «Агротехническая и энергосберегающая роль зерновых бобовых культур в лесостепной зоне Европейской части России».

Для оглашения материалов соискателя слово предоставляется ученому секретарю.

После оглашения основных сведений о соискателе, слово для доклада представили мне.

Доклад основательно зазубрил и сделал его на «автомате», как советовал В. М. Пенчуков, за 35 минут (вместо положенных 45 минут).

Заданные вопросы членами диссертационного совета для меня затруднений не вызвали, так как каждое положение и вывод прожил и попустил через себя.

Д.с.х.н. Фоканов А. М.: «В конце своего доклада вы говорили о способах уборки – раздельным и прямым комбайнированием. Вы изучали качество семян?»

Товарищ Исаев А. П.: «Много зависит от погоды. Наши данные показывают, что при прямом комбайнировании, если оно проводится в благоприятных условиях, качество семян не хуже, чем при раздельной уборке. Отмечено чем дольше семена находятся в поле, тем хуже их посевные качества».

Д.с.х.н. Фоканов А. М.: «При раздельной уборке они тоже могут долго находиться в валках?»

Товарищ Исаев А. П.: «Да. Если валок попал под дождь, то вреда больше. В условиях затяжных дождей лучше горох оставлять на корню. В этом случае потери будут значительно меньше. Должно быть разумное сочетание использования обоих способов уборки».

Д.с.х.н. Березкин А. Н.: «У меня несколько вопросов. В таблице №3 вы показали бездефицитный гумус при 30% насыщения зерновыми бобовыми культурами. В то же время в ответе Тамаре Никитичне сказали, что это много, потому что падает урожайность. Таким образом, вы своими исследованиями даете вывод, что у вас гумус будет падать. Какие же пути вы все-таки предлагаете, чтобы гумус удержать на том уровне, как он был до ваших опытов?»

Товарищ Исаев А. П.: «Одним из таких путей является включение многолетних бобовых трав в севообороте. Севооборот с клевером 1 года пользования обеспечивает бездефицитный баланс гумуса. При одном поле зернобобовых не достигается положительный результата. При 2-3 полях зерновых бобовых культур баланс гумуса положительный, но мы не рекомендуем такого насыщения, так как в этом случае продуктивность зерновых бобовых существенно снижается».

Д.с.х.н. Березкин А. Н.: «Из экспериментальных севооборотов, который вы изучали в своих многолетних стационарах вытекает, как будто в Орловской области животноводство отсутствует, нет многолетних трав и т.д. Какой самый распространенный севооборот в Орловской области?»

Товарищ Исаев А. П.: «В хозяйствах Орловской области освоены в основном 8-10 польные севообороты. В большинстве случаев это: полполя черного пара, половина занятого пара, затем озимые, далее, если это свекловичная зона, сахарная свекла, если картофельная, то картофель. После картофеля размещается яровая зерновая культура, обычно ячмень. Затем следует гречиха или горох, озимые, яровая культура и опять сахарная свекла или картофель.

В качестве однолетних трав используются, в основном, вико-овсяные смеси, а также многокомпонентные смеси с подсолнечником. Есть севообороты и с многолетними травами.

При закладке стационара в начале 70-х годов нам нужно было полнее изучить роль зерновых бобовых культур. Вместе с тем в экспериментальных севооборотах возделывались картофель, сахарная свекла, многокомпонентные смеси, клевер и другие, типичные для области культуры».

Д.с.х.н. Березкин А. Н.: «Вы предлагаете использовать посевы разного видового состава зерновых бобовых культур. Существует ли проблема семеноводства таких культур, как кормовые бобы и другие? Эти проблемы решены у вас в институте или в Орловской области?»

Товарищ Исаев А. П.: «Если говорить об Орловской области, то проблемы семеноводства зерновых бобовых нет, особенно с созданием наших, местных сортов. Они прекрасно вызревают. В любой год мы получаем семена гороха, кормовых бобов, люпина. Соя в отдельные годы не вызревает. В пошлом году мы семян сои не получили, Люпин, кормовые бобы, горох, вика, чина вызревают».

Д.б.н. Неттевич Э. Д.: «Вы говорите о зерновых бобовых культурах. Какой вариант для этой зоны вы рекомендуете – соотношение отдельно бобовых: гороха, вики, бобов, люпина? О чем речь?»

Товарищ Исаев А. П.: «Основная зернобобовая культура в лесостепной зоне – горох. Он и занимает главные площади в большинстве хозяйств. На втором месте находится вика. Кормовые бобы успешно возделываются только в условиях достаточного увлажнения в качестве дополнительной культуры, а люпин – на песчаных почвах. Изучением конкретных соотношений зернобобовых я лично не занимался. В институте такие рекомендации есть».

Проф. Сандухадзе Б. И.: «В Орловской области есть хозяйства передовые, есть хозяйства среднего уровня развития, есть отстающие. В общих чертах можете сказать, какое там соотношение зерновых с бобовыми? Есть такая корреляция – 15-20% зернобобовые и хозяйство получает высокие уровни зерна и т.п. Какова перспектива?»

Товарищ Исаев А. П.: «По системе земледелия, которая разработана с нашим участием, бобовые в области должны занимать 7-8% пашни. Фактически только в отдельных передовых хозяйствах такое насыщение севооборотов зернобобовыми, лучшие из них имеют 10-12%. По области зерновые бобовые культуры занимают пока 4% или 40-50 тыс.га, а требуется 100-120 тыс. га. Отмечено, чем хуже хозяйство, тем меньше сеет бобовых культур».

Председатель: «Есть еще вопросы к соискателю?»

Вопросов нет.

Для оглашения отзывов, присланных на диссертацию и автореферат, слово предоставляется ученому секретарю.

К.с.х.н. Лапочкин В. М.: «В качестве иллюстрации к защите привожу несколько отзывов, присланных из разных НИУ».

ОТЗЫВ

на докторскую диссертацию А. П. Исаева в форме

научного доклада «Агротехническая энергосберегающая роль зерновых бобовых культур в лесостепной зоне

Европейской части России»

Диссертационная работа А. П. Исаева посвящена весьма актуальному вопросу – роли зернобобовых культур в земледелии в зоне благоприятной для их возделывания. При этом вопрос рассмотрен довольно широко и достаточно глубоко для докторской диссертации.

За последние голы недооценка зернобобовых культур как фактора улучшателя почвенного плодородия, обладающих таким замечательным свойством как симбиоз с бактериями азотфиксаторами, не только не уменьшалась, но еще более усугублялась. Считается у производственников, что причиной этому трудности в сельскохозяйственном производстве в связи с переходом к рыночной экономике. Результаты исследований, представленные в диссертации А. П. Исаева, доказывают как раз обратное – то, что зернобобовые культуры в это время, если к ним отнестись с надлежащим вниманием, могут помочь преодолеть эти трудности в частности облегчить, а в некоторых случаях полностью решить вопрос об азотном питании культур севооборота.

Раздел исследований по изучению роли зернобобовых в севооборотах весь наполнен элементами новизны, так как такого различного насыщения севооборотов зернобобовыми, включая бессменные посевы, никем не проводились. А исследования по изучению причин падения урожаев зернобобовых в севооборотах при переходе определенного порога насыщения ими севооборотов очевидно можно признать классическими. Нормативные данные, полученные диссертантом при этом, наверное, станут таковыми и в соседних регионах.

Зернобобовые культуры в севооборотах хорошо изучены диссертантом как предшественники других культур. Но не только, им оценена также продуктивность и энергоемкость таких севооборотов в целом, что несомненно является новым, как в земледелии – учение о севооборотах, так и в растениеводстве – технология возделывания зернобобовых культур.

Много сделал диссертант в области изучения продуктивности смешанных посевов зернобобовых с другими культурами. Им предложены оригинальные смеси с участием кормовых бобов люпина сои и др.

Система борьбы с сорняками, рассматриваемая диссертантом как неотъемлемая часть системы земледелия, но акцентированная на технологии возделывания зернобобовых культур изучена им весьма широко. Тем более диссертант работает по этому вопросу уже свыше двадцати лет. Кстати, поэтому многие установленные им закономерности потеряли свежесть, блеск новизны. Тем не менее, надо отметить, что по вопросу химической прополки, и сочетания ее с механическими средствами борьбы с сорняками на зернобобовых А. П. Исаев был одним из первых, если не первым, исследователем.

Изучение других вопросов технологии возделывания зернобобовых культур, выполненные диссертантом, а именно обработка почвы и уборка, органически вписаны им в системы, обуславливающие правильное освоение севооборотов с зернобобовыми культурами, давшие выбор путей оптимизации не только технологий возделывания культур, но и сохранения почвенного плодородия, уменьшения энергоемкости.

Как всякая стоящая работа, диссертация А. П. Исаева не лишена и недостатков. Так, при анализе севооборотов, он совершенно не затронул вопрос об устойчивости севооборотов с зернобобовыми культурами. В то же время, уделяя достаточно внимания возможности их интенсификации. Не редко при определенных условиях устойчивость земледелия и его интенсификация становятся антогонистами.

На странице 24 диссертантом рекомендуются наиболее продуктивные, оригинальные, смешанные посевы зернобобовых культур, сроки уборки некоторых обозначенные автором же, далеко не отвечаю оптимальным срокам сева озимых. А на странице 25 говорится, что они хорошие предшественники озимых культур, необходимы уточнения.

Диссертация читается легко, т.к. написана просто и доходчиво. Но конечно, попадаются и неудачные выражения. На странице 8 сказано, что снижение урожайности оставалось достаточно низкой, причем здесь слово «достаточно»! С какой стороны «достаточно»?

Нельзя не отметить и бросающееся в глаза, злоупотребление словом «агроценоз», причем ни разу не примененное точно» так как автор его относит к агрофитоценозу. Наблюдения и исследования его только и относились к агрофитоценозу.

Однако отмеченные недостатки нисколько не умаляют главных достоинств диссертации. Они только показывают, что при дальнейшей проработке материала и редакции его можно преподнести еще лучше, а это бывает только в случае добротного материала.

Следует отметить, что методика полевых» лабораторно-полевых и лабораторных опытов, а также сопутствующих исследований, применяемая диссертантом не вызывает замечаний.

В заключение необходимо сказать, что А. П. Исаев хорошо известен в научных кругах как один из ведущих ученых в области технологии возделывания зернобобовых культур и пропаганде повышения их роли в земледелии. В то же время он хороший практик, не чурающийся черновой работы на поле, желанный консультант в хозяйствах Орловской области.

Таким образом, из всего изложенного явствует, что диссертационная работа А. П. Исаева соответствует требованиям, предъявленным к докторским диссертациям, а сам он заслуживает присвоения ученой степени доктора сельскохозяйственных наук.

Д.с.х.н. Б. П. Гончаров

ОТЗЫВ

на диссертацию А. П. Исаева, представленную к защите на соискание ученой степени доктора с.-х. наук в форме научного доклада

Александр Петрович Исаев известен в кругах растениеводов и земледелов как высокоэрудированный специалист по культуре зерновых бобовых растений. В продолжении почти 30 лет им организованы и под его руководством проведаны всесторонние исследования зернобобовых растений в условиях лесостепи европейской части России. По результатам исследований им опубликовано более 90 работ и сделано много докладов на научных конференциях. Им осуществляется подготовка научных кадров через аспирантуру.

Вполне логичным итогом исследовательской работы А. П. Исаева является представление к защите диссертации на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук.

Диссертация выполнена на актуальную тему, во главу которой поставлена на разрешение задача по энергосбережению в земледелии на основе всесторонней биологизации, в частности использования азотфиксирующей способности культуры зерновых бобовых растений.

В условиях датирования рыночных отношении в аграрном секторе экономики, резкого повышения цен на минеральные удобрения и энергоносители эта часть исследований приобретает

особую ценность, так как она дает сельским товаропроизводителям конкретные ориентиры как обходиться меньшими затратами техногенной анергии при выращивании урожаев и воспроизводстве почвенного плодородия, что имеет не только экономическое значение, но и экологическое.

В целом работу А. П. Исаева можно расценить как новое перспективы направление в сельскохозяйственной науке, так как им выдвинуто и разработано положение о зерновых бобовых культурах как факторе биологической интенсификации земледелия и энергосбережения за счет азотфиксации и минимализации обработки почвы. Им обоснованы факторы, которые ограничивают пределы насыщения севооборотов зернобобовыми культурами, связанные с фитосанитарным состоянием почвы и посевов. Помимо традиционных методов растениеводства и земледелия в работе А. П. Исаева широко использованы математические методы и дана энергетическая оценка эффективности производства растительного белка.

В целом работа А.П.Исаева является примером комплексного подхода к исследованию крупной научно-производственной проблемы накопления ресурсов растительного белка посредством интенсивной культуры зерновых бобовых растений с максимальным использованием симбиотического азота в обширном земледельческом регионе лесостепи Европейской части России.

Считаю, что А.П.Исаев заслуживает присуждения ученой степени доктора сельскохозяйственных наук.

Д.с.х.н. В.И.Морозов

Председатель: «Кто желает выступить?»

Д.с.х.н. Дебелый Г.А.: «Я вполне согласен с выступавшими оппонентами и присоединяюсь к их мнению о том, что работа Александра Петровича относится к тем, которые можно характеризовать как решение крупной научно-технической проблемы, имеющей большое народнохозяйственное значение.

Интересно отметить, что Александр Петрович работает в институте со дня его организации, можно сказать, в настоящее время является основой, вернее одним из элементов основы, на которой сформировался Всероссийский федеральный центр по зернобобовым культурам.

Нельзя не отметить, что это первый в России федеральный центр. Самое интересное чего никто не ожидал, по таким культурам будто бы раньше не замечаемым, как зернобобовые. Это свидетельствует не только о значимости этих культур, это свидетельствует о больших достижениях всего коллектива этого

института как в отношении технологий, основы которых здесь представлены Александром Петровичем, так и в отношении селекции и других отраслей науки.

Рассматривая работу Александра Петровича, нужно сказать, что впервые у нас в России сформулирована основа для программирования урожайности и увеличения урожайности в основном гороха и других зернобобовых культур.

Я не буду повторять положительные отзывы, которые были высказаны в адрес Александра Петровича, мне бы хотелось высказать такого рода замечание – недостаточно все-таки прозвучала здесь значимость и пропаганда зернобобовых культур. Только за последние 5 лет, например, во Франции площадь посевов гороха возросла с 50 до 500 тыс. гектаров, 300 тысяч сейчас сеет Дания. В Дании хотят больше пашни занять горохом. 3 года назад у нас выступала представительница ВИРа, рассматривалась работа по ячменю, она нас уверяла, что свиней в Дании кормят одним ячменем. Последние данные, которые недавно опубликованы в реферативном журнале, свидетельствуют, что 25% площадей пашни Дании будет занимать горох. Это говорит о значимости данной культуры как кормовой, пищевой и сидеральной.

В наше время, когда мы несем большие расходы на энергоносители, когда большую стоимость представляют собой минеральные удобрения, я бы сказал - не самое главное стоимость энергоносителя, удобрений, а самое главное - в защите окружающей среды. Даже если перейдем на минимальные дозы, все равно настолько наша среда насыщена различными элементами жизнедеятельности человека, что только переход на биологическую систему земледелия поможет сохранить человечество в ближайшем тысячелетии.

К сожалению, биологи и политики не придают значимости этой проблеме.

Я считаю, что Александр Петрович вложил свой большой камень в организацию федерального центра и биологическую систему земледелия, основанную на зернобобовых культурах. Я целиком за».

Д.с.х.н. Саранин К.И.: «Я о содержании говорить не буду, а хочу сказать о другой стороне работы Александра Петровича.

Во-первых, работа защищена на актуальную тему. Как раз сейчас мы говорим о том, что как можно больше надо сеять бобовых культур с тем, чтобы сэкономить энергию. Сами бобовые дают много азота, ценность, конечно, огромная.

Я хотел бы обратить внимание на то, что работа построена на

солидной основе. С 1962 г. терпеливо Александр Петрович занимается бобовыми культурами. За это время выполнил 25 различных полевых опытов, это может почувствовать только тот, кто занимается полевыми опытами. Тяжело ему пришлось. Он занимался пропагандой. Рекомендации по зерновым бобовым культурам разработаны с участием соискателя, а их 15 рекомендаций союзного значения и по России.

Я хочу сказать, что у Александра Петровича будут определенные трудности в ВАКе, но он их избежал. Во-вторых, у него есть монография. Монография снимает все возражения о том, что диссертация защищена в форме научного доклада, а не написана диссертация. Это нужно отметить в решении.

И еще я хотел сказать к этому же, что правомерна защита в форме научного доклада. Во-первых, Александр Петрович известен у нас по всей зоне Нечерноземной как человек, который занимается бобовыми, определил их роль в поднятии земледелия в Нечерноземной зоне. Это важно, потому что у нас таких представителей, которые долго занимаются бобовыми культурами, в центральной России очень мало. Это тоже плюс для работы.

Мы по сути дела, в настоящее время по биологическому земледелию пользуемся данными Александра Петровича по накоплению азота в почве, в зависимости от возделывания бобовых культур, по корневым остаткам, по насыщению севооборотов бобовыми культурами. Для меня было раньше откровением, что в нашей зоне больше одного поля в 8-10 польном севообороте сеять нельзя бобовых. В Дании наверное ошибутся, потому что они на 25% площади рассчитывают, сразу начинаются болезни, а Дания до того заражена всеми пестицидами, что Геннадий Андреевич, помогите датчанам, чтобы они этим делом занимались, а вошли в норму, которая рекомендуется по нашим данным.

Я считаю, что работа Александра Петровича выполнена на солидной основе. Некоторые могут спросить: «Что нового?» Новое то, что он вместе со всеми начал работу, независимо от других авторов он сделал свои выводы, которые по сути дела не расходятся с другими, но это тоже заслуга.

Я считаю, что диссертация заслуживает того, чтобы за нее присудить Александру Петровичу ученую степень доктора сельскохозяйственных наук».

Кузяков П.П. – представитель Минсельхозпрода России: «Уважаемые члены совета, присутствующие!

Я работаю в Минсельхозе, занимаюсь производством зернобобовых и крупяных культур.

Работа Исаева А. П. имеет большую актуальность, но мне хотелось бы оттенить один момент. Имеются научные разработки по технологии возделывания и рекомендации, но их практическое применение в производстве желает лучшего.

Что касается зернобобовых, гороха, вы знаете, что горох составляет более 90% производства всех зернобобовых. Это основная культура, она и останется. Но то, что только около 3% занимают бобовые в зерновой группе – это очень мало. Даже в области, где находится институт зернобобовых только около 5%. Татарстан, Ульяновская область сеют зернобобовые больше. Начиная от разработок до внедрения надо влиять действеннее. Конечно, есть вопросы селекции, есть вопросы механизации, вы это лучше меня знаете, и мы это ощущаем, работу надо продолжать в этом плане.

Научно-технический совет Минсельхозпрода рассматривал технологию производства зернобобовых культур, она одобрена научным советом. Мы слушали представителя института, имеются рекомендации. За последние годы в центральных районах Нечерноземной зоны, Центрально-черноземной полосе урожайность повысилась на 32-35%. Это неплохой показатель, немалый процент занимает горох.

Проводил Минсельхозпрод семинар на базе Орловской области. Были мы в одном из хозяйств, где бобовые занимают 15% пашни. Мы видели, какой прекрасный горох в чистом виде. Мы надеемся на науку, в данном случае на Александра Петровича. Он в этих разработках был одним из ведущих авторов.

Я считаю, что выполнена полезная работа. Думаю, что зернобобовые культуры получат расширение, в частности, горох в Нечерноземной зоне. Тема актуальна и нужна».

Проф. Задорин А.Д.: «Я не хочу говорить о работе, о ней много сегодня говорили. Я хочу сказать несколько слов о самом диссертанте. Далеко не каждому выпадает такое счастье как Александру Петровичу родиться, жить, работать и получить известность в одном месте. Только служить в армию он отлучался и когда обучался в институте.

Все, что делает, делает основательно. Сельскохозяйственный техникум окончил с отличием, институт – с отличием и трудится основательно. Человек исключительной скромности. Достаточно сказать, что у него первая монография вышла в 1978 году, уже по этой монографии он мог быть доктором. Вторая монография вышла в 1986 году, а докторскую диссертант защищает только сейчас.

Здесь очень много вопросов задавали, как в области обстоят дела? Петр Павлович рассказал о гороховом поле, которое

посещали. Оно дало 44 ц/га. У нас в опытном хозяйстве урожайность гороха составила 47 ц, а в совхозе «Красный октябрь» Брянской области, Стародубского района 2 года подряд по 54 ц гороха на площади 400 гектаров.

Александр Петрович в Орловской области является не по должности, а по сути своей главным агрономом. Нет ни одного семинара, нет ни одного мероприятия, которые бы проходили в области, чтобы не выступил Александр Петрович, или чтобы не привезли к нему людей поучиться, как надо делать.

Я считаю, что те отзывы, которые здесь были, вполне справедливы в отношении и работы и диссертанта. Я думаю, что ученый совет сможет принять правильное решение по оценке его работы».

Д.с.х.н. Пенчуков В.М.: «Дорогие друзья! Мы сегодня в 10 часов провели Ученый совет, на котором слушали директоров опытных хозяйств. Какой же выход из создавшейся ситуации найти? Пришли к единственному заключению – только за счет биологизации, за счет внедрения бобовых и зернобобовых культур. Александр Петрович, я хотел вас пригласить на этот Ученый совет по биологизации земледелия наших опытных хозяйств. Мне приятно было слышать вашу защиту, которая созвучная с нашими мнениями.

Дорогие друзья! Я в последние годы часто бываю в Орловской области. Институт зернобобовых культур, а сейчас Федеральный центр – настоящая Мекка. В этом институте делается много по селекции, по отработке технологии, с учетом биологизации, одним из основных участников этих дел является Александр Петрович. Петр Павлович, вы статистику одностороннюю назвали. Почти во всех регионах, зернобобовые культуры не сокращаются, а увеличиваются. Если с этой позиции посмотреть на статистику, то она совсем иное созвучие имеет. В этом отношении велика заслуга Института зернобобовых культур, велика заслуга Александра Петровича.

Не случайно в Орловской области в этом году одна из самых высоких урожайность, выше на полтора центнера только в Татарии. Почему в Татарии самая высокая урожайность из всех российских регионов? Там имеется 400 тысяч гектаров люцерны, 160 тыс. гектаров гороха. Ни в одном регионе столько бобовых и зернобобовых нет, следующая Ульяновская область, затем Орловская область. Я не сомневаюсь, что в связи с созданием Федерального государственного центра, в структуре посевных площадей Орловской области бобовые и зернобобовые культуры будут доведены до оптимальных размеров. Поэтому работы Исаева А. П. имеют колоссальное практическое значение. В

ситуации, когда на минеральные удобрения нет денег единственная палочка-выручалочка – это бобовые и зернобобовые культуры, это максимальная биологизация земледелия и, конечно, соблюдение научно обоснованных севооборотов, соблюдение классического плодосмена. Это единственный выход.

Александр Петрович прекрасно владеет материалом, каждой цифрой этих материалов. Это настоящий певец зернобобовых культур.

Встречаясь со специалистами на Орловщине, встречаясь с руководством Орловской области, видишь, каким уважением этот человек пользуется в области, как уважительно в этой области относятся к сельскохозяйственной науке.

Я согласен с мнением официальных и неофициальных оппонентов, чтобы дать положительную оценку этой уникальной работе».

Председатель: «Заключительное слово предоставляется соискателю».

Товарищ Исаев А. П.: «Спасибо за все замечания, я их учту в дальнейшей работе. Согласен со всеми замечаниями и предложениями, которые вы сказали».

Проводится процедура голосования.

Результаты голосования – за ходатайство перед ВАК о присуждении тов. Исаеву А. П. ученой степени доктора сельскохозяйственных наук подано 14 голосов, против – нет, недействительных бюллетеней – нет.

Председатель: «Есть предложение утвердить протокол комиссии».

(Протокол счетной комиссии утверждается единогласно).

«Членам совета роздан проект заключения, какие есть замечания?»

(Члены совета обсуждают проект заключения)

Есть предложение заключение принять в следующей редакции:

Заключение

Специализированного Совета Д 020.19.01 в НИИСХ центральных районов Нечерноземной зоны на диссертацию Исаева А. П. «Агротехническая и энергосберегающая роль зерновых бобовых культур в лесостепной зоне Европейской части России»

Актуальность проблемы. Экологически сбалансированное сельское хозяйство подчинено принципам взаимодействия отдельных его звеньев, одним из которых является сукцессия - естественная смена природных растительных сообществ. Ее аналогом в агроэкосистеме выступает севооборот. При этом набор

культур в севообороте должен строиться на более полном использовании каждой культурой биопочвенного потенциала, а также интенсификации полеводства биологическими методами, в т.ч. особые свойств бобовых растений (симбиотическая азотфиксация).

Несмотря на то, что место и роль бобовых в севообороте, технология их возделывания изучены в основных земледельческих зонах, значение их как фактора интенсификации и энергосбережения раскрыты недостаточно. Эти же факторы в настоящее время играют первостепенную роль, так как применение минеральных удобрений за последние годы снизилось более чем на половину, из-за сокращения производства и роста цен. По этим же причинам возросла стоимость энергоносителей. Интенсификация земледелия за счет более полного использования энергии солнца, сокращение применения химических средств защиты растений за счет биологических функций плодосмена выступают на первое место в условиях рыночных отношений.

Разработка приемов, позволяющих максимально насытить севообороты зерновыми бобовыми культурами, изучение их как фактора интенсификации и энергосбережения посвящена настоящая работа. Исследования по перечисленным проблемам проводились в соответствии с планами МСХ СССР, ВАСХНИЛ, РАСХН по решению научно-технической проблемы производства зерна, в том числе высокобелкового: 0.51.03 «Зерно» № 0187024705; «Кормовой белок» № 0191004433, координационными планами по проблемам «Разработать научные основы и принципы построения севооборотов в интенсивном земледелии» (1971-1900 гг.), «Разработать технологии ресурсосберегающей минимальной обработки почвы для зональных систем земледелия» (1981-1990 гг.).

Научная новизна заключается в том, что соискателем применительно к условиям лесостепной зоны Европейской части России сформулированы:

-концепция биологической интенсификации земледелия за счет возделывания зерновых бобовых не только, как фактора использования азотфиксации на формирование собственного урожая и последующих культур, но и фактора, стимулирующего усвоение элементов питания другими растениями ценоза;

-концепция энергосбережения в земледелии за счет возделывания зерновых бобовых культур (азотфиксация) и элементов минимализации обработки почвы;

-обоснование допустимой степени насыщения севооборотов зерновыми бобовыми культурами в зональном разрезе для

получения максимальной отдачи их, как фактора интенсификации;

-принципы и концепция подбора и возделывания зерновых бобовых культур в агроценозах, обеспечивающих более полное и рациональное использование биоклиматического потенциала зоны, конкурентоспособность с сорняками и получение полноценного корма.

Выводы диссертации достоверны и обоснованы, что подтверждается экспериментальным материалом, статистической обработкой опытных данных и первичной документацией.

Практическая ценность работы заключается в том, что соискателем обоснованы и рекомендованы производству:

– специализированные севообороты с зерновыми бобовыми культурами и установлены пределы максимального насыщения ими севооборотов с учетов почвенно- климатических зон – освоены на площади 500 тыс.га приемы минимализации обработки почвы в звене севооборота с зерновыми бобовыми культурами, применяемые ежегодно в Орловской области на площади 70 – 80 тыс.га;

– подобраны и рекомендованы высокобелковые агроценозы на корм, усовершенствована технология их возделывания, увеличивающая сбор белка на 30...40%, а в ряде случаев в 2...2,5, раза в сравнении с фуражными злаковыми культурами;

– технология возделывания гороха и кормовых бобов;

– комплекс мер борьбы с сорными растениями в посевах зерновых бобовых культур с включением агротехнических и химических мер, сроки и способы уборки гороха, обеспечивающие продление оптимального срока на 2...3 дня и снижение потерь семян на 1…2 ц/га. Основные положения, разработанные автором, вошли в рекомендации союзного, республиканского и зонального уровней. В целом результаты исследований А. П. Исаева можно квалифицировать как решение крупной научной проблемы – биологической интенсификации земледелия за счет зерновых бобовых культур и существенного снижения энергозатрат посредством азотфиксации и минимализации обработки почвы в севообороте.

Рекомендовать предложения соискателя для внедрения в лесостепной зоне Европейской части России. Результаты исследований о роли зерновых бобовых культур в земледелии, влияние их на водный и пищевой режим почвы, продуктивность севооборота следует использовать в курсе земледелия при подготовке студентов агрономических специальностей.

Классификационные признаки диссертации

Характер результатов диссертации

• Решение научной проблемы, имеющей важное народнохозяйственное значение.

2. Уровень новизны результатов диссертации

2.1 Результаты являются новыми.

3. Ценность результатов диссертации

3.2. Высокая.

4. Связь темы диссертации с плановыми исследованиями

4.1. Тема входит в государственную тематику или программу международных исследований.

5. Уровень использования результатов диссертации, имеющей прикладное значение

5.3. В масштабах отрасли.

6. Рекомендации по расширенному использованию результатов диссертации, имеющей прикладное значение

6.1. Требует расширенного использования.

Кто за данное заключение? Прошу голосовать.

Кто против? Нет.

Кто воздержался? Нет.

Заключение принято единогласно.

Разрешите поздравить Александра Петровича с успешной защитой, пожелать доброго здоровья, счастья и благополучия.

Сказать, что я сильно волновался во время защиты или был невозмутим, будет неправдой. Волнение присутствовало, но выручал до автоматизма заученный текст доклада и прочувственность каждой строчки приведенной в таблицах. Задаваемые вопросы оппонентами и членами совета для меня не были трудными или неожиданными. Я хорошо ориентировался во всех аспектах защищаемой проблемы. По словам некоторых участников совета, защита прошла блестяще.

На следующий день С. С. , пионер Целинного земледелия, прокомментировал защиту так: «Соискатель еще не сделал доклад, а председательствующий (В. М. Пенчуков) уже начал его хвалить».

В заключении состоялся традиционный фуршет. Вёл его В. М. Пенчуков. Было сказано много лестных слов. Было предоставлено слово и сыну Алексею, присутствующему за столом. Он утром с внучкой Ангелиной уехал в Орел, а я остался оформлять документы, представляемые в ВАК.

По совету помощника ученого секретаря, мы с ней оформили какую-то бумагу (я уже не помню), представляемую в ВАК в первую очередь. Стенограмму защиты и остальные документы я предоставил после нового года.

Утром 31 декабря 1994 года я покинул Москву и вечером был

дома. Встречал новый год в кругу родных.

В начале февраля по телефону А. Д. Задорин сообщил, что ВАК присудил мне ученую степень доктора с.-х. наук по специальности общее земледелие. Моя докторская эпопея закончилась. Вряд ли она прибавила мне мозгов, но позволила перейти в другое качество, стать профессором и членом диссертационного совета Орловского ГАУ. Но это уже другой разговор.

22. Работа в Орловском аграрном университете

Первая встреча со студентами агроуниверситета состоялась в начале девяностых годов двадцатого столетия. Меня попросил директор нашего института А. Д. Задорин прочитать за него студентам агрофака лекцию по почвенному питанию растений. На подготовку лекции у меня было всего два дня. Добросовестно проштудировав учебник «Земледелие» по этому разделу, я предстал перед студентами. Вероятно, я не знал специфику студенческой аудитории, меня студенты слушали плохо, часть из них пытались разговаривать между собой. Удовольствия от такого выступления я не получил.

Хотя опыт публичных выступлений имелся в основном перед специалистами сельского хозяйства: руководителями, агрономами, бригадирами, механизаторами. С ними удавалось быстро устанавливать контакт. Обратная связь со слушателями вызывала ответную реакцию. Такие выступления приносили удовольствие.

В конце августа 1998 года меня пригласил директор А. Д. Задорин. У него в кабинете находился зав. кафедрой ОГАУ Н. К. Кружков. Его приезд был связан с преподаванием студентам курса «Зональные системы земледелия», который до этого читал Задорин. Они предложили читать этот курс мне. Я дал согласие, но попросил заранее известить о начале занятий. Кружков обещал это сделать. От него получил план чтения лекций, где был только перечень тем, две книжки по этому предмету, подготовленные преподавателями Московской СХА им. Тимирязева. Буквально через несколько дней раздался телефонный звонок с кафедры и мне сообщили: «Завтра у Вас лекция». Это меня ошарашило. Я был плохо подготовлен, но пришлось идти к студентам. Очевидно, студенты чувствовали мою неуверенность, слушали плохо. Я это видел. Пытался разрушить образовавшуюся стену между нами. Стремился до них достучаться, но мои попытки были тщетны. Так продолжалось почти весть семестр. Курс включал все разделы системы, начиная с севооборотов и кончая лугами и пастбищами. В свое время мне пришлось составлять систему земледелия для ряда конкретных хозяйств, участвовать в разработке системы земледелия Орловской области. Предмет я знал неплохо, но навыков работы со студентами не было. Часть лекций мне удавалось, а за часть лекций мне было стыдно. Свои неудачи я переживал, принимал их «близко к сердцу».

Я заметил, когда начинал студентам диктовать тезисы или основные выводы в аудитории наступает тишина. Я этим стал пользоваться. Постепенно стена между нами стала исчезать.

Курс лекций был всего 20 часов и 40 часов лабораторных работ. Длился он один семестр и заканчивался зачетом. Так продолжалось пять лет. Затем последовали изменения. Курс лекций и лабораторных занятий удавался и продолжался весь год, заканчивался экзаменом. Пришлось пересмотреть все планы. К этому моменту удалось обзавестись рядом учебных пособий. Особенно помог учебник В. И. Кирюшина «Основы экологического земледелия». Для лабораторных занятий с А. Д. Задориным подготовили и издали учебное пособие «Проектирование и освоение системы земледелия хозяйства на эколого-ландшафтной основе». До этого приходилось каждое лабораторное занятие проговаривать со студентами, с появлением пособия стало значительно легче. На лабораторных занятиях появилась возможность кратко объяснить ход занятий и отсылать студентов самостоятельно работать по учебному пособию, иногда отвечать на возникающие у них вопросы.

В институте зернобобовых, где я последние годы занимал четверть ставки главного научного сотрудника отдела земледелия, началось сокращение и меня уволили весной 2006 года. Это стало известно новому зав. кафедрой земледелия профессору В. Т. Лабкову. Он предложил ставку профессора на кафедре. К курсу «Системы земледелия» прибавился для студентов – экологов второго курса» «Ландшафтоведение» и «Агроландшафтное земледелие» у студентов спец. группы (после техникума) на IV курсе агрофака. Общая нагрузка составила более 900 часов.

Ландшафтоведение для меня было новым предметом. Раньше этот курс читал Л. А. Нечаев. На мою просьбу помочь материалами и пособиями обещал, но ничего не дал. В университетской библиотеке было несколько учебников «Ландшафтоведение». Написан он профессором МГУ академическим языком. В нем было много специфических научных терминов. При подготовке курса лекций мне их пришлось перерабатывать на понятные студентам представления. Для проведения лабораторных занятий вообще ничего не было. Пришлось самому изобретать «велосипед». Удалось раздобыть карту земель ОПХ «Стрелецкое» с горизонталями, разделить ее на фрагменты, размножить на ксероксе. С фрагментами этой карты мы со студентами осваивали азы ландшафтов.

При подготовке к занятиям пришлось проштудировать много специальной литературы по экологии и ландшафтоведению. Для

меня ряд разделов этих занятий стали откровением. Нам студентам эти предметы не преподавали. Вместе с тем проработка работ по новой для меня специальности обогатила мой теоретический багаж.

Мои лекции приобрели большую научную убедительность. Я стал чувствовать себя увереннее. Мои общения со студентами стали интереснее. Мой авторитет среди преподавателей и студентов стал постепенно расти.

В летний отпуск написал письма своим знакомым зав. кафедрой земледелия в Белгород, Воронеж, Курск, Москву и Ульяновск с просьбой выслать учебные планы, пособия и материалы по интересующему меня курсу. Мои коллеги откликнулись. Я получил наложенным платежом солидную бандероль с альбомами, пособиями и рабочей тетрадью из Воронежского АГУ от Михаила Ивановича Лопорева. Хорошую рабочую тетрадь прислали и Московский ТСХА, которую я размножил и использовал на занятиях с экологами. Удалось заказать и получить через библиотеку ОГАУ новые учебники по системе земледелия и ландшафтоведению. Короче говоря, за два года создал методическую базу для проведения занятий. Но моя работа в ОГАУ была резко прервана, из-за осложнения здоровья, но это отдельный разговор.

23. Инсульт

7 апреля 2008 г. – этот день стал переломным в моей жизни. За несколько минут я потерял свою физическую активность, а вместе с ней возможность заниматься преподавательской деятельностью в Агроуниверситете, выполнять бытовые обязанности, и главная неприятность – исполнять туалетную нужду. Короче, то чего я достиг за свои шестьдесят четыре года, потерял в одночасье.

Теперь по порядку. Это был понедельник. По расписанию в Агроуниверситете у меня не было занятий. Как обычно сделал утреннюю зарядку на школьном стадионе. На перекладине несколько раз подтянулся. Придя домой, совершил утренний туалет. Позавтракал, убрал со стола посуду. Когда ставил последнюю тарелку с едой в холодильник, почувствовал что падаю. Успел сесть на табурет. В голове начался какой-то шум и шевеление, она стала тяжелой. Я наклонил голову к столу и положил под нее обе руки. В таком положении я был несколько минут. На кухню заглянула жена. Увидев меня, в наклоненной на стол позе спросила: «Что с тобой?! Тебе плохо? Вызвать врача?».

Я сказал: «Вызывай». По телефону вызвала нашего терапевта. Меня начало тошнить. Весь мой завтрак оказался на полу кухни. Ирина с трудом помогла перебраться на диван. Самостоятельно передвигаться я уже не мог. Через полчаса пришла врач Валентина Михайловна и медсестра Таисия Ивановна, измерили давление (90-130) всадили три укола и вызвали «скорую». Ирина позвонила Алёши: «Отцу плохо». Он приехал сразу. Через 40-50 минут прибыла «скорая». Алёша вместе с Евгением Александровичем – соседом на брезентовых носилках с третьего этажа эвакуировали меня в машину со словами: «Какой он тяжелый». В приемном покое областной больницы МОПРа измерили давление. Верхнее было 130 мм. Сняли томограмму и направили в реанимационную палату неврологического отделения. Раздели и уложили на кровать. Следует команда: «Перевести в обычную палату». Алёша с Ириной, они были со мной неотлучно, опять меня одели и на каталке перевезли в палату и переложили на кровать, на которой я провел 18 дней.

Сознание я не терял, но левая рука и нога отказались меня слушаться. Покосился левый глаз, от этого предметы слева двоились. Голова была очень тяжелой, в ней что-то шумело. Паники не было. Я был какой-то пришибленный. Первые сутки от меня не отходила Ирина. Она стойко переносила все неудобства и тревоги, но не показывала своих переживаний. Позже призналась,

что врачи ей говорили: «Готовьтесь к худшему. Он может остаться лежачим». По прошествии недели, я попытался с помощью Алёши встать, повис на нем как «сосиска». До меня, наконец, дошло, куда я вляпался, но до конца постигшая меня беда не осознавалась. Надеялся быстро восстановиться. Шли дни, а моя левая рука и нога продолжали существовать, как-то отдельно. Они меня не беспокоили, я чувствовал к ним прикосновение, но они не подчинялись. Чтобы изменить положение из лежачего в сидячее пришлось приспособить верёвку. Алёша привязал ее к спинке кровати, и я правой рукой подтягивался за эту верёвку и садился.

Алёша каждый день, в конце рабочего дня, ежедневно посещал меня, помогал добраться до туалета. С его помощью я сделал первые шаги, был ко мне внимателен и терпелив. Я ему признателен и благодарен. Ирина целыми днями находилась со мной в палате. К моему лечению подключилась зав. аптекой больницы Валентина Ивановна Карнаева. Она обеспечила все необходимые медикаменты. Кроме лечащего врача, посещали и интересовались моим состоянием, внучатый племянник нейрохирург Ю.В.Серегин и его жена невролог Элеонора Николаевна.

Их стараниями и моих близких я на пятнадцатый день встал, мог пройти несколько шагов.

После больницы часть больных отправляли на долечивание в санаторий «Дубрава». О своем желании туда поехать, сказал лечащему врачу. На это он ответил: «Когда по палате пройдешь самостоятельно, тогда поедешь в санаторий». С помощью Алексея я каждый день тренировался. Но накануне выписки, зав. отделения Александр Васильевич при обходе заявил: «Я Вас в санаторий направить не могу. Вы не можете себя обслуживать». Я расстроился. Нашли с лечащим врачом компромисс – направить за свой счет в санаторий со мной Ирину. Так и сделали. На 18-ый день Алёша нас с Ириной отвез в санаторий «Дубрава». Первые три дня я в столовую не ходил. Она находилась на втором этаже. Я по лестнице не мог передвигаться. Еду мне жена приносила в комнату. Потом с большими усилиями с помощью правой руки добирался до столовой. Мои прогулки и занятия на тренажерах в зале ЛФК давали свои результаты. Прогулки стали более продолжительными. Я с каждым днем проходил большее расстояние. Но левая нога часто зависала, носок ступни цеплялся на землю. Я часто спотыкался. Вид мой производил жалкое впечатление. По прошествии 1,5 лет я мало что преуспел. Еще в больнице врач сказал: «Восстановление интенсивно происходит, в основном, первые четыре месяца. Далее процесс восстановления

замедляется и к 12 месяцам прекращается совсем». За это время часть мозга потерявшая свои функции, возьмут на себя другие участки мозга. Я старался больше ходить, двигаться, но, думаю, сделал не все, что было возможно. Но удовлетворен, что обслуживаю себя сам. Первые дни моей болезни, когда я не мог встать, моей «голубой мечтой» было самостоятельно сходить в туалет. Меня угнетало, что выходящие из меня газы доставляют неудобства соседям по палате. Для их уменьшения я просил жену принести таблетки эспумизана. Донимали запоры, пришлось глотать слабительное. В очередной раз, когда захотел снизить выделения газов, решил принять таблетку эспумизана, но перепутал и проглотил таблетку слабительного. В животе началось бурление, я выпил еще. Бурление продолжалось, я еще выпиваю, и так я проглотил 4 таблетки слабительного. Естественно из меня «добро» пошло потоком. Я мучился целую ночь. В пять часов утра по сотовому звоню Алёше. Он и Ирина через 40 минут были у меня. Выгребли из под меня всю массу. Ирина глянула на тумбочку и ахнула: «Ты же пил слабительное». Понимаю состояние людей, которые месяцами прикованы к постели и не могут самостоятельно отправлять «нужду».

К моему выздоровлению подключили массажиста и методиста по лечебной физкультуре. Я благодарен им, что они помогли, на первых шагах моего физического восстановления. Помогли все. Спасибо им.

Прошло без малого три года после того злосчастного утра, которое разделило мою жизнь до инсульта и после него. Я свыкся с положением инвалида II группы. Мои возможности заниматься физическим трудом, передвигаться на значительное расстояние существенно ограничились. Все эти ограничения я перенес спокойно, но бывает обидно до слез, когда какая-то бытовая мелочь, пустяк превращается в проблему, а иногда не преодолимую.

К этому добавляются проблемы с позвоночником. У меня два позвонка деформировались и при наклонах причиняют неудобства и боль. Наклоняюсь медленно и с трудом.

Но я не сдаюсь, по утрам делаю зарядку, вишу на перекладине. Рукой жму резиновый шипованный мяч. Со второго года после инсульта осваиваю ходьбу на лыжах. С каждым днем ход становится увереннее. 3 км (10 кругов по стадиону) преодолеваю за 33 – 40 минут. В молодости за это время пробегал 10 км. Своими лыжными достижениями доволен.

Мечтаю сесть на велосипед, но пока побаиваюсь упасть и получить травму. Подводит левая нога, она сползает с педали, а вернуть ее назад не получается. Это меня останавливает.

К своему физическому состоянию стараюсь приспосабливаться. Многое научился делать одной правой рукой. Левая остается в помощниках. Она отказывается полностью подниматься вверх, вертикально. Сказывается вывих плечевого сустава, полученный при падении осенью 2003 года.

Присутствие духа не теряю, стараюсь по мере сил вести активный образ жизни.

24. Времена лихих перемен

Придется начинать издалека. В партию я вступил в армии в августе 1954 г. В какой-то мере знаком с армейскими коммунистами тех времен. Это преданные, бескорыстные люди; отдававшие все свои силы на укрепление обороноспособности Вооруженных Сил СССР; на воспитание подчиненных в духе преданности Родине, верности присяге, нормальных готовых к трудностям жизни мужиков. У нас в армии существовал «Женсовет» из жен офицеров. Комитетов солдатских матерей не существовало. Думаю, в них не было ни какой необходимости. Они появились вместе с «дедовщиной». Более подробно я написал в «Комсомолии». Как секретаря комитета ВЛКСМ Плодоовощного института им. Мичурина, коммунисты института, в течение трех лет, избирали меня членом парткома института. В то время жизненно важные вопросы коллектива подлежали обсуждению на заседании парткома и партийных собраниях: подбор и расстановка кадров; морально-политический климат; обсуждение и принятие решений, изданных вышестоящими органами партии.

Моя партийная работа продолжалась после окончания ВУЗа. В институте зернобобовых культур на первом отчетно-выборном собрании был избран членом бюро. Через год меня назначили пропагандистом в сети партийно-политического просвещения. Пришлось многие годы вести политзанятия с лаборантами и механизаторами бригады.

В РК КПСС ежемесячно собирали партактив. На него приглашали хозяйственных руководителей, партийный актив, в т.ч. пропагандистов. В качестве последнего приходилось присутствовать и быть свидетелем событий, происходящих в хозяйствах и района в целом. Бросалось в глаза, что наряду с законными требованиями устранения недостатков в хозяйственных и партийных делах, было много формализма.

Сделать объективную оценку хода событий того времени я не берусь, да и не мог бы. О них могу судить лишь по сообщениям в открытой печати. О том, что происходило на самом деле, мне знать не полагалось. Поэтому излагаю их ход с точки зрения простого, но заинтересованного наблюдателя, не претендующего на истину последней инстанции. Просто, как они мне виделись.

Как развалили Советский Союз. Развалился он не сам, а развалили его «наши друзья», в лице США и стран НАТО. Немного истории. В 1945 году закончилась Вторая мировая война. Советский Союз вышел из нее победителем. Авторитет его в мире был велик и непререкаем. Это совсем не нравилось и не входило

в планы наших союзников по антигитлеровской коалиции – США и Англии. Вскоре (1946 г.) после окончания войны Уинстон Черчилль - английский премьер министр в г. Флутоне (США) произнес свою знаменитую речь, в которой объявил крестовый поход против коммунизма (СССР).

К этому времени в странах Восточной Европы (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия) освобожденных Красной Армией, к власти пришли силы ориентированные на строительство социализма, внутри своих стран. В ответ на создание НАТО был создан оборонительный Варшавский договор во главе с СССР.

Конгресс США выделил для разведывательной и подрывной работы в этих странах, и в первую очередь против СССР 200 миллионов долларов. Началась холодная война, которая длилась до конца двадцатого столетия, развала СЭА и Советского Союза. С обеих сторон развернулась гонка вооружений, соревнования в создании ядерного оружия и его доставки. Идеологи холодной войны рассчитывали на то, что экономическая мощь США превосходит экономический потенциал СССР.

Кроме того, наши противники развязали идеологическую и информационную войну. На вооружение приняли доктрину Алена Даллеса, в которой говорилось, что Советский Союз не удалось одолеть силой. Надо это осуществить из нутрии, внедряя и разжигая, особенно среди молодежи, страсть наживы, низменных инстинктов, пьянства, животных страстей. Рупором и проводником «американского образа жизни» стала часть нашей интеллигенции, так называемые диссиденты (ученый Андрей Сахаров, писатели Александр Адамович, Виктор Астафьев и др.). Часть их была выслана за пределы СССР (А. Солженицын) В Советском Союзе велась контр. пропаганда. Под руководством ЦК КПСС (Михаил Суслов, Алексей Косыгин и многих выдающихся деятелей партии) велась большая идеологическая работа, но в ряде случаев она страдала догматизмом, наитничеством, формализмом. Это особенно замечалось в работе райкомов и низовых первичных организациях. Создавалось впечатление, что высокое начальство живет по своим правилам, коллективы предприятий, хозяйств живут по своим.

Этому способствовали создавшиеся условия для проникновения в партию непорядочных людей. К руководству партийных органов и хозяйственных руководителей устремились люди, видящие в этом корыстный интерес. Для них обладание властью стало сытной кормушкой. Свой промах и недостатки в работе, чтобы выглядеть прилично в отчетах и публичных выступлениях, не брезговали враньем и приписками. Со временем

это стало повседневным. В стране поселилась двойственность. В сводках и рапортах звучало одно, а на самом деле было другое. Желаемое выдавалось за действительность. Такая ситуация наносила большой вред построению социалистического общества. Начальство рапортовало о больших успехах сельского хозяйства, а в магазинах очереди и недостаток мясных и молочных продуктов. Товары легкой промышленности не отличались высоким качеством. Народ не хотел покупать аляповатую обувь и мешковатую одежду. Стремился, по блату или с переплатой, приобрести импортный ширпотреб, гонялся за заграничными джинсами, модными сапогами и туфлями. В народе постепенно росло недовольство партийным и советским руководством.

Начало этому было положено, когда руководство в стране возглавил Н.Хрущев. Сначала его деятельность была положительной. По его инициативе отменили обременительные налоги на крестьян. При Сталине налоги взимались с яблони, куста смородины и пчелиной семьи, находящиеся у крестьян. Была разрешена паспортизация на селе. До этого колхозники паспортов не имели. Они не имели возможность покинуть колхоз и переехать в город. Обратили внимание на плачевное состояние сельского хозяйства.

В сентябре 1953 года проведен Пленум ЦК КПСС, посвященный сельскому хозяйству, был кинут призыв: - «Город должен помочь селу». По этому призыву 30 тысяч специалистов промышленных предприятий направлены на работу в МТС, совхозы и колхозы.

После поездки делегации во главе с Н. Хрущевым в США и Канаду, в стране стали внедрять прогрессивные приемы и технологии, применяемые в этих странах: раздельная уборка; вместо прицепных плугов навесные. Только применение навесных плугов высвободила многие тысячи прицепщиков. По образцу американских создали жатки для раздельной уборки, машины для возделывания кукурузы и пр. Это все положительно сказалось на жизни села. Но по прошествии 5-7 лет темпы роста в сельском хозяйстве замедлились. Стали искать пути активизации роста производства продукции сельского хозяйства. По примеру американцев расширили посевы кукурузы, объявив ее королевой полей. По всем регионам, даже северным областям, были спущены планы посевов этой культуры. Приспособленных к местным условиям сортов и гибридов кукурузы не было. Закупали американские семена этой культуры. Технология возделывания применительно к нашим условиям не отработана. В результате тысячи гектаров, отведенные в Нечерноземье и Лесостепи под кукурузу, выклевывались грачами, попадали под

заморозки, давали мизерный урожай зеленой массы или гибли вовсе.

Весной 1957 г. в г. Воронеже состоялось Всесоюзное совещание по проблемам сельского хозяйства. Вёл его Н. Хрущев. Было принято решение о существенном (почти в два раза) увеличении производства продукции сельского хозяйства.

Инициатором этого почина, не без участия Обкома, выступила председатель колхоза Тамбовской области Евгения Ивановна Андреева, взявшая обязательство удвоить производство молока. Тамбовский обком партии сделал все возможное для успешного выполнения взятых Е. Андреевой обязательств.

За счет других, в пользу этого хозяйства, перераспределили фонды снабжения, чем вызвали недовольство у руководителей обделенных колхозов и совхозов района. Ученые и преподаватели сельхоз ВУЗа разрабатывали мероприятия по подъему этого колхоза. Студенты Плодоовощного института им. Мичурина участвовали в осенних уборочных работах (убирали картошку) этого колхоза.

Мы наблюдали кипучую работу шефов и различных помощников в выполнении хозяйством высоких обязательств.

В конце года Евгения Ивановна телеграммой в ЦК КПСС доложила о выполнении взятых высоких обязательств, но каким образом. Очевидно, удвоить производство молока, без удвоения поголовья дойного стада практически не возможно. Она поступила так. В райпотребсоюзе за колхозные деньги купила тонну сливочного масла. Потом по коэффициенту пересчитали в молоко, и это не существующее молоко сдали в счет колхоза. По сводкам молоко произвели, а фактически как лежало в райпотребсоюзе тонна масла, так и лежит, а в торговле молока не прибавилось. Второй пример. На Воронежском совещании выступил секретарь Рязанского Обкома Ларионов, пообещавший удвоить производство мяса. Для выполнения обязательств, пришлось скупать скот в приграничных хозяйствах соседних областей, пустить под нож племенных телок. Животноводство области было существенно подорвано на многие годы. Сам Ларионов, испугавшись позора, застрелился.

По инициативе Н. Хрущева Обкомы партии разделили на сельские и промышленные, организовали межобластные совнархозы. Вместо четкой координации, между обкомами появились проблемы, что внесло дезорганизацию в руководство народным хозяйством.

В 1963 году в стране случилась засуха, зерна собрали мало, образовался дефицит мучных и крупяных изделий. Пришлось вводить талоны. По ним в магазинах отпускали эти продукты.

Белый хлеб из продажи исчез. Батоны и булки приходилось привозить из Москвы. Ситуация закончилась тем, что в октябре 1964 года Пленум ЦК КПСС отправил Н. Хрущева на пенсию.

Первым секретарем ЦК избрали Леонида Ильича Брежнева. Первые годы работы на этом посту так же можно считать положительными. Для селян памятен Мартовский пленум ЦК КПСС. Его решением предусматривалось существенное увеличение капитальных вложений в сельское хозяйство: планировалось увеличение поставок сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений, средств защиты растений. Выделялись значительные средства на строительство жилья и дорог в сельской местности. Вышло специальное постановление по развитию Нечерноземья. Эти мероприятия незамедлительно сказались на валовом производстве зерна и продуктов животноводства. В стране была разработана и принята Верховным Советом новая редакция Конституции СССР. Седьмая статья в ней провозгласила: - «Руководящая и направляющая сила советского общества является КПСС». Партия продолжала, наряду с политическими и общественными проблемами, решать хозяйственные вопросы. Первые секретари партийных комитетов стали подменять советские и хозяйственные органы. В районах, городах и области они стали главными хозяевами и распорядителями. Многое стало зависеть от личных и деловых качеств первого секретаря. Во власти стали проникать карьеристы, приспособленцы, прилипалы, подхалимы, не чистые на руку люди: «Мы власть – нам все позволено». Для партийной элиты появились специальные санатории, поликлиники, персональные дачи, пайки и прочие блага. Между партийной верхушкой и рядовыми членами партии, народом пролегла полоса непонимания. В народе копилось недовольство таким положением.

К концу 19 – летнего правления Л. Брежнев превратился в дряхлого старика. Все ждали его ухода на пенсию, но он не уходил. Позже стало известно, что он ставил перед политбюро вопрос о своей отставке, но члены бюро не давали согласия.

Восьмидесятые годы прошлого столетия превратились в пятилетку пышных похорон (ППП). Ушли из жизни такие деятели государства, как Председатель Совета Министров А. Н. Косыгин, идеолог партии М. Суслов, Министр обороны Д. К. Устинов, первый секретарь Белоруссии Машеров, другие государственные деятели.

Осенью 1982 года скончался Л. Брежнев. Его место занял Андропов, возглавлявший Комитет Государственной Безопасности. По роду своей деятельности, зная о негативных

моментах и сторонах в жизни страны, объявил борьбу с нарушениями, по многим направлениям, в том числе за строгое соблюдение трудовой дисциплины. Милиция в рабочее время устраивала рейды по саунам и кинотеатрам и прочим увеселительным местам.

У нас в институте отдел кадров проверял, где и чем занимаются сотрудники, время прихода и ухода с работы. В стране почувствовалось какое-то улучшение морально-политического климата. Но некоторым такие порядки не понравились.

Ю. Андропов пробыл у руля государства около двух лет. Появилась утка, что ему помогли уйти с поста и из жизни. Я сомневаюсь. Сменил его Кириленко, бывший помощник Л. Брежнева. К этому времени он был тяжело болен. Помнится, на очередном Пленуме ЦК КПСС он делал доклад о мелиорации земель. Видно было с экрана телевизора, как ему трудно докладывать. Секретарем ЦК он пробыл около года. После его смерти место генсека занял М. Горбачев. Народу надоело мелькание на экране немощных стариков. Появление молодого и энергичного генсека, говорившего много и без бумажки было встречено положительно и с надеждой на лучшее. Горбачев провозгласил начало «перестройки». Под этот лозунг провел масштабные кадровые замены. Отправил в отставку 120 членов ЦК КПСС, преимущественно преклонного возраста, придерживающихся сложившихся взглядов.

Избавился от некоторых первых секретарей регионов: в г. Москве (В. Гришин), в г. Ленинграде (Романов). На секретаря Ленинградского ОК КПСС сфабриковали компромат, будто бы он сыграл свадьбу дочери в Эрмитаже; в СМИ организовали шумиху по «хлопковому делу» в одной из республик Средней Азии. Там обнаружили большие приписки урожайности и сбору хлопко-волокна. Было провозглашено строительство «социализма с человеческим лицом». На торжественном собрании, посвященном годовщине Октябрьской революции с докладом выступил М. Горбачев. Он подверг резкой критике сталинский период, массовые жертвы 1937 года, другие негативные моменты того времени. Под эту марку активизировалась оппозиция.

Критики в первую очередь подвергались силовые структуры государства. В СМИ появились сообщения, обливающие грязью Советскую Армию, КГБ, МВД. В Прибалтике началось открытое гонение на военнослужащих, их обзывали оккупантами. Офицерам стало небезопасно выходить из дома в военной форме. Шел вал компромата на милицию. С критикой КГБ выступил генерал Калугин, бывший работник этого комитета.

Все это было организованно с целью дискриминации силовых органов, основных защитников СССР. Но основной удар наносился на Партию. На съезде Народных депутатов массированной атаке подвергалась 7 статья Конституции СССР. «О руководящей и направляющей силе советского общества». Основными критиками стали мэр г. Москвы Попов, мэр г. Ленинграда Собчак. Главным оппозиционером сделали Б. Ельцина. На стадионе в Лужниках по выходным дням «Межпарламентская группа» организовывала многочасовые митинги. Вдохновителем и основным критиком партии выступал Б. Ельцин.

В магазинах исчезли мыло и моющие средства, табачные изделия. Дефицитом стало подсолнечное масло, курево, сахар. Их стали выдавать по талонам. В связи с антиалкогольной компанией возникли очереди за вино-водочными изделиями. Это отрицательно сказалось на отношении народа к партии и советской власти. Стали бастовать шахтеры. В стране начался хаос. М. Горбачев перестал считаться с Политбюро. Организовал Госсовет. Дело шло к развалу СССР. Стойкие коммунисты, видя куда идет Страна (Енаев, Язов, Варфоломеев, Павлов, Крюков и др.), объявили чрезвычайное положение и организовали ГКЧП. Горбачев со своей семьей отдыхал в Крыму. Он этот комитет не поддержал. Ельцин из заклятого врага Горбачева превратился в яростного защитника Президента СССР (Горбачева). Призвал не подчиняться ГКЧП. Призвал на баррикады для защиты Верховного Совета РСФСР (Белого дома 19.0911991). Вокруг Белого дома возникали палатки, пункты питания. На призыв Ельцина откликнулись молодежь и преимущественно школьники. К зданию Верховного Совета прибыли танки. Говорили, что они прибыли для защиты Белого дома. 21.09.91. танки от Дома советов ушли. Сторонники Ельцина провели митинг, над зданием подняли трехцветный (Власовский) флаг. На митинг пришел Секретарь ЦК КПСС А. Яковлев (председатель). Была провозглашена победа «Народной революции».

На следующий день с юга прилетел Горбачев, а через день хоронил трех «героев» революции. Полагаю, что они пьяные свалились с танков, погибли по своей глупости. Указом Президиума Верховного Совета СССР им посмертно присвоили Героев СССР. Будучи вскорости в Москве я был на Ваганькавском кладбище, где они похоронены. Их могилы рядом с Церковью утонули в цветах.

Побывал я возле Дома Советов. Это был день г. Москвы (начало сентября). Вокруг здания лежали куски арматуры и камни вывороченные из мостовой. Такую баррикаду можно

свободно перешагнуть. Три набитых сторонников Ельцина (лет по 35 – 40) со значками трехцветного флага на лацканах пиджаков, предупреждали: - «Баррикаду не трогать, арматуру не убирать». Все это производило бутафорскую картину.

Через, несколько дней, состоялась сессия Верховного Совета СССР. Вместо его председателя А. И. Лукъянова, открыл заседание редактор газеты «Известия».

Открывая заседание, он обратился к присутствующим со словами «Коллеги», вместо традиционного «товарищи». На этом заседании было принято решение об аресте ГКЧП. В результате репрессий застрелился Министр МВД Пуго, упал с балкона работник аппарата ЦК, при невыясненных обстоятельствах погиб Маршал Варфоломеев.

По прошествии еще нескольких дней состоялось заседание, Президиума Верховного Совета РСФСР на котором присутствовали Горбачев и Ельцин. Последний прилюдно подписал Указ о запрещении КПСС Горбачев, что-то возражал, но не убедительно.

Следующим этапом развала стала война между Верховным Советом РСФСР и президентом Ельциным. Она выразилась в недельном противостоянии, когда своим указом Ельцин распустил Верховный совет. Депутаты во главе с председателем Хасбулатовым оставались в здании «Белого дома», блокированным войсками МВД. Кончилось это противостояние расстрелом «Белого дома» танками с Горбатого моста.

Депутатов, находящихся в здании арестовали, но вскорости выступили на свободу. По словам Ельцина, в результате этого переворота, погибло 150 защитников «Белого дома». Вероятно, жертв было значительно больше.

3 октября 1993 года контрреволюционный переворот завершился. В конце года (1993) в Беловежской пуще (поближе к границе) собрались три президента России (Ельцин), Украины (Кравчук) и Белоруссии (Шушкевич). Они провозгласили роспуск СССР и создание СНГ (Союз независимых государств). Так был развален Советский союз, наступила эра развала России, которая продолжается «единороссами» по сей день, не без помощи США, НАТО и Европейского союза.

За такие «судьбоносные инициативы» Горбачеву присудили Нобелевскую премию Мира, а за развал «Варшавского договора и ГДР, звание «Почетного немца».

Позже в Турции, на каком-то сборище он заявил, что вместе с Раисой Максимовной (женой) приняли все меры, к уничтожению коммунистического режима в Европе.

Во времена Брежнева я часто дискутировал с нашим зав.

отделом Б. П. Гончаровым по общественно-политическим проблемам. Он говорил, что Брежнев против ужесточения репрессивных мер против рабочего класса. «Если на смену Брежнева придет молодой, то он наломает дров». Его пророческие слова сбылись.

М. Горбачев под лозунгом «Перестройка» начал развал СССР, Б. Ельцин завершил начатое. ГКЧП (Гос. ком. Чрезвычайного положения) во главе с Г. Енаевым (вице-президент) пытались противостоять оппозиции, но их действия были слишком робкими.

Основные дирижеры развала находились в США и Израиле.

Советский союз проиграл Холодную войну, в первую очередь не достаточно полно использовал НТР (научно техническую революцию) и на этой основе проиграл капиталистической системе в производительности труда. Это, по словам Ленина, «самое главное в победе нового строя». Вероятно, что-то упущено было в производственных отношениях. Жесткая командно-административная система управления, созданная во время Великой отечественной войны, обеспечившая победу, стала в мирное время тормозом в развитии советского общества. Надо было проводить реформирования, но начинать с партии. Недавно с экрана телевизора Н.И.Рыжков, отмечая свой юбилей, сказал: - «Советский союз стоял на двух столпах: партия и советская власть. Первый Горбачев разрушил, а второй был ни свержен. Этим воспользовались наши противники».

Заключение

Поставлена последняя точка моего повествования. Старался, по возможности, объективно изложить судьбы моих родных, но многого, конечно, не сумел, да и мне это не под силу. Получились короткие мазки нашей жизни. Писательскими способностями не владею, прошу отнестись снисходительно, к моим писаниям. Буду, удовлетворен, если кто-то из внуков и правнуков прочтет мой труд.

Моя единственная цель – донести до Вас кое-какие сведения о корнях и предках рода. В нем есть достойные люди, профессиональные военные, врачи, учителя, инженеры, строители, ученые, агрономы и много добросовестных тружеников полей, фабрик и заводов. На их долю вышло много и страданий и радостей. Им пришлось пережить Великие переломы, связанные с Революциями и Войнами. Они теряли близких, им пришлось перенести много горя и страданий, но они сохранили в душе веру, любовь и надежду на лучшую жизнь. Будьте достойны их памяти.

Ваш А. Исаев